Бетельгеус Скобни
Приключения филистимлянина из Ашдода сына Хоттаба

Бетельгеус Скобни

Приключения филистимлянина из Ашдода сына Хоттаба

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67118433
SelfPub; 2022

Аннотация

Однажды израильский царь Соломон, дарит волшебное кольцо одному из работников стройки его нового храма.

Содержание

Приключения начались 8
Неожиданная встреча 29
Исследователь Виллиорса 34
Неожиданное знакомство 55
Завершение строительства 83
Возвращение в Дан 145
Осий 217
Истинные приключения Гассана 224
Еще немного об Осии 232
Фивы 259
Снова во дворах Соломона 365
В Фивах в ожидании Гассана 375
Боинг 378

Бетельгеус Скобни Приключения филистимлянина из Ашдода сына Хоттаба

В давние времена, миллионы лет назад, земля растрескивалась по швам, и вытекающая из них лава образовывала накипи, которые холодный космос превращал в твердь. Здесь энергия планеты собиралась больше. Затем, взаимодействуя с магнитными потоками поля Земли, делала причудливые формы, похожие на человеческие фигуры. Времена менялись, время шло. Периоды терраформирования менялись. Вскоре, когда человек заселил планету, появлялись его эпохальные развития с промежутками между войнами, новыми цивилизациями и их индустрией.

Тогда человек в самом деле задумался над своим происхождением, вследствие чего самые серьезные, рациональные и здравомыслящие люди достигли наилучших результатов в своих сферах, таких как наука математика, астрология и физика.

Но все это, как ни парадоксально, лишь осколки более древних цивилизаций, которые в одночасье были уничтожены стихией самой планеты. Земля неоднократно за миллио-

ны лет наблюдала за возрастанием цивилизаций их периоду жизни и угасаний как постепенно, так и внезапно.

Одна из таких последних культур гражданского сообщества, раскинутая на многие километры по всей Земле, потеряв однажды «ось» правления, полетела в тартарары, люди разбежались по руслам рек, по полям, через леса в горы, на пустоши, по всему земному шару. Однако большая часть поселений, имея значимый статус в своем роду от каждого общества, не желая тратить свои жизни и силы на поиски нового жилья, по размерам удаленности ушли на недалекие расстояния от своего прежнего места обитания.

С того и началось как развитие, так и растление на периоде развития новых человеческих групп, разбиваясь друг от друга поселениями они стали отличаться своими культурами.

Космогоническая же часть отличалась от земной тем, что была очень хорошо известна, вплоть до осознования ее жизнедеятельности представляя колоссальные возможности людям.

Эпоха за эпохой человек научился высекать огонь и делать жилища, земля остыла и стала пригодной для жизни.

Но в тех местах, где еще оставалась бурлить деятельность планеты, совершались немыслимые чудеса. Иногда и губительного характера, где часть из них составляли вулканы и, казалось бы, безобидные гейзеры.

В других местах, где работа внутренних механизмов пла-

неты уже обновилась, проявлялась человеческая жизнедеятельность. Но до обоснования человека существовала жизнь неизвестных ему существ, ныне иногда внедряющаяся в людскую жизнь или, делая едва видимое свое проявление, собственно, нагнетая при этом ужас, или наблюдая за развитием других жизней. Человечество до сих пор не может признать тот факт, что, кроме их физических телесных гоминидов, есть и другие, не являющиеся явью эфирные существа, в частности, те же гоминиды со своей скрытой жизнедеятельностью. Но люди называют их духами, привидениями и джиннами.

О последних существах, так и не принявших после землетворения ни явственных тел, ни своего эфирного пространства, имели свое дуальное существование. Джинны остались при своем понимании, разделившись на два понятия – добродетель и гордыня, после обновления от первого планетного терраформирования Земли покинув ее начав кочевой образ по эфиру межзвездной вселенной. Прибьются так наконец они, скитаясь по межзвездью, к какой-либо планете, где есть мыслящие существа и, по своей же воле следуя своей участи вечного должника служить им оставляя за ними право повелевания ими. Или же, сгорая от скуки, проживать на необитаемой планете, где человечество просто не сможет существовать.

Таково существование джиннов, ангелов и прочих духов бесконечности.

И на издревле раскаленной, начинающей остывать планете места, покрытые рассеченными шрамами, или если в одних местах ее кора притягивалась с другой в отдельных местах, образовывая горы. Предоставляя шанс людям в будущем раскрыть или случайно попасть на такие места и обустроить на них свое место проживания. То придавало это им при таком совпадении усилить свою физическую мощь, или здоровье, а также питание духовной энергией, или даже получить возможность проходить через порталы, связующие свой человеческий мир с эфирным пространством благодаря магнитуде биоэнергии в сочетании с потокам магнитных полей планеты.

Но такие места крайне редки, как и то, что со временем они на протяжении столетий затягиваются в связи с изменением космологических уровней земли, которые часто переменны. Поэтому все, что было ранее хаоса, приобретает уравновешенный характер.

Планета до сих пор является растущим объектом в галактике и относительно молодым миром. И пока есть шанс встретить что-то, что человеку казалось бы неизвестным и неизведанным.

Приключения начались

В юго-западной части отдаленных земель с севера тянулась холмистая дорога. Кто по ней шел или ехал верхом, если остановится и станет вглядываться вдаль, то перед ним предстанут песочные барханы до первых поселений в противоположность начала своего пути. Той, где возле рыболовецкой заводи местных жителей раскинулось море с привкусом воды, отталкивающим от ее употребления в чистом виде.

***

Раннее утро. Молодой человек по имени Хесен, взобравшись на коня, решил проехать по береговой водной глади моря.

За дальним холмом возвышалось другое небольшое возвышение, на котором одиноко стояла хижина подданного израильского царства иудея Форсиата, проживавшего со своей дочерью – черноволосой Маруанной.

Хесен однажды завидел девушку в то время, когда он охотился на оленя. Увлекшись, он не заметил, как пересек границу между его народом Филистии и Иудеи, в которых народы неплохо держали отношения между собой впоследствии после нескольких между ними войн. Набеги со стороны его соплеменников уменьшились, а после, когда минуло более пятидесяти лет и филистимляне вовсе отошли на последний

план, прекратив общение с арамеями, потому как между ними разрослось Израильское государство, на троне с царствующим главой, о котором так никто и не дал понятливое объяснение его внешнему образу.

Хесен мчал коня, чтобы решить наконец свою судьбу.

– Хесен! – окликнули его сзади.

Это был его друг Патон. Величественный, на своей лошади он казался статуей, и после нескольких окриков Хесен остановился. Требования его соплеменника заставили вдруг задуматься. По какой необходимости тот его преследует? Хесен развернул коня. На лице юноши заходили желваки, он нервничал, он не желал задерживаться с соплеменником но стал ожидать его привлеченный его личной харизматической важностью. Патон приблизился.

– Хесен… – с надменной улыбкой сказал Патон, – ты куда так рано животное направил? Разве ты забыл о подготовке к празднику Ревашн?

Хесен не понимал потребности в его вопросе.

– Сейчас ты просто загонишь своего Лоскутика в такую рань.

Патон все же догадывался о пути своего друга. Он обратил внимание на дальнюю хижину, дым из которой развеивался по ветру.

– А дома твоя матушка, наверное, с самого утра готовит пательты[1], которыми ты так любишь нас угощать. Помнишь?

---

[1] Лепешки на муке с картошкой и специями.

– Да, а что? – терял терпение Хесен, он хотел поскорей встретить Маруанну.

Он ласково похлопал по морде коня, тот словно ощущал нервозность хозяина.

– Так что же ты так загнал с утра свою скотину, Хесен?

– Так искупнуться захотел, Патон.

Патон враждебные восприятия имел с граничившими с ними иудеями. Взращенный на рассказах и историях, считал он, что некий иудейский царь отодвинул в сторону их предков, побуждения его были патриотичны.

– Гляди, Хесен, если ты что задумал, не играть тебе больше в наши праздники. Я до Харезта дойду, всю тебе нишмат[2] вытащит, не будешь ты больше…

– Да кто ты такой, в самом деле, чтобы судить меня?! – не выдержал Хесен.

Хесен всегда прислушивался к более сильным игрокам и вожатым, но в этот раз у него появилось ощущение, что у него забирают не только победу, но и часть его самого.

Патон всегда славился лучшим игроком, и всегда побеждал Хесена, и теперь по натуре своей заботливой взял шефство над товарищем. Но Хесен желал другого, нежели игр в лошадиных скачках или фигле, где лошадей используют как дополнение к этому состязанию с мячом и палками, которыми игроки должны забить мяч в особые небольших размеров ворота, и в этой игре Хесен был всегда запасным игроком.

---

[2] Буквально с др.-ханаанского «сущность».

В состязательной борьбе он также проигрывал Патону, и зачастую Хесен побаивался своего соплеменника, делал вид, что прислушивается к его учениям и советам. Но в этот раз в нём разыгралась его внутренняя борьба, ему хотелось воли. Патон на вопрос Хесена, казалось, обратил вниманием безразличия.

– Что?! – выкрикнул Патон.

Хесен прислушивался к самому себе. Ему хотелось вышвырнуть своего друга из своей судьбы за непонимание.

– Я волен как птица. Я… хладнокровен как змея… – цитировал он Патона.

Тот в свою очередь успокоился, он знал: Хесен всегда был послушным, и сейчас его негодование – это всего лишь ребячество. На его лице появилась улыбка.

– Ну, вот и молодец, Хесен, теперь я знаю, нет, теперь я уверен, что ты настоящий мужчина! – слукавил Патон, на самом деле он всегда считал Хесена неудачником и слабохарактерным, считая, что только он сможет защитить его от каких-либо угроз. – Давай домой.

Он развернул лошадь, стегнул по крупу животного и, отскакав несколько метров, остановился, оглянувшись. Хесен по-прежнему находился на своем месте, его переполняли накопленные эмоции, бушуя.

– Домой, Хесен! – позвал его Патон как собачонку.

Хесен слез с коня. Это был бунт, и он знал – этот бунт он проиграет. На играх вольной борьбы, он знал, случалось

многое. Из-за проявленного неуважения к одному из поселян жители побили бы даже более искусного воина. И тот едва добрел бы до дому. Но здесь только песчаная гавань, густая трава правобережья, представлявшая морскую бескрайность. Патон, казалось, колебался, но дальнейшие его действия скорей обескуражили Хесена, чем насторожили. Патон вдруг развернул лошадь и умчался прочь. Оставшись один, Хесен, казалось, выиграл свой первый бой, какой-то новой техникой, необычной, простой, без боя. Стало даже скучно. Хотелось догнать Патона и, объявив его трусом, повалить на землю и утвердить себя победителем. Но что-то изменилось в нем, бои не прельщали его. Осмотрев морскую гладь, Хесен кинул безмятежный взгляд на взошедший диск солнца, зажмурился, перевел взгляд на коня Лоскутика.

– Ну что, друг мой, поехали добывать невесту?

Конь, услышав, словно поняв хозяина, фыркнул, как бы в согласие.

Хесен Аквиинский оседлал коня и направил его к хижине возлюбленной.

Это юноша двадцати одного года, воспитанный филистимлянкой в поселении аквиинов, живших рядом с морем, а поодаль с ними соседствовал народ фэхтер, те, кто довольствовались и знали разные способы приготовления грибов, засушивая их, употребляя с медовухой, рыбницей, или ели как хлеб. Народ Хесена граничил также с дорудеями, вроде лесных братьев, те, в свою очередь, с другими, и так Фили-

стия раскладывалась на многие племена в каждом со своей идеализацией или выращиваемой культурой.

В поселениях Израиля, другой части Ханаана, бытовала общая колония, разделенная на разного рода отличия людей по познаниям, мышлению и интересам. разделяясь своего вида кварталами, в свою очередь похожими уже на городские поселения со своей отличительной структурой домов, парков и мероприятий-развлечений. При целом богослужении народ именовал себя царством под управлением из первой династии царей вторым монархом, при котором оно более разрослось и улучшилось, чем прежде.

Храмом поклонения царя того государства Соломона являлась статуя в виде солнечного диска. Вторая статуя, с распростертыми крыльями, означавшая место восхождение правителей израилевых, в народе говорили, что это было подобие их врат откуда они приходили.

Действительно ли высеченные распорки в лесах у холма Исайя имели туннель в другой мир или это была лишь легенда, могли знать лишь два человека в Иудее. Одним из них был Форсиат Хорезмийский, который ныне проживал уединенно со своей дочерью Маруанной вдали от их прежнего места обитания Ибн Шовея – центрального города Израиля, и кто-то еще.

В утренний час десятого дня шестого месяца перед сбором растительных форм для еды и заготовкой к перемене погоды, когда в полуденный час море студенеет, и это означает,

что наступают холода. В землях поселений Хесена в это время занимались большой охотой и укреплением хозяйств. И почему-то именно в эту пору праздновалось больше свадеб.

Позабыв о проблемах и земельных делах, Хесен направлялся к заветному холму. Наконец остановив коня, он спрыгнул, не решаясь подойти к хижине. Чуть поодаль от дома собака гоняла несколько овец, три козы паслись возле небольшой деревянной постройки, видимо, являвшейся хлевом и молотильней. Хесен направился к дверному проему хижины с едва прикрывавшей вход дверью, сделанной из хвороста и соломы, не заметив издали приближения телеги с возничим. Отодвинув в сторону дверь, Хесен все же заметил транспорт. В повозке был юноша двадцати трех лет с короткими вьющимися волосами темного цвета. Свои длинные волосы Хесен убирал в пучок, что являлось знаком конного бойца, не выигравшего ни в одном состязании, но имевшего статус воина. В этом ранге он мог бы делать распоряжения двум или трем ученикам, которые имели лишь смутное понимание о состязаниях. Молодой человек, спрыгнув с телеги, подошел к Хесену.

– Исаак, – представился юноша, протянув руку Хесену.

Тот не был знаком с жестами приветствия и не знал, что делать в ответ. Задумавшись, однако, он поспешил в ответ его дружелюбию и их знакомству, действиям относящихся своих племен, положив ладонь на его плечо, шлепнул пару раз по его щеке, затем, обняв его, похлопал его по спине

обеими руками. Те, кто не участвовал в боевых состязаниях, ограничивались в знак дружелюбия и уважения при приветствии стеснительной улыбкой. И, отпрянув от туземца, коротко представился:

– Хесен.

Конечно, Исаак опешил, но все понял. Что тот был не из этих мест и со своими нравами, однако кто он по племени, Исаак не догадывался.

– А где Маруанна? – спросил Исаак.

Языки немного отличались от вновьзаселенных ханаанских племен, но по своей натуре изволивший к познаниям Хесен иногда занимался их изучением со своей матерью, отлично знавшей три языка.

– Я не знаю, – помотал головой филистимлянин, желая, чтобы тот его понял если не словесно, то по жесту.

Исаак задумался над изменением слов нового друга, но ничего по этому поводу не сказал.

– Пойду, поищу ее у воды, а ты скинь все с телеги, лады?

Исаак принял Хесена за охотника, который желает перекантоваться в доме Форсиата. Хесен не стал противиться, Исаак ему понравился. Сняв с повозки несколько легких тюков, филистимлянин направился в саму хижину.

Внутри было тепло и сухо. Соломенная крыша, просмоленная вязким веществом в разных местах, также как и стены, надежно укрывала от порывов ветра. Сложенная из квадратных камней и малых валунов печь держала внутри теп-

ло. Выведенная наружу труба уже не дымила, но раскаленный уголь еще сохранялся в топнике, который прикрывала металлическая заслонка, поддерживая тепло. Слева в стене был проем, ведший в комнатный карман, в котором дремал на кровати из деревянных лаг и соломы мужчина лет шестидесяти. Тут Хесен понял, что зашел в чужой дом, как вдруг в другом проеме этой комнаты что-то шевельнулось. Внезапно оттуда выбежала кошка. Выпучив глаза, осмотрев гостя, как ни в чем не бывало обошла его, потеревшись о ноги Хесена, и направилась к кровати хозяина, уселась на ее край, затем взобралась на его живот, но тот, словно не ощутив ее присутствия, просто перевернулся на бок. В это время Хесена заинтересовало, что происходит в другом отделении хижины, откуда появилась кошка.

Там вновь что-то мелькнуло, похожее на кусок белой материи. Хесен подкрался к краю проема. Заглянув за угол, он тут же хотел отпрянуть от стены, хотя никогда не считал себя трусом. В это время Маруанна, едва прикрыв наготу, примеряла новую волнистую ткань как новый наряд.

В те времена как таковых платьев не было. Но в моду одеяний уже входили разновидность украшений: орнамент, качество тканей, разного оформления. В более бедных поселениях вроде идумеев, части южных племен и основного пятиградия коалиции филистимлян, откуда был Хесен, была одежда проще, в частности, из мешковины или накидок из соломы. В некоторых случаях, но лишь для жертвоприноше-

ний или празднеств, использовался неокрашенный атлас.

Взгляд застыл на полуобнаженном женском теле девушки. Маруанна в это время скрыла свое тело под холщевой тканью, одеждой, выкупленной на собственные скопленные сбережения на рынке Эльтека.

Наконец девушка обернулась, но кричать не стала. Скорей на ее лице появилось изумление, и вскоре, развернувшись полностью к нему, она скинула свою одежду, обнажив себя.

Хесен был рожден на земле Ханаанской, где народ был приверженцем старых религиозных традиций, поэтому не признавал нового терпимого во всех отношениях культа израильского царства, монотеизм, предпочитая других богов.

А в идеях племени города Ашдод имелось понятие, что если девушка в одежде с признаками наготы будет сопротивляться, потому как она будет привлекать внимание мужского пола при попытке овладеть ею, то мужчине или в особенности молодым людям будет это простительно, если не признательно вообще как и в любом малочисленном населении какого-либо культа божества. То при новом иудейском законе тех же земель Ханаанских присоедениться к женщине без ее согласия принималось как насилие.

Маруанна не знала, как выглядит обещанный жених, который сейчас направлялся на ее поиски к морю. Но только различия обличия описанные обещанного ей на словах будущего жениха, и ввели ее в заблуждение. Однако Хесен все понял и не растерявшись, сокрытым счастьем застигнув свою

мечту, он слился с ней в единое целое, и Маруанна оказалась его первой женой.

Исаак в это время, спускаясь по склону холма, пытался отыскать фигуру обещанной ему девушки. Но тщетно. Еще перед тем как начать спуск, он, интуитивно всматриваясь по сторонам, хотел бросить эту затею, но, еще ранее воодушевленный от пожелания его родных отправиться за Маруанной из Эльтеки, подался к берегу Средиземноморья.

***

– Исаак, – говорил ему отец, – ты у нас хороший сын. Крепкий.

Юноша в действительности выглядел как атлет супротив Хесена из Филистии.

– Тебе уже двадцать два года, и тебе нужно подыскать себе жену.

– Но…

– Никаких возражений! На берегу иудейской границы, на краю с дикарскими племенами из Ашдода, живет мой братец по колену. Он отошел от мирских дел после объявления царствия царя великого и справедливого Соломона.

– Бать, а ты знаешь, как царь наш выглядит? – внезапно сменил тему сын.

– Наш царь не суров, но справедлив. Ну… За все времена истерии земли Ханаанской не было такого умного правителя. Ты лучше учти, что он сделал. Порядок – раз. Вывел

учение, по которому все ясно и просто, – два. Ну и многое… Но дело, сын, не в тебе, не в твоем мировоззрении и не во мне… это я о моих годах. Дело в том, что ты уже взрослый. Иди и приведи сюда невесту, иначе…

Мужчина задумался.

– Иначе возьмет ее у тебя кто-нибудь из дикарей.

Исаак задумался.

– Хорошо, отец, я сделаю, как ты велел.

– Да не я, сын мой. Тело твое уже вскормлено, пора и тебе семьей обзаводиться. Мы с Иозорой тебе поможем, если что.

И под вечер этого дня они собрали подарки невесте, и к утру Сизиф с Иозорой отправили своего сына за молодой.

А в это время, вкушая о встрече с прелестной Маруанной, судьбе на встречу готовил своего коня, Лоскутика бесстрастный юноша по имени Хесен.

***

Исаак долго ходил по низине холма, но, поднявшись к хижине, он был уверен, что филистимлянин разгрузил его тюки, испугался повелительного взгляда и телосложения израильского подданного и сбежал.

И когда в хижине повстречались названый жених и гость другого сословия и быта, все бы произошло более непредсказуемо, если бы не проснулся хозяин дома Форсиат. Маруанна вглядывалась в Исаака, сразу все поняла и в то же время приняла решение. Она выбежала из хижины по направ-

лению к морю. Вскоре, не нарушая спокойствия, оба юноши молча вышли из хижины. Хесен в первую очередь направился к своему коню, оседлав Лоскутика, потеряв из виду возлюбленную, направил его в сторону своей родины.

На том первая история Хесена на земле израильской закончилась. Вернувшись в Ашдод, город своего племени, Хесен еще долгое время думал о том времени, когда они были вместе с Маруанной, но в то день он не испугался незадачливого юного израильтянина, скорей у него появилось ощущение, что он вторгся в чужую семью, сблизившись с посторонней женой.

Прошло два года. За эти годы в Филистии многое изменилось. Сменился новый лидер, который еще больше возненавидел царство Соломона. В основном судившего его по новостям. О его наказаниях, пытавшихся силой захватить и установить свои порядки, людях, проводивших мятежи, которые случались даже в некоторых частях Иудеи под покровительством самого израильского царства. Потому как спор с ним карался захватом его филистимской деревни, где царь Израиля мог приравнять его земли к своему царству.

Хесен решился на побег из этого печального положения, который создался как-то сам.

И однажды филистимлянин Хесен из племени аквиина города Ашдод по его отцу, которого звали Бебедат, оказался на равнине государства израильского в израильском колене Дан, граничившего меж другими поселениями Ханаанской

земли, не являющиеся подданством Израиля.

По всей окраине Средиземноморья колонизаций стоял период похолоданий. Но часть народа Филистии уже готовилась к празднику, когда божество Дагон посылает им множество рыбы и животных, за это они, собственно, конечно, приносили ему жертву. И в этот раз поселяне, довольные своими проведенными холодными днями в прошлые дни прохлад в сытости, готовили легкую жертву из числа крупного рогатого скота, самого добротного буйвола. А иногда в такие периоды для наибольшего благоденствия отдавался бурый медведь, чья шкура очень ценилась среди знати.

Хесен имел к Луирике, так и несостоявшейся его жене, не особо привязаные чувства. Ему был неподдатлив путь оседлой жизни. Его увлекал поиск, имевший всякий вид учения любого мастерства, или желание просто исследовать мир. Все больше его воодушевляло внимание по отыскиванию ответов на иудейской земле. В частности, удивительные легенды о самом царе Израиля подталкивали его вглубь этой цивилизации.

И вот со временем удачно поселился в одной из хижин в народе израильском, который, как заметил Хесен, имел другие мировоззрения, в отличие от областей, в которых ему удалось побывать, проехав верхом от родины до границ Израиля более суток.

Пробродив в Дане, устав за день, вернувшись обратно к позднему вечеру, филистимлянин расположился на кровати

в снятой им комнате, состоявшей из деревянных настилов и сухой соломы. Всматриваясь в маленькое окно, он размышлял. Возле оконца и входной двери на полу стояла лампа, из которой выходил кусок фитилька, объятый огоньком, вполне освещая комнату путешественника и стены, выложенные из известняка.

Несмотря на холод на улице, в комнате было тепло и уютно. Общая печь, растапливаемая в комнате хозяина, обогревала три комнаты. А также верхнюю отдельную комнату, что была над самой комнатой хозяина и являлась скорее прикрытой верандой, над Хесеном крыша использовалась как открытая терраса.

Внезапно в дверь постучали. Это был хозяин дома Равен. Возраст мужчины был около сорока трех лет. Всю семью здесь он представлял один. Его жена и дети его жили в Кадеше, городе, расположенном вдали, за пустошью Идумеи на юге, где проходит граница между Израильским царством и восточными кочевыми племенами, от которых было мало бед. В далеком прошлом это были разделенные воинствующие друг с другом племена до завоевания ими Иевусеями.

Равен был низкого роста, поэтому склоняться в проходе ему практически не приходилось.

– Могу ли я зайти, странник мой? – спросил хозяин принявшей его обители, прежде чем переступить порог.

– Да, Равен, конечно. Входите.

Равен, выхаркавшись, все же неуверенно вошел внутрь,

прикрыв за собой дверь. Для закрытия ставень металлических петель не было, они появились позже, когда царство распалось на независимые колена. Это в будущем районы Израиля, где принадлежность израильтян к одному или другому клану ведущих названия от имен сыновей Израиля по понятию философского взгляда религии ставшие еще ранее олицетворением в разной ее символике . Но сейчас на дверях были кожаные ремни по бокам, которые были тверды как дерево. В поселениях Хесена такого новшества не было, дверь хижин в его народе отнималась и прикладывалась как заслонка.

Хесен приподнялся. Он имел большое уважение к жителям Израиля, несмотря на различные сплетни своего племени о том, что здесь живут пустосвяты, фарисеи и упрямцы.

В самом деле, после мотания пророка Моисея по пустыне с еврейским народом, бежавшего от преследования их фараоном, хозяином Нила, тростниковых земель, как гласила легенда. Позже при царях израильских этот народ, собственно, который и составил большую часть жителей Ханаана, был более лоялен к другим народам из небольшого их числа людей, соседствующих с ними. Ведь все же всеобщее еврейское мировоззрение мало кому подходили к вновь прибывшим переселенцам на их земли.

Под заросшим лицом хозяина хижины кожа была словно воск.

– Я, конечно, не смею, – продолжал Равен, – но если вам,

молодой человек, нужно проживать долгое время у меня, прошу внести залог.

Хесен присел на кровати, но спина его была выпрямлена, он ожидал этого вопроса.

– Так. Да… – сказал Хесен, почесав затылок.

Хозяин вновь закряхтел и сильно закашлял.

– Аллергия страшно замучила, кхе-кхе… – произнес Равен.

После нескольких попыток откашляться на него невозможно было смотреть, он будто был измучен какой-то болезнью, но точно это была не аллергия.

– Папаша, вам бы к лекарю направиться, – подсказал Хесен.

На что хозяин уставился на него, словно завидел степного белого волка.

– Никто не должен… кхе-кхе… указывать мне, что мне делать! Оплата вперед!

Он словно захлебывался кашлем. Хесену стало жаль его, он достал из мешочка несколько монет и протянул ему. Тот, немного успокоившись, принял оплату, тут же перестав кашлять, но его томный вид нисколько не изменился. Он вышел.

Хесен прилег на тахте, как вдруг вновь подскочил.

– Равен?! – решил он окликнуть хозяина съемной комнаты, когда дверь закрылась.

Выскочив на улицу, Хесен хотел выискать его во дворе, но под тусклым светом луны никого уже не было. Недолго

думая, удивившись скорости исчезновения хозяина – от его двери до двери Равена было несколько шагов, но и тех было мало, чтобы потерять его из виду. Хесен направился к другой части хижины. Приоткрыв соседнюю дверь, юноша обнаружил три светильника, озарявшие комнату словно днем.

Раскрыв полностью дверь, он заметил хозяина ночлежки, стоявшего спиной к нему посреди комнаты.

– Хозяин, – шепотом произнес Хесен.

И только после того, как он назвал его по имени, тот отреагировал, медленно повернув голову.

– Что тебе, сумасброд филистимский? – спросил Равен.

Хесена удивили знания о нем иудея, но он не подал вида, он даже забыл, зачем он появился в этой части дома.

– Так это… спросить хотел, уважаемый Равен, – пришел в себя Хесен.

– Ну, говори, филистимлянин.

Равен, развернувшись в сторону гостя, сделал несколько шагов. В руках его были деньги Хесена, которые он тут же положил в карман халата.

– Ну, во-первых, – начал, сбираясь с мыслями, Хесен, – откуда у вас такая уверенность в том, что я, – Хесен мотнул головой, – с того края земли?

Равен молчал.

– Ну а второе… – Молчание Равена настораживало Хесена.

Юноша считал, когда человек при общении с ним стоит

с напряженным взглядом, сам поневоле начинаешь задумываться, а не спешу ли я с вопросами к нему, а вдруг они станут опасны для самого задававшего их.

– Хотел бы спросить…

– Знаю я, что ты Хесен из Ашдода и что надо тебе. – Равен внезапно изменился в лице, словно подобрев.

Сквозь его бороду и усы угадывалась улыбка, и в это время Хесену показалось, что иудей был намного старше своих лет. Равен отвернулся от него.

– Деньги тебя интересуют, но как бы заработать их более… – Он бросил кроткий взгляд на гостя и продолжил свои дела.

Он находился у камина. На верхнем карнизе топки, что была из того же материала, как и печь хижины, – из глины и специальной крепкой смеси, были расположены две гончарные чашечки, он достал монеты из кармана и положил в одну из них.

– Ты думаешь, я буду пускать всех, кто захочет поселиться в этих окрестностях? – загадочно спросил Равен. – Нет.

Хозяин развернулся.

– Мне известно твое будущее. Гассан.

Когда он назвал его другим именем, то удивил филистимлянина.

– Вы ошиблись, уважаемый Равен, меня зовут…

– Хесен?! – заросшая лицевая часть Равена скрывала хитрую улыбку, но взгляд хозяина был добрым. – Пусть будет

сейчас так.

Удивительно, но недуга во время их общения у Равена словно и не было. Хесен даже забыл, что тот ни слова не мог произнести, не откашлявшись.

– И тебе надо идти, Хесен, отдохнуть. Завтра с утра, как проснешься, можешь прогуляться по улицам. К вечеру у меня будет похлебка для тебя, если проголодаешься. Завтра и поговорим.

Хесен пожал плечами и вышел.

На дворе стоял легкий прохладный вечер. Близилась ночь. Но луна, уже воцаряясь, пробивала на затянутом облачными сгустками небе свой свет. По окраине стали меньше, но отчетливо слышаться голоса горожан. Где-то скрипнула телега. «Туда идти не стоит, – подумал Хесен, – там повозная дорога». По дороге могли катить телегу, и мешать ее проезду лучше не надо. Порывшись в туеске, он нашел пару медных монет. На одной стороне было изображение орла с раскрытыми в стороны крыльями, будто его вспугнули, на другой – изображение человека. Тут же с левой и правой сторон была выгравирована аббревиатура букв «царь иудейский».

На них можно было приобрести мешок овса, три кувшина молока или десять свежих хлебцев. Но Хесена это интересовало сейчас мало, чтобы быстрее заснуть, хотелось найти заведение, где было бы неплохо перекусить и взять напиток, от которого чуть захмелеет голова.

Однако все же он перепутал дороги.

– Эй, посторонись! – крикнули из темноты, и тут же появился хозяин голоса, это был человек, толкавший повозку.

– Ты что улиц не знаешь?! Здесь же дорога для повозок! – добавил человек, когда они с Хесеном поравнялись. Пришлось юному путешественнику изменить свой маршрут.

Мысль о том, что этот человек мог бы посоветовать ему, где найти искомое место, Хесену пришла, когда тот удалился и останавливать его уже было поздно. «Хм, может, этот дядя и прав», – подумал он о водителе повозки, и филистимлянин решил направиться обратно в свою лачугу. Неразумно промышлять в темноте в малознакомом городе, пусть уже двое дней проведенных в нем, где нет уверенности, что за эту прогулку он найдет что-то интересное и полезное. Вернувшись в дом, он улегся, решил подготовить все вопросы, какие он мог задать странному хозяину дома завтра. Чувствуя радость от того, что будущий ужин ему обоспечен хозяином. Но на похлебку на следующий день он не попал.

Неожиданная встреча

На следующее утро Хесен проснулся от стука в его дверь. Глухой стук был напористым, но не сильным. Накинув свою кожаную жилетку, сложенную на табурете, выделанную из кожи какого-то хищного водоплавающего животного, он направился ко входу.

На нем была надета холщовая рубаха длиной по колено, брюки такой же материи он приобрел на местном рынке в день прибытия. Туфли были с загнутым носом – обувь, не так давно пришедшая в эти земли, но встречавшаяся здесь изредка такая мода из разрождающейся культуры Моавии, от прибывавших сюда людей, которые нередко оставляя кочевой образ жизни, оставались в Израиле, в городе храма, который, по легендам, вел в небеса через Иерусалим. Хотя храма как такового еще не было, он был в разработке, но название на иврите «Иерусалим» уже разлетелось по округе, глася о том, что это и есть Врата в другой мир.

Все это Хесен приобрел, продав коня, посчитав, что здесь он ему будет не столь необходим, как деньги на ночлег и на пропитание. Хесен подстригся, но оставил до шеи длину волос, которые иногда собирал в пучок на затылке, отдавая тем самым дань культуре своего народа. Лошадь дорого ценилась везде, как и в городских поселениях. И после покупки одежды денег с продажу коня ему хватало, чтобы провести здесь

еще несколько дней.

Хесен открыл наружу дверь. На пороге стояла девушка лет двадцати. Она скрывала лицо частью головного платка из виссона и, лишь когда говорила, приоткрывала его. Она была высокого роста, ниже филистимлянина. Губы ее были тонки, и говорила она, едва открывая их.

– Умоляю вас, спрячьте меня у себя ненадолго! Я вам хорошо заплачу! – уверяла незнакомка на ломаном современном еврейском языке.

Хесен, недолго думая, впустил красавицу. Девушка заскочила в хижину, тут же прижалась к стене рядом со входом, зажмурившись едва дышала. Молодой человек недолго разглядывал ее.

– Может, вы все-таки объясните, что у вас случилось? – спросил он, стараясь говорить как можно тише.

Девушка словно вышла из оцепенения, но не сразу. Она обратила внимание на Хесена, ненадолго задержав на нем взгляд.

– Я наложница царя Та-шемау, который больше не владеет мной, но из септа Таниса заставляют меня быть прислужницей, это… Это значит, что я должна всю свою жизнь провести в заточении. Мое сословие родом из Копты, – продолжала девушка, было заметно, что она волновалась. – Давно оттуда из нашей семьи была моя прабабушка. Она была царицей, возлюбленной царя забытого святилища «Горизонт», посвященного Атону, который хотел служить одному этому

божеству. Потом, когда богов вернули моим предкам, наш народ никогда не был в обиде. Но сейчас что-то изменилось. Но у меня… у меня сильная интуиция, которая подсказывает мне, что нынешний царь Та-шемау не имеет никакой силы. Везде интриги. Моего верного мне жреца Храма Солнца Абишу сменили и поставили на его место бесталанного и взяточника Херсиса, приспешника из Греции, у которого теперь новое имя – Ибаш Хиль Атес, что значит «восстанавливающий дух быка». Но этот… он не стоит даже моего парика!

Речь девушки была обеспокоена, она пыталась правильно подбирать слова, что ей, переводя дух, все же удавалось. По-видимому, иврит ей был неплохо знаком.

– Но есть разговор… был, я подслушала, – она говорила, не отрывая взгляда от Хесена, будто старалась найти в нем единственного друга и чрезвычайного человека, который мог бы ей помочь. – …В Храме Абу Сим бел. О том, что на земле Ханаанской есть удивительный и премудрый Соломон, царь израильтян, который мог бы мне помочь. Хотя бы потому что я сама представительница древнего царственного рода.

Хесен имел мало представления о земле тростника, расположенной на границах юга и Африки. Но об удивительной реке с чудовищами под названием «крокодилы» был наслышан. Кожа нильского крокодила высоко ценилась хотя бы потому, что охота на них разрешалась лишь в определенный

период, и несоблюдение этого закона каралось кормлением этим же хищникам этими же нарушителями. И еще ему была знакома заброшенная пирамида в долинах Мицраима, откуда была родом незнакомка.

И все же Хесен не понимал, кто гонится за ней. Нефертатонптах – так она называла себя, словно прочитала его мысли. Она продолжала:

– Чернокнижник Абду иль Харми из иль Магриба, земли, где те жрецы поклоняются утренней красной звезде. Это страшный человек! И могущество его в том, что он может повелевать джиннами. И здесь, на земле Храма судьбы, есть только один человек, который могущественней его и также может повелевать духами! Шало Сакем Нес. Он может повелевать джиннами и землями, что страшно для самого аль Машрика, злыми духами, это и есть ваш царь израильский!

– Абду иль Харми ищет меня не из-за того, что я сбежала из Храма Птаха, а потому что, добрый мой человек и спаситель, только ваш царь Соломон сможет меня обучить, как повелевать джиннами! И я хотела бы при помощи его или без него возвратить царство Мицраима!

Девушка желала расположить к себе юношу как союзника, поэтому она переходила на сведения, наслышанные в его народе. Нефертатонптах не знала, что Хесен – филистимлянин.

– Нельзя допустить обладать властью Абду иль Харми и его приспешникам! – продолжала девушка. – Хотя бы Ниж-

ними септами. Это может погубить если не весь, то большую часть иль Машрика!

Ее взгляд был словно испепеляющим и довольно-таки убедительным. На миг Хесену показалось, что она ассирийка, относящаяся к племенам персан, наемников и убийц, о которых не так все сторонне, но проскальзывали слухи. Хесен убедился, что она закончила говорить.

– Ну, хорошо! Попробуй спрятаться у меня здесь, – сказал Хесен, так и не поверив словам незнакомки, прельщенный ее миловидным и весьма отдаленным типом лица от местных женщин. Скорей, он принял ее за местную безумную, хотя внешним обликом она была действительно схожа с жителями Древнего Сфинкса, где родиной их были божества, чьи головы отождествлялись со звериными и птичьими. Посчитав, что брать у него нечего, Хесен сделал ей предложение остановиться до вечера. А сам вечером планировал так: взяв новую подругу, направиться к хозяину жилища и наконец выяснить, что это за тип.

– Может, отвар из банановой кожуры? Очень, знаешь, приятный напиток. С улицы пришла, так, наверное, запыхалась?

Нефертатонптах не быстро приняла решение, но согласилась на предложение Хесена. Оставив ее одну, предложив лежанку, Хесен отправился в город.

Исследователь Виллиорса

В те времена, как Хесен только начинал понимать, что есть мир и на чем он держится, существовало множество сказаний и легенд до его рождения об этом мире. Так вот, было множество теорий о том, кто создал землю, воздух и воду. Сколько шла война между телесными и бестелесными жителями и кто из них все же победил.

Кто из них одержал победу, Хесен знал точно, ибо он был человек, и тело его было из плоти, а еще кожи и суставов, которые могут очень болеть и нередко ломаться. Но многие из вождей Филистии знали, как утишить боль тела или исцелять болезни.

Что касалось простолюдинов, попавших в такие бедствия, те платили деньги или отдавали в услуживание покоев своих руководителей, сыновей или дочерей, потому как только там были люди, обученные лечебному делу. Но чаще поселенцы за медицинскую помощь платили едой или хозяйственными нуждами, состоявшими в отличном состоянии. Или израильской монетой, установленной денежной единицей для других государств. Как часто бывало, самолечение простого люда было неудачно.

Филистимляне имели мало представления о медицине, поэтому проезжавшие и останавливающиеся транзитом люди с других континентов нередко оставляли свои знания

за хорошее вознаграждение, однако некоторые из них были просто жулики.

Но вот один из греков, интересовавшийся историей своего народа, пустившись однажды в приключения и изучив окружение мыса Дарданелл, обнаружил близ Средиземного моря разрушенное поселение, оставшееся таковым на многие века и забытым городом. Этот историк, писатель и врачеватель был Гомер из Смирны сын своего отца Апотриоса. Но так как имени родителя он никогда нигде не упоминал, а лишь однажды обмолвился, что он из Смирны, из мест, где растет множество диковинных фруктов, выстроенных шикарных амфитеатров. Божеств, которым они можно утверждать не поклоняются, а ведут с ними дружбу. Существ, похожими на них, но в несколько раз могущественнее. Так местным туземцам Филистии он представлял Грецию.

Собственно, часть, нашедшую им культуры с еще сохранившихся фигур в деревне Виллиорсе у мыса пролива Дарданелл, Гомер как теолог, позже, вернувшись на родину, взяв прообраза некоторых из них привел к своему богопоклонному Олимпу.

В тот день, когда по всей Филистии культовые обряды завершались, повсеместно начинался месяц чиешь, собственно, здесь происходила подготовка к новым жертвоприношениям. Для тех дней, когда холодные дни спадут, и народ моря вновь должен отправиться за уловом, в конце этого месяца все поселения направлялись к одному их главному мор-

скому идолу чтобы умилостивить его.

Гомер поселился в доме важной персоны, где народ проявлял больше внимание к грибной культуре. Собственно, знание о таких растениях включало в себя не только пищевой раздел, но и релаксационный. Возможно, по последнему мотиву историк и как писатель решил остановиться именно здесь. Ведь творческие люди – они чувствительные. Им нужно полное воссоединение с культурой, и такой союз Гомер нашел в поселении Фэхтер.

Прогуливаясь по лесопарковой зоне, что собственно являлось ореолом их быта места обитания филистимлян, Гомер вспомнил о пастушке из Дарданелл, на ту пору ему было тридцать лет.

– Как зовут тебя, девочка? – спросил он ее.

На вид девчушке было около пятнадцати лет, на его родине это года, когда в таком возрасте их можно брать в жены. Но Гомера интересовали женщины старшего возраста, она ему казалась ребенком. Все же ее заинтересованный взгляд на нём дал о себе знать. Она не сразу ответила, глядя на него, лишь улыбалась. Вскоре Гомер заметил, что она ему нравится.

– И все же? – добавил писатель. – Меня – Гомер, – он ткнул пальцем в себя, решив, что она не понимает его языка. – Я из города Смирны, это там, – указал он вдаль, – из Греции. Под покровительством могучего бога Зевса. Он тоже человек, но могущественней, чем просто человек. Он жи-

вет высоко в облаках на Олимпе.

Он раскинул руки, указывая на небо, поясняя этим бесконечность.

– И его пока никто не видел.

Наконец девушка, слушая его, негромко произнесла:

– Заурес?

– За?.. Да, Зевс, великий бог неба! Я могу тебе о нем как-нибудь рассказать.

Стараясь сдерживать наступившую страсть, Гомер старался перейти с ней на более деловой разговор. Но покидать девушку ему не хотелось.

– Нимпфия, – назвалась девушка.

Она так же показала указательным пальцем на себя.

– Ага, Нимфия. Так, значит, нас зовут Нимфия?! – Растянулся в улыбке Гомер. Звучащее из уст этой юной уроженки имя и ее взгляд были интереснее, чем сам приезд его сюда.

Теперь же, собрав всю информацию в деревне о древнем городе, некогда расположенном в северной части на берегах Эгейского моря начала народа эллинов или прародиной греков. Тем самым, Гомер женившись на туземке, местным обычаем получил широкую историю о некогда расположенной здесь цивилизации под названием Виллиорс, погибшей более полутора тысячелетий назад и разгромленной степными людьми, по слухам местной общины. Бабушка Эстерия Микенская поведала Гомеру о принцессе микенов, жене некоего Миноса, царя этого древнего города.

Эстерия была очень умной и старше своих соплеменниц, однако и о новых интересах молодежи она также могла вести дискуссии, а также направления. Что, собственно, и давало ей интерес в мудролюбии или любви к размышлениям . Она также предполагала, что гость, жених, долго не останется в краях невесты. Но и на оставление их в том не было у неё укора к путешественнику. «Все движется, все меняется, а время одно», – говорила она.

И вот, ранним утром заявившись к ложу молодоженов, так и не получив конкретный ответ, остается ли Гомер с ее внучкой или нет, решила женщина поведать историю о принцессе, царской жене, изменившей мужу с греческим мореплавателем. Что царь Виллиорса, отправив за ними полсотни кораблей, погубив сбежавших, был сам проглочен неким существом из моря. Затем оставшееся без правителя царство захудело и было разгромлено.

Во время возвращения домой из Дарданелл как оказалось, прародиной греков у Гомера были истории не только о разных городах, поселениях, правителях, но и имена разных путешественников. Так, одним из мореплавателей ему была рассказана история о царе Иудеи. О человеке, который мог общаться с животными миром и миром духов. Таким образом, вслушиваясь в слова моряка по имени Одиссей, Гомер, недолго думая, отправился в Израиль. Город тайн. Конечно, не зная, куда именно ему прибыть, поэт в итоге попал в Филистию. Затем, ознакомившись с местностью, опреде-

лившись, где он расположился, и снова пустившись в путь с преображенными историями о путешествиях, поведанных его знакомым моряком, а когда он все же добрался до Иерусалима, там жители из числа иноязычных понимавших греческий язык, кто первыми услышали повесть-поэму об утерянном городе пролива Дарданелл, Трои.

Гомер попрощался с лидером племени грибников Ахонтипом Вторым.

– Трудно будет без тебя, лекаря. Спасибо тебе, конечно, за интересные истории и помощь, – говорил лидер «грибников». В ту пору ему было пятьдесят лет, и он понимал, что скоро его не станет. Он хотел сделать что-то хорошее в счет его уходящего времени, и Ахонтип подарил поэту коня из наилучших скакунов, но весьма послушного. Гомер поблагодарил Ахонтипа и оставил ему несколько советов, как заботиться о своем здоровье. Советам Ахонтип Гомеровым внял и прожил еще пару лет. На пору, где Хесен из Ашдода уже как Гассан ибн Хоттаб пользовался большей властью потусторонних сил и авторитетом другим правителям, нежели при своей жизни Ахонтип, лидер соседствующего с его племенем поселения.

Гомера вывели за границы поселения, где за следующие лесостепи и поля он должен был продолжить путь один. Снабдив его сухим пропитанием, а также одаривши его несколькими подарками, еще раз поблагодарив, народ фэхтер попрощался с ним.

К вечеру Гомер решил остановить коня. Пытался сориентироваться. Огляделся. Где он оказался, удалившись от дружелюбных поселян, наступил простор свободных племен, живших и кочевавших по степной пустыне людей. Но, продолжив путь, немного проскакав, его вдруг остановили. Приближаясь к силуэту останавливавшего его, поэт заметил мужчину средних лет.

– Стой! Стой! – кричал он ему.

Заросший, в лохмотьях, издали вид человека выдавал за существо. Гомер, игнорируя, проехал мимо его и продолжил путь, не останавливаясь. Проскакав несколько метров, он вдруг заметил нечто пролетевшее перед ним, обогнав его по воздуху, оно стало возвращаться, вновь набирая скорость. Тут он не заметил, как оказался в траве, и, пролежав так некоторое время, открыл глаза. Над ним нависла голова того человека, косматого и неряшливого, который рассматривал его, затем что-то сказал. Гомер не понял, что он сказал, однако, мог невнятно произнести слова на своем наречии.

– Пьес исей си[3]? – спросил поэт.

Но кочевник, испугавшись, закричав, стремглав пустился наутек.

«Ну и дела», – подумал Гомер.

Он приподнялся, почесал лоб. На лбу была вздувшаяся шишка. «Видимо, хитрец неплохо управляет бумерангом», – подумал поэт. Вспомнив про коня, он оглянулся. Коня не

---

[3] Ты кто?

было. «Видимо, тот угнал его у меня», – пожалел Гомер о потере. Но это не остановило его. Он решил следовать пешком дальше. Внезапно поэт ощутил голод. Ориентируясь по небосклону и подступающей прохладе, ветру и положению солнца, Гомер понял, что близится поздний вечер. Решив подкрепиться для продолжения пути, он вытащил из мешочка несколько кусочков засушенных грибов, приготовленных в специях, и горсть свежих фиников. Остановился, чтобы перекусить ими, Пожалев, что с ним не было мешочка с водой. Но он тут же почувствовал усталость и упал навзничь, где, принимал пищу. Люди, отправившие его, предупредили, какие из грибов являются галлюциногенными, на их языке означавшие как «являющие нечто», но, забыв о том, он принял именно их. Проснувшись, ощущая холод, ему больше не спалось. Сколько так пролежал, Гомер не знал, но уже стемнело. Он ничего не чувствовал, и чтобы подняться, ему нужны были усилия, а главное, он чувствовал полное безразличие ко всему. Догадавшись, что с ним произошло, решив себя развлечь, он, глядя безучастно на небо, вспоминал, зачем такие грибы использовались.

Однажды один из молодых охотников вывихнул ногу, и набежавший на него кабан распорол ему часть живота. Пострадавшему требовалась медицинская помощь. Двукратное лечение причиняло юноше боль. Но, съев грибы, «являющие нечто», Гомеру удалось заделать рану и выправить парню ступню. Молодой человек отошел от такого наркоза только к

утру. А само происшествие случилось, когда солнце находилось еще в зените. Тогда Гомер без внимания отнесся к состоянию охотника, одурманенного грибами, сейчас он понимал и ужасался, ведь всю ночь ему придется лежать на земле одному в пустынном месте, отведав таких грибов. Сейчас он только хотел одного – заснуть. Но ему послышался шорох. Над его лицом появилась морда буйвола. Обнюхав Гомера, облизнув его, внимательно посмотрев, морда улыбнулась, показав белые клыки.

– Что? Тяжко тебе, грек? – спросил его буйвол.

Гомер не знал, что ответить. Отчасти говорящее животное удивило его, но внутреннее умиротворение подавляло в нем всякую страсть к происходящему.

– Да нет, хорошо, знаешь, – ответил Гомер.

– Вот отведу тебя в свой дом. А ты мне поможешь найти в нем выход. А? – спрашивал буйвол.

Гомер оглядел его, оценив поистине странное телосложения животного. Его торс был человеческим, но с головой быка, вид был неряшливым. Впрочем, на берегах Большого моря, где люди ели даже сырую рыбу, у Гомера особого удивления это не вызвало. Бык еще что-то говорил, рассказывая ему о своем жилище. Что там все заросло, ступить негде, иногда и входа, и выхода не найдешь.

– А знаешь, – ухмыльнулось животное, – однажды я запустил туда паучка, хорошего такого, лохматого. Конец его нити привязал к своей руке и пустил паучка, сказал: ищи вы-

ход. Тот меня однажды так и вывел. Здорово?!

Рога буйвола, едва не превышали его голову.

– Да, хорошо тебе, – проговорил Гомер безучастно. – У тебя есть паучок, а меня кто выведет из этого состояния? А мне еще топать до самих Афин.

Гомер, как показалось животному, загрустил.

– Так ничего, я сейчас позову своих рабынь, они тебя вмиг доставят куда надо! сказало животное и обратило свой взор на небо. В небе кружились две птицы с женскими телами, издавая неприятные птичьи звуки, похожие на скрип старого колеса. Гомер не осмелился на их помощь.

– Жениться мне надо, буйвол, – сказал Гомер. – Жаль, оставил на мысе Дарданелл женщину свою. Нимфеей зовут. – Вспомнил Гомер о своей жене.

– Так ты женат?! И еще хочешь?! Так я знаю, где есть один приличный гарем. Я тебя отнесу.

Буйвол наклонился к поэту, и писатель-путешественник внезапно окунулся в сон.

Открыв глаза, Гомер понял, что лежит на том же месте, где лег. Но небо было темное. Только плеяда ярких точек озаряла небосклон. Наступила ночь. Поэт почувствовал холод и дрожь своего тела. Попытавшись встать, внезапно он шарахнулся испуганный. Рядом с ним на шесте была голова буйвола. Ужаснувшись от зрелища, поэт, тут же позабыв, что у него было с собой, кинулся наутек, не зная дороги.

Пробежав так несколько метров, пока голова не исчезла из

поля видимости, грек остановился. Присев отдохнуть, он почувствовал вновь голод. Нащупав на поясе мешочек с едой, который теперь почему-то был неполным, все же поискал там чего-нибудь съестного. Найдя пару сушеных грибов, не отважился их съесть. Сориентировавшись по небу, Гомер, не останавливаясь, пустился в сторону, где светила самая яркая звезда из соединения Ориона.

Дойдя до холма, он заметил едва исходивший из хижины дымок. Достигнув вершины, голодный, усталый и замерзший, дошел до дверей. Не стучась, так как дверь была из прутьев и громкого звука бы она не передала, взяв всю свою силу воли как и физическую, набравшись крайней смелости, Гомер отставил дверь, открыв проем, чтобы проникнуть внутрь. Попав внутрь, приставил ее обратно. Тепло остывавшего очага сразу подействовало на него. Изнемогающий, он лег возле плетеного стула, стоявшего у стены хижины, и заснул.

Утром он проснулся рано. Тут же оценив обстановку, не дожидаясь, пока хозяева появятся в хижине, поспешил к выходу. Небрежно уместив за собой дверь, направился вперед от места ночевки к первому возможному поселению. Но, пройдя несколько шагов, Гомер вдруг осознал, что вокруг степь и море и ему неизвестно ни одного места ближайшего поселения. Он решил вернуться. Вновь приоткрыв дверь, путешественник для осторожности оглядел комнату через проем, в случае если кто-то из хозяев появился в этой ча-

сти дома из другой комнаты, и оказался бы агрессивен, как тот, которого он встретил в полях. Но внутри никого не было. Гомер оглядел округу, оценивая ситуацию, и решил, что единственным выручающим фактором его положения было расспросить хозяев, куда двигаться ему дальше, не решаясь продолжать свой задуманный путь.

Побродив вокруг хижины, осмотрев хозяйство, где были два петуха, которые, к удивлению Гомера, до сих пор не кричали, хотя светило уже показалось из-за горизонта, и коза, уже жевавшая поутру сено, наконец Гомер, не выдержав, кинул найденную неподалеку палку в сторону петухов. Птицы всколыхнулись, но не закричали. Заорала коза, в которую попала палка, отскочив от ограждения двора. Гомер выругался на древнегреческом языке, на котором знал несколько слов. Улегшись на землю, попытался заснуть, к утру стало немного теплеть, но морской прохладный ветер заставлял поэта сжиматься от холода. Прилегши, он задумал все же вновь проникнуть внутрь жилища, и пусть будет как будет. Но как только он подошел к хижине, заорал петух. Гомер, смущенный птицей, человек, всегда выдержаный, вновь выругался, назвав кукарекалку на филистимском языке извергом. Выждав какое-то время, сделав несколько кругов возле лачуги, поэт вновь приоткрыл дверцу и, не заметив движения, юркнул внутрь. Обойдя все комнаты, не застав никого из людей, он пожалел, что не сделал этого раньше.

На столе в холле лежала недоеденная еда, которую он мо-

ментально уничтожил. Посидев в одном из плетеных стульев из веток и не дождавшись хозяев, не теряя времени, решил действовать. Для продолжения пути он спустился к морю и двинулся по побережью. Шествуя по краю воды, он не раз сожалел, что не остался с Нимфеей или не забрал ее с собой, променяв семью на злополучные приключенья! Ведь ради чего?! Ради израильского повелителя?! Но утешал он себя тем, что этот человек был не просто царем на Ханаанской земле, но о ком весть разнеслась по всему Средиземноморью.

Пройдя большую часть пути, навстречу мастеру слова попался пришвартованный баркас с людьми, это были рыбаки. Они объяснили ему, что он находится на земле Израиля. Что по суше до первого города Дан ему сутки пути, и он должен будет пройти через некоторые поселения. Но рыбаки, пообщавшись с поэтом, который их заинтересовал, взяли его с собой, где баркас проходил по морю вдоль береговой линии. Они переправляли товар по поселениям, и ближайшая деревня была в нескольких километрах от их остановки. А там уже неподалеку находились и городские жилища. Этим Гомер сократил бы свой путь.

По пути следования, отдохнув, он развлекал рыбаков несколькими памфлетами из жизни разных народов, в частности, он рассказал историю о своем друге, моряке Одиссее, о его жене, которая ждала его долго, пока он наконец не вернулся домой. Вернувшись на родину, Гомер упомянет о них

в своей поэме и назовет ее «Виладера» в честь обнаруженного им поселения у мыса Дарданелл, канувшего на тысячелетия в века в историю, но потом греки переименуют его эпос проще – в «Илиаду».

Сдружившись с иудеями, промышлявшими в морских водах, Гомер неплохо подкрепился предложенной ему провизией рыбаков. И они, в свою очередь, надавали ему советов, где можно найти много информации, пусть и недостаточно верной, но полезной, если ею правильно распорядиться. Так посоветовал один из старших средиземных поморов, которого звали Нестор, где позже его образ писатель принял за главенствующее божество по отношению к другим и нарек его Зевс.

К полудню, появившись на центральном рынке Дана, при помощи телеги трое торговцев по совету рыбаков, познакомивших их с Гомером, отправились в город торговать своим товаром, захватив путешественника.

Гомер отправился из Филистии, когда подходил к завершению по еврейскому календарю шестой месяц тевет. Здесь, в Израиле, оказалось ненамного, но прохладнее, чем в покинутых им четверо суток назад поселениях. Теперь он находился в части Ханаанской земли севернее города Ашдода, где пробыл сутки, набрав там некоторую другую провизию, кроме тех, что подарили ему в поселения Фэхтер.

Светило солнце. Оказавшись наконец на просторах рынка города Гиввефона израильского колена Дан, Гомер желал

скорей покинуть его и направиться обратно домой на родину. Но это никак не совпадало с его планами. А планы его включали такие детали, как найти работу на время, заработать денег, чтобы хватило добраться до дому, и после выполнения второго плана, сразу, где есть, было устроить временный ночлег.

Впрочем, Гомер был не только сочинитель поэм, он также увлекался познаниями реальности, соприкасающимися с его творческой деятельностью, а именно любомудрием или, по греческому языку, направлением, названным софистикой, где было понятие, что все есть целое, а целое есть одно связанное. такие размышления помогали ему проводить ночи на берегу Большого моря. Однако голод препятствовал всем философским наукам. И как-то раз, проходя мимо женщины, торговавшей свежей выпечкой, он долго разглядывал мучные изделия, не решаясь в свои почтенные тридцать лет схватить булки и бежать. Но помог случай. Один юноша с подпоясанным платьем-халатом прикупил у бубличницы шесть лепешек.

– Так, так, бабуля. Собери-ка мне штучек так шесть лепешек, да самых протопленных! – попросил юноша.

Женщина выглядела лет на пятьдесят пять, молча стала собирать Хесену, завернув в тряпицу.

– Что это?! – спросил Хесен.

– Что? – не понимала его женщина.

– Что это за тряпка такая, бабуль?! – спросил Хесен.

– Это не тряпка, юноша, это укрывало, кстати, тебе за нее один гир! – попросила женщина.

– Что?! За эту грязную тряпку?! – возмутился Хесен.

Собравшиеся позади него люди, изучавшие товар домашней кухонной утвари напротив лавки торговки, оглянулись на возмутившегося молодого человека, но ничего не говорили. Женщина, несмотря на признания городских жителей о том, что городская охрана вела не особый контроль, охранявший торговцев, все же закон покупателя и продавца оставались особые, самые доверенные друг к другу, и она не замедлила этим воспользоваться. Она была не из спокойных торговцев.

– Что значит «тряпка»?! Это настоящий ханаанский хлопок! Я его на рынке за два гира покупала! – отвечала женщина.

– Это?! Да наши прялки Филистии лучше соткут тебе за такую цену! – не унимался Хесен.

Он уже был слегка опьянен вином и сделал нужные покупки, и ему пора было возвращаться домой к Нефертатонптах.

– Эти ваши дикари, филистимлянин?! Не смеши меня! Плати деньги! Охрана! Охрана! – женщина звала рыночную стражу.

– Зачем охрану?! – сказал Хесен, утихомирившись и скорей обращаясь к самому себе. – Давай уже всех сюда ханаанских судей! Торгашка! – сказал он громче, тем самым еще больше возбудил бубличницу.

Отряд, проходивший мимо, заинтересовался происходящим. Кто-то из прохожих останавливался понаблюдать за ними, а кто, просто обратив внимание на скандал, проходили мимо.

Некоторое время женщина не знала, что сказать, и тут она посчитала наглость Хесена как за приближенного к знати Иерусалима.

– Я, молодой человек, знаю, что говорю. С тебя один гир за покрывало… – уже спокойным и ровным голосом сказала женщина.

– Да забирай свой платок грязный! – не унимался Хесен и собирался уйти, как к ним подошли два воина.

Одетые как городская стража, с отличием от других на рыночной гвардии не было стальных наплечников и шлемов, и на ступнях надеты были облегченные сандалии. Но на поясах, также как и у городской боевой охраны, в ножнах запрятаны ножи ассирийской ковки.

– Вот! Вот! Грабит! Не платит! Скоро эти филистимляне всех нас разорят! Им только дай повод, начнут новые набеги, и куда только правитель наш смотрит?! Никакой защиты, никакой охраны! Бандитские лесостепники!.. – не унималась женщина. Казалось, она еще больше стала причитать, когда охрана оказалась рядом. Она знала, на что надавить.

– Халдей! Басрем! Либиец! – говорила она, перечисляя племена, которых в Иерусалиме считали за варваров и проходимцев.

Хесена обступили два служителя городского правопорядка, и один из них со сделанным видом обратился к Хесену:

– Что случилось? – задал он вопрос.

К этому моменту среди горожан появился Гомер, он остановился понаблюдать за происходящим. Ведь где был диспут, там ему пища для размышлений, хотя бы взамен той, в которой нуждался его организм.

– Вы не знаете, она издевается, если я из Филистии, значит, уже бандит!? – не понимал Хесен.

Гомеру был более знаком иврит, чем филистимский язык, который был лишь чем-то схож с иудейской речью, в ней отличались не только предлоги и нередко пропадали наречия. Но иврит был проще, и в нем за неделю Хесену можно было освоиться неплохо. Но в произношении его также ощущалось иноречие, как и у Гомера, в его разговоре больше выделялся звук «р».

– Вы наверняка не бандит, но надо разобраться, – сказал один из стражей.

Пока спорили бубличница, Хесен, и стражи, прошло не так много времени, но этого хватило, чтобы Гомер мог понять ситуацию. Он не спеша подошел к спорщикам.

– Извините, хочу вам добавить, что я только что из Филистии, неделю шел сюда. И я могу удостоверить, что это добродушный народ и гостеприимный, – сказал Гомер.

– Вот! Слышите? Где я тут бандит? Я хлеб сюда пришел покупать! А она мне тряпку… Грязную! Вы что, не любите

филистимлян? – спросил Хесен, обращаясь к продавщице.

Стражам все же не нужны были лишние скандалы с соседними племенами.

– Сколько он вам должен? – спросил страж бубличницу.

– Шестнадцать гир, – сказала она.

– Пятнадцать! Я эту тряпку покупать не буду! – сказал Хесен.

Страж оглядел тряпицу и сделал тут же заключение:

– Ткань стара, продайте ее лучше другому, кому она будет нужней, – посоветовал страж.

Женщине не оставалось ничего, как послушаться городского воина. Она тут же предложила тряпицу Гомеру. Гомер отказался.

– Вот видите! Кому она нужна?! – спросила женщина.

– Вот видите, никому, даже этому нищему! Отдайте ее кому-нибудь уже! И не создавайте, пожалуйста, неприятностей на рынке, – потребовал порядка с продавщицы страж.

Женщина размотала лепешки и отдала ткань Гомеру как подаяние и благодетельность, как это было положено к соотечественнику в Иудее. Гомер не знал, что делать с тряпицей, и передал ее Хесену. Юноша поблагодарил его и поспешил скрыться с места.

Пройдя закоулками, Гомер натолкнулся на Хесена.

– О! Почтенный!.. – обрадовавшись встретил его Хесен.

– Будьте почтенны и вы. – Усталый Гомер выглядел понуро.

Хесен заметил это. И также то, что писатель был не из местных людей, судя по его одежде. Он протянул ему лепешку.

– Держите. Я могу понять вас. Я тоже недавно продал Лоскутика. И я знаю, как это далеко находится от дома, и что такое искать пропитание, – сказал юноша. – И я благодарю за тряпицу, евреи – они такие мелочные, даже за тряпку деньги требуют. Кстати, меня зовут Хесен, я родом из Филистии. А вы?

– Я Гомер из Смирны.

Хесен не знал, где это.

– Из Южной Греции, – пояснил Гомер, заметив его вопрошающий взгляд.

– О! Это же самая легендарная земля?! – удивился Хесен.

– Да, но не для тех, кто ищет и пытается понять смысл бытия, – сказал Гомер, поедая хлеб.

– Держи вина, – сказал Хесен.

Он протянул ему помятый медный кувшин. Его предложение как раз подходило чтушего разумность и изыскателю историй. Пусть это был и вызывающий опьянение напиток. Гомер поблагодарил его.

– И что же ты ищешь, Гомер, в землях Ханаана? – поинтересовался Хесен, когда тот отхлебнул вина.

– Царя Соломона. Хочу узнать о его мощи и силе. Я слышал, что он может повелевать джиннами, духами другого мира, – сказал Гомер.

– Духами? – удивился Хесен. – Царь?! Ерунда. Их царь, я думаю, не настолько велик, чтобы обладать такой силой.

– Не знаю, – засомневался сам Гомер, – по слухам…

Хесен хотел рассказать о своем божестве, но толком о нем ничего не знал и посчитал, что иноземцу сейчас не до него, к тому же в хижине Равена его ждала не менее привлекательная особа по имени Нефертатонптах.

– Ну, хорошо, Гомер из Смирны, удачи тебе! – сказал Хесен.

– Еще раз великодушно благодарю тебя, Хесен из Филистии. – Хесен представлялся своим именем данного ему на родине. – За хороший, хоть и не еврейский традиционный, прием, который я бы и его хотел познать…

Они оба рассмеялись.

– А я узнаю о Соломоне, обязательно о нем напишу. Так что будешь у нас в Греции – обязательно почитай… – сказал Гомер на прощание Хесену, уже отойдя от него, обернувшись, направляясь дальше.

– Хорошо, – отозвался ему Хесен.

Неожиданное знакомство

Под вечер, пробыв весь день в поисках работы, Хесен вернулся туда, где он оставил Нефертатонптах одну, купив некоторые продукты. Нефертатонптах о чем-то размышляла, сидя, прижав колени, на лежанке Хесена.

– Мой друг! – радостно воскликнула она, направившись к нему.

Сейчас бы девушке обнять своего покровителя, но царская кровь не позволяла ей. Хесен же не знал такой тонкости и никак не мог понять, отчего девушка не решается обнять его. Ведь сейчас она, казалось, как никогда полностью в его власти и зависит от его благодетельности. Но и, растерявшись, Хесен сам не решался притянуть ее к себе.

Нефертатонптах, подойдя ближе, скрывая свои чувства к молодому человеку, дружеским жестом протянула ему руки с преданным взглядом.

– Приветствую тебя, мой спаситель. – Улыбалась она. – А я уже было забеспокоилась, где мой благодетель?

Девушка не сводила с него взгляда. Хесен тут же желал заключить ее в свои объятия, однако ощущал меж ними какую-то грань, и нераздумывая пресек свое желание к ней.

– Вот, принес поесть. Наверное, голодна? Весь день сидеть в одном месте… – сказал он.

Он протянул ей пару лепешек и помятый медный сосуд,

наполненный вином.

– О! Благодарю, хозяин!

После таких слов трепет охватил юношу вновь. Загоревшись, он предложил ей разделить трапезу с ним, указав на лежанку.

– Соглашусь, мой господин и друг! – сказала Нефертатонптах.

Она направилась к лежанке, усевшись, принялась есть хлеб.

– Да! Вот… – Хесен вспомнил, что было у него в туеске.

– Халва недорогая, простая, но питательная. Не забывай про вино… мисраимянка… – заботливо назвал он ее, не сдерживая улыбки, – хе…

Она ему явно нравилась.

Нефертатонптах действительно была очень привлекательна. Южные черты девушки, ее кожа схожая с метисами, давали отличия жителям Нила от иудеев и других племен Ханаанской земли.

Отличием внешности жителей Нила, откуда была родом девушка, от проживавших в Израиле людей было и то, что она была низкого роста и больше похожа на дитя, но с взрослым взглядом. Сделав несколько глотков вина, Нефертатонптах почувствовала легкое опьянение.

– Это с голоду, – пояснил Хесен, заметив ее самочувствие, которое она старалась скрыть.

Сделав еще несколько глотков вина, юноша, оставив

немного напитка на дне, почувствовал к новой знакомой новое желание. Он даже жалел, что оставил свою подругу на своей родине. Но, подметив, что его новая знакомая сама по себе неприступна, не стал ее донимать. За то время, проведенное в трапезе с ней, она поведала ему часть своей истории, как она оказалась в этой части Израиля.

– Мне нужно очень встретиться с учителем Соломоном, – сказала Нефертатонптах в заключение своего рассказа.

Хесен, сделав очередной глоток вина, вспомнил о хозяине этого дома.

– А ведь я как раз хотел познакомить тебя с интересным, но странным человеком. Хозяином этой лачуги, у которого я этот дом купил, – солгал Хесен, чтобы покрасоваться перед понравившейся ему девушкой.

– Купил?! Так это твой дом?! – удивилась Нефертатонптах.

– Ну… почти. Я его еще не полностью выкупил, только часть, – сказал Хесен.

– Часть?! – не понимала гостья.

– Часть… – Хесену далее не придумывалось.

Однако, когда их взгляды встретились, юная Нефертатонптах словно читала его мысли.

– Так, значит, часть? – уже подыгрывала она ему, догадываясь об обмане.

– Аха, – опьяневший, он получал удовольствие от, как казалось ловкости обольщения.

– И долго еще выплачивать? – спросила равнодушно Нефертатонптах.

Тут же этим оборвала мысли готовности молодого человека сблизиться с ней.

– Ну… – задумался юноша, – мы можем об этом узнать у него самого, – не сдавался парень.

– Я не против этого, – сказала она.

– Тогда пойдём? – спросил Хесен.

– Пойдём, – согласилась Нефертатонптах.

Молодые люди поднялись и направились к выходу.

На дворе было еще светло, хотя людской гул и скрип телег, неподалеку, утихал. Это означало, что наступал вечер. Перед тем как войти в комнату хозяина дома, Хесен приоткрыл дверь и негромко позвал Равена.

– Хозяин?! Ку-ку. Ты тут? Далеко? Ну, ты дома вообще? – Вино оказалось более чем крепким, что подталкивало юношу на любые действия. Он отворил ставни, взяв девушку за руку, потащил за собой внутрь.

В доме было все так же, как прошлым вечером. Но протопленный камин хранил в себе уже новую заготовку хвороста для следующего огня.

– Ну что же, тут никого нет. Ну и хорошо! Садись на скамью, я тебе расскажу, как я попал сюда, это очень хитрая и запутанная история!

Он предложил Нефертатонптах сесть на скамью за небольшим столом. Но, заметив нишу за камином, решил

заглянуть туда.

– Погоди… – предупредил он подругу, вытянув руку открытой ладонью и поднятыми пальцами вверх.

Он с опаской подошел к нише. Заглянул за камин. Это оказалась еще одна комната, которая, вероятно, служила спальней хозяина или для отдыха друзей. Посчитал Хесен так, потому как широкая скамья у столика больше напоминала лежанку в человеческий рост, чем тахту для сиденья.

Внутри комнатки никого не оказалось. Хесен вернулся к Нефертатонптах.

– Итак, начну рассказ, – сказал он.

Оценив любопытный доверчивый взгляд девушки, замолчав, захотел ее обнять, но в это время открылась входная дверь, в проеме появился хозяин хижины.

Взгляд исподлобья предполагал скандал из-за незваных гостей. Однако Равен, словно не замечая их, прошел мимо. Налил из горшка, стоявшей на краю стола, с узкой горловиной светлой жидкости в чашку и выпил ее.

– Хорошие виноградные плантации у винодела Эзелькиля, – сказал он и наполнил чашку еще раз. – Пейте, гости, и вы из чаши моего вина, – предложил хозяин.

В горшке было вино из сортов белого винограда. Хесен направился к столу.

– Ему хватит! – выкрикнула неожиданно для самой себя Нефертатонптах,

на некоторую долю секунды приостановив Хесена, но

юноша продолжил движение к наполненной чаше.

Хозяин наблюдал за ним. На его внимательном и хитром взгляде угадывалась ирония.

– А вот твой брат Омар Юсуф сейчас совсем недешевое вино пьет, и шербет сладкий лопает, и…

Хесен не вытерпел, вникая в слова Равена, узнав о каком-то брате, да еще живущем в роскоши, поразившись тому, поперхнулся вином. Едва удержав чашу в руке.

– …и обнимается с красавицами, да такими, каких белый свет не знает!

Беглым взглядом Равен оценил реакцию и Нефертатонптах.

– Какой еще такой брат-крат?! Вы что-то путаете…

Кратом называли маленькую ящерицу, прятавшуюся под камнями на берегах моря, похожую на пятнистую саламандру.

– Твой брат – владелец несметных богатств на севере Магриба! – сказал Равен.

Нефертатонптах сделалась более серьезной, еще мгновенье – и она будет переживать за состояние Хесена.

– Да, у тебя есть брат, и имя тебе не Хесен, а Гассан. Гассан Абдуррахман, и твой отец Хоттаб Саидшариф ибн Назара маль Шариф, потомок Аль Саида маль Шарифа, верховного жреца равнин заходящего солнца! – продолжал удивлять юношу хозяин дома.

– И именно он знал, как можно превращаться из человека

в животное и обратно.

Рука Хесена, или теперь Гассана, сама потянулась за горшком с вином. Удивленным, но и вопросительным соображением глядя на Равена, он хотел заполнить чашу, но, словно завороженный чьей-то силой или от взглядом домовладельца, приложил ко рту весь кувшин больше похожего на горшок . Он отхлебывал вино, пока напиток не потек по рту, и только тогда он отпрянул сосуд.. В сосудах таких форм обычно хранили молоко, масла или вина.

– Да, твой отец был последователем тайного общества мустахибов сторонником своего отца. Но однажды, когда появились на свет вы, вас разделили. Факхра, она была из племен Ханаанской земли. Тогда ее поселение было выбито племенами бесра воевавших между племенами асов и либийцев, которые покинули свои земли и направились в края Нила. И от тех набегов она была спасена и также вывезена через Египет. Да. – Равен посмотрел задумчиво на Нефертатонптах. – Так на земле Ханаанской называется Мисраим, страна древнего сфинкса, или, как у вас, Кхе Ми Птах.

Он оторвал взгляд от девушки, зная об ее престолонаследии, в свою очередь она об иудее ничего не ведала и продолжала слушать.

– Когда либийцы пришли в себя отстраиваясь, и я, его брат, второй сын Асмаила, родного брата Сулеймана, остался в Ханаанской земле, где оставили и тебя, Гассан, в семье филистимлян. Я жил неподалеку, но когда тебе исполнилось

десять лет, твоя приемная мама оставила тебя среди своих родственников. У нее самой не было детишек.

Гассан с завороженным и охмелевшим взглядом не знал, чему верить, либо на него вино так действует, либо этот дядя был сам пьян, думал он. Но Нефертатонптах, слушая рассказ, верила Равену.

– После твоего рождения Хоттаб вернулся в земли Магриба. Об этом я узнал позже по слухам. Караван мне донес вести. Но вот после этого прошло пять лет, и я узнаю, что некий блудный филистимлянин с буйным нравом выкрикивал на рынке слова, схожие с речью племен ассириев, я пригляделся к нему, и я вспомнил, и я понял, что это не кто иной, как оставшийся на земле Ханаана сын моего названого брата Хоттаба! Я догадывался, что ты приедешь сюда, ибо кровь наших предков тянет нас к людям и познаниям, тайнам и науке!

– Науке?! – не понял его юноша.

– Да, Гассан, это что-то вроде волшебства. Но основано на знаниях других людей.

– Магия?! – догадался Гассан.

– Что-то вроде этого. – Задумался Равен и продолжил: – Я узнал тебя здесь, на рынке пятого колена израильского. Потом я расскажу тебе, что это за колена, но позже. Это тебе пригодится, и не только для общения среди народа самого Дана, но и всего Израиля.

Ново прозванный филистимлянин ожидал продолжения

говорившего.

– Тогда я подговорил малыша, того, помнишь? – спросил Равен.

– Этот чернявый такой? – вспоминал Гассан. – Ушастый, с вздернутым носом?

Гассан показал на себе, как выглядел подросток.

– Да, – продолжил иудей, не воспринимая дурачества племянника, – это он указал на мой дом. На самом деле я никогда бы не стал сдавать никому в наем свое жилье. Я… ведь я скорей еврей… но стал совсем недоверчивым либийцем.

Задумался Равен. Задумался и Гассан.

– Так, значит, я не филистимлянин?!

– По своему роду нет. Твоя история рода идет от династии царя Скорпиона Первого, ставшего потом правителем народов, живущих у берегов, где течет Нил.

Гассан допил все, что оставалось на дне горшка-кувшина, поставил пустую тару на стол, приблизившись к Равену, обнял его.

– Дядя, – произнес Гассан.

Намотавшись за день в поисках нового, более дешевого жилья и работы, Гассан на плечах Равена почувствовал, что его клонит в сон, но, собравшись с силами, посмотрел от него.

– И что же мы будем делать, дядя? Мне нужно найти своего папу.

Равен не знал, что ответить.

– Я думаю, тебе удастся найти своего отца и моего брата названого, я бы с ним тоже пообщался. Присядь и выслушай, – посоветовал Равен.

Гассан послушно присел на скамейку рядом с Нефертатонптах, он не знал, что ему делать. Он боролся со сном, так как было важно все, что скажет этот человек.

– Имя твоего брата Омар Юсуфа, через пять лет, я услышал от торгового каравана, который прошел все земли, свободные земли либийцев и который проник даже через царствия египетские, – продолжал Равен.

Нефертатонптах, вслушиваясь в рассказ дяди Гассана, хотела вмешаться, ведь кому, как не ей, было известно, что цари потеряли силу перед ханжеством и магией жрецов Мисраима. Но промолчала, посчитав, что лучше остаться в тени и выслушать мнение другого человека совсем иного царства и религии о ее родине.

– О нем знали то, что он мог, как и его отец, обернуться зверем, и владеть тайными знаниями заклинаний, освобождающих маридов, и управлять ифритами, повелителями джиннов, оттого у него несметные сокровища и полный гарем служанок. Но прославился, как я понимаю, он не этим. – Равен посмотрел на Гассана.

Тот силился со сном, внимательно слушая собеседника.

– Чем же? – спросил его Гассан.

Равен словно ожидал этого вопроса.

– Он хочет создать колонию магов под предводительством

своего могущественного отца, моего брата. И я хочу присоединиться к нему. Но я ждал тебя, и я могу подождать еще три года, пока ты здесь. Но тебе нужно найти учителя. Некоторым свойствам магии, которыми владею, тебя научу я. Это гипноз – наука управления сознанием людей, животных и пресмыкающихся мелких тварей. Хе, сейчас ты не спишь, кстати, потому что я этого хочу. – Рассмешило это Равена.

На некоторое время Равен замолчал, дав подумать Гассану.

– Ладно, дядя, я хочу спать. Я сегодня намотался, прям ишак. Вот не поверишь, какая-то бабка хотела меня вообще обдурить. Она…

Гассан не договорил. Он рухнул на лежанку и тут же заснул.

– Ну, хорошо, парень, не буду тебя мучить, – сказал Равен. – А ты, невеста Петаха, – исказил Равен имя Нефертатонптах, указав на нее пальцем, – пойдешь к нему, где ночевала сегодня, и тоже отдыхай.

Иудей выдержал паузу, не объясняя, откуда знает о гостье племянника.

– Можешь допить его красную бурду. Все равно оно поддельное.

Нефертатонптах поспешила к выходу.

– Стой! – вдруг остановил ее, не оборачиваясь, Равен.

Девушка развернулась у выхода.

– Возьми со стола немного урюка. – Равен указал, мотнув

головой на стол. – Это дополнит твой ужин с хлебом.

Принцесса северных номов, недолго думая, поспешила взять чашу с урюком, куда насыпала и немного фиников, лежавших в другой глиняной миске. Подойдя к дверям, она обернулась, чтобы поблагодарить хозяина жилища, но промолчала, посчитав это излишним. Этот человек напомнил ей жреца Мнемока в его шестьдесят, хотя Равен был его намного младше.

Жрец пытался домогаться до нее в ее восемнадцать лет. Но тогда она еще была под покровительством своего отца Сусакима и предков Рамсеса Второго. Сейчас она была в бегах, и единственной пока опорой ей был этот долговязый, немного худощавый юноша по имени Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб, который был и сам без своей родины.

На следующий день, проснувшись от крика едва слышимых за дверью петухов, Гассан все тут же вспомнил. Оглядевшись, попытался найти хозяина. Не найдя того, Гассан вернулся к себе, в свою нанятую у домовладельца комнатушку. Принцесса и наследница Египта, правнучка династии Аменхотепа, основателя столицы Ахетатон, преспокойно отдыхала на его простой лежанке. Присмотревшись к ней, юноша отметил, что ее черты лица в действительности мало походил на иудейку. «Смуглая кожа – поистине, вероятно, царское наследие Нефертити, о которой она рассказывала, о своей прабабке», – подумал про себя Гассан. Он прикрыл дверь снаружи комнаты, занявшись своими делами.

Первым делом ему нужно было дойти до рынка, сделать новые покупки. Хотя его дядя уже позаботился о нем, оставив на столе три лепешки и полный кувшин маиса – козьего процеженного молока. Рядом лежал прокопченный сыр.

Так, промотавшись весь день по улицам израильского колена Дана, названного в честь пятого сына патриарха Иакова, он попал за пределы Гиввефона, города этого колена, где он остановился у дяди. Проходя по улицам, минуя городской рынок, незаметно он очутился граничившим с Даном в городе Газер колена Ефрема. Колено названного в честь внука старшего сына патриарха поселения, ведущего вглубь Израиля северо-восточней Большого моря. Поняв, что он оказался в новом звене жителей, Гассан пытался найти различия между приютившим его коленом и другим, но не нашел.

Однажды, перед тем как ложиться спать, Гассан запланировал для себя исследовать большее пространство иудейской земли.

В один из дней солнце уже давно стояло на небосклоне. Кудри облаков предполагали, что день будет ясный, как всегда, несмотря на то что еще так недавно наступил еврейский новый год. В это время поселенцы в деревне Гассана занимались тем, что вели выбор пожертвований будущему урожаю за последующим сезоном тепла.

В Иудее другого колена Израиля же в эти дни межсезонья жители занималась своими делами. Своим родом деятельности, будь то башмачник, кузнец, считавшийся один из самых

востребованных и высокооплачиваемых жителей во всем государстве, портной, пекарь и так далее.

Гассан, сменив одну рыночную площадь, где он сполна получил необходимую информацию о городе, о поселенцах, о разбойниках, о невидимой силе, о других мирах, о самом царе Израиля или же информацию о других племенах, граничивших с Иудеей. И вот, посещая другую рыночную площадь, Гассан услышал историю о старинном сфинксе – статуе в виде льва с человеческим лицом, чье тело было недавно отреставрировано неизвестным зодчим, знавшим постройку самих египетских пирамид и их назначение.

Прислушавшись к диалогу этих дву иудеев, задумавшись над обновлением памятника, Гассан оставил при себе вопрос об его создании, чтобы узнать о нем как-нибудь своего новоиспеченного дядю Равена, вероятно, неплохо владеющего историческими знаниями. Однако, возвращаясь домой, его вновь что-то отвлекало из больше интересующих его вопросов, и вот так он оставил этот вопрос в стороне.

Наконец в другой из последующих дней Гассан, потратив некоторое время до города Беф-Орона, до которого от места его проживания девять километров, оказался снова на рынке Ефремова колена. Оценивая эти торговые места тем, что здесь уже можно было перекусить, остановившись под шатром, где торговали разными напитками и закусками, сэкономив на еде, взяв лишь небольшую булку и чай, Гассан устроившийся на топчане, где его тонкий матрац располага-

ла к удобству, рядом с ним стоял стол из недорогого дерева, покрытый лаком. Всю эту утварь от солнечных лучей скрывал тканевый настил вроде беседки, поддерживаемый деревянными подпорками.

Вспомнив в этот момент про египетскую принцессу, которая в это время скорей занималась по хозяйству, чем находилась где-то за пределами дома, или же просто томилась в ожидании своего друга Гассана, он также думал и о Равене, по его словам, единственном родственнике, которого он встретил в своей жизни.

Напротив него вдоль проулка расположился торговец с товаром – вещами, которые и назвать было нельзя таковыми, разве что безделушками. Но именно таковым было удачное расположение торговца, чтобы можно было продолжить тренироваться в умениях его дяди выдаваемый уроками своему племяннику. Мимо проходили обыватели, заглядываясь то на него, бросая быстрый безучастный взор, то на выставленные, на продажу разные вещи.

***

С тех пор, как Гассан узнал, что Равен – его дядя, прошло больше четырех дней. Но за это время, пока они были от посторонних взглядов, а в особенности от Нефертатонптах, Равен спешил как можно скорее донести до племянника свои навыки в природной магии, являвшиеся усилием работой сознания.

– Вот и докажешь ты мне сейчас, что ты никакой не филистимлянин, а потомок наиглавнейшего аль шаха Магриба! – говорил Равен.

– Но, дядя, если я ваш близкий родственник и единственный, как говорил ты мне, то зачем мне в этом убеждать тебя?! – не понимал его Гассан.

– Глупость несешь! Доказывая мне, доказываешь себе! И брось перечить! Иначе ты никогда не встретишь своего отца, – говорил иудей.

Равен заложил руки за спину, прошелся. Его взгляд был вполне серьезен и даже немного пугал Гассана.

Юноша сидел на табурете, наблюдая за ним. Он искренне хотел встретить своего отца. Но также он не полностью осознавал, зачем ему это сейчас. Ему вполне хватало, казалось бы, безумного дяди и миловидной принцессы. Осталось найти работу!

Уверившись в том, что в доме, где он жил, все спокойно, Гассан, тут же распланировав свое будущее, подумал отправиться в этот вечер к Нефертатонптах, как вдруг Равен развернулся. Его лицо изменилось. В нем не ощущалось той дружелюбности, и взгляд исподлобья насторожил Гассана. В то же время у него прекратилось желание о ком – или о чем-либо думать, ему захотелось взять чашу, из которой он пил чай. Дотянувшись до нее, он взял чашу, как вдруг она выскочила из его рук, вылив содержимое на его балахон, упала на пол, Гассан тут же инстинктивно подскочил.

– Дядя! – он обратился к нему именно как родственник. – Кружка… – Задумавшись, он продолжил: – Она… – Гассан искал слова.

– Это еще что!.. Племянник, – произнес Равен, получая удовольствие над недоумением Гассана.

Его взгляд словно вновь подобрел, и в усах появилась улыбка. Равен продолжил удивлять. Он вновь обратил взгляд на чашу, закатившуюся под стол.

– Она еще и разбитая оказалась… Придется тебе, племянничек, на новую чашку для меня зарабатывать, – пошутил он, сделав серьезное лицо. – Как так, а?

– Да где же, Равен?! – Гассан достал чашу, осматривая ее.

Чаша была цела. – Где тут?.. – Гассан замолк, когда чаша внезапно развалилась в его руках на шесть частей.

У него не было слов от удивления.

– Вот как-то так!.. Но это половина моей силы, племянник, – произнес загадочно Равен.

– Еще нет?! – изумился Гассан, продолжая сомневаться в чудеса Равена.

Эта плошка могла бы быть до того использована, подумал Гассан, что предел ее срока настал именно в его руках. Он желал поспорить с дядей.

– Я буду внушать тебе этот навык, – сказал Равен, опережая его мысли, – вот в этом моя сила. А дальше?.. Дальше ты можешь сам распорядиться, как пожелаешь.

Равен очень желал научить племянника всему, что знает

он.

– Возможно, – не верил ему Гассан.

– Верь мне! – сказал Равен, развернувшись к нему.

В тот же момент Гассана неведомая сила заставила попятиться к стене и опуститься на пол. Хотя юноша был не из пугливых людей, он это знал точно. И не взгляд Равена его испугал, а именно то, что нечто сокрушило его вниз. Иудей продолжал неотрывно на него глядеть. В Гассане будто что-то изменилось. Он вставал и вновь садился. На четвертый раз, преодолев себя, он выкинул в сторону руку, приседая, вытянул ногу, упал, ударившись головой об стену. Озлобленный взгляд юноши наблюдал за Равеном, понимая, чьи это проделки.

– Больно? – спросил его дядя.

– Больно, – с укором признался Гассан, поглаживая затылок, ощущая возможности Равена.

– Садись и слушай меня, – принялся учить Равен юношу.

За двое дней с перерывом лишь на обед Гассан благодаря родственным связям от своего отца на удивление себе, чем Равену, мог силой мысли передвигать миску. А под вечер, когда они собрались с Нефертатонптах, он попытался этой же силой взболтать суп в ее миске. Ничего не подозревавшая и замкнутая своим царским величием девушка не подала вида, что была удивлена такому проявлению еды в ее посуде. Гассан с трудом, чтоб не выдать себя, сдерживал смех, а также гордость от своего мастерства.

Благодаря Равену жили они небедно. Но вскоре Гассан отыскал себе работу носителем фекалий в специальных местах за семь гир в день. Вполне оплачиваемая работа. Получив за нее небольшую прибыль, бросил ее после двух отработанных неполных дня. Обманув работодателя силой мысли, чтобы тот прибавил ему еще десять гир при расчете, но, спохватился, что такое мошенничество может выявить подозрения на его умение управлять сознанием. Посчитал Гассан.

Таким образом, забросив работу, взяв мешок вина, он направился в отделение хижины Равена, где жила Нефертатонптах. Получив от нее поворот, выяснил, что новыми мысленными умениями лучше пользоваться на трезвую голову. Но и это не помогло ему в следующей попытке, когда на следующий день, отрезвев, помехой обольщения стало его личное отношение к девушке. Он уважал ее и восхищался ею. А потому ее любовь он желал заполучить искренним путем, без вмешательств силой мысли.

Так прожив несколько дней, вполне освоившись на Ханаанской земле, часть которой занимало царство Израиля, Гассан желал найти себя в этом месте. Он отправился по другим местностям государства. Обойдя несколько его городов в течение двух последующих дней, дорога снова привела его на рыночную площадь племени из потомков сына Иакова Ефрема, соседствующую от колена Дана местоположения его родного дяди.

День близился к полудню. Наблюдая за торговлей напротив себя, Гассан решил попробовать в умении силы своих мыслей.

Вне шатра температура воздуха была несколько ниже, но не настолько, чтобы не ощутить теплоту месяца ияр[4]. В тени шатра было не настолько прохладно, чем в неотопленной хижине его дяди по ночам. Бывало, Равен приходил поздно вечером, и чтобы не следить за долгим горением в печи хвороста, пока не согреются стены дома или не станут углями заранее заложенные в камин поленья, закутавшись в плед, доставшийся ему когда-то, укрывшись в своей нише, на лежанке его дядя отдыхал до утра. Чтобы с раннего утра разжечь очаг. Но после второго такого пропускания Гассан решил поднять этот вопрос. Ведь не отапливаема оставалась и его комната. Но подобные проступки продолжились, и Гассан как-то позабыл о своих планах.

Итак, наблюдая за прохожими людьми в проулке домов, где он сидел в шатре для отдыха, Гассан приметил человека, заинтересовавшегося товаром купца, и Гассан решил сделать попытку войти в сознание его, как его учил дядя. Для этого сначала нужно расслабиться представить себя на месте человека или животного, над кем производится гипноз.

Так он попытался однажды представить себя веткой в камине и сдвинуть ее с места. Но, как и у Равена, на это у него силы не было. В следующий раз он попытался попрактико-

---

[4] Апрель – май.

ваться на ишаке. Получилось.

Один из ишаков на торговой площади по мысленному указанию Гассана, который стоял невдалеке и наблюдал за происходящим, стал брыкаться и едва не лягнул поспешившему к нему хозяина. Но под управлением сознанием осла Гассаном удар ушёл от человека. Животное подскочив, развернулось, пронеся задранную ногу по воздуху, рассекая воздух над головой гражданина.

Впредь Гассан старался быть осторожным с таким даром, дабы не наделать неприятностей окружающим.

Не спеша покупатель наконец повернул голову в сторону филистимлянина. До этого он пытался найти исток, побуждаемый его отвлечься от выбора товара. Не отыскав причины, мужчина вернулся к своему выбору миниатюрных статуэток. В этот момент Гассан отпил из чаши свежего кофейного напитка, так славившегося здесь, но очень дорогого.

«Но… немного позволить себе хорошего можно…» – подумал Гассан, остановившись в уличной шатровой чайной, узнав у кабатчика о цене напитка, у него уже был план, как с ним расплатиться.

Незнакомец был странно одет. Он не был похож ни на еврея, ни на египтянина. Его лицо было щетинистым, цвет кожи был темнее евреев, и светлее, чем у смуглого египтянина. Форма его черепа казалась немного вытянутой, чем у типичного еврея. Гассан также обратил внимание на его широкий подбородок. Все же коротко стриженные вьющиеся волосы,

вероятней, выдавали представителя Ассирии.

«И что это ему вздумалось так далеко оставлять свои земли ради каких-то статуэток?!» – думал филистимлянин.

И в этот же момент он уже углублялся в сознание чужака. Овладев тем самым, не замечая других людей, его мыслями, был удивлён. Сознание человека Гассану показало, что этот человек собирается учинить переворот царств. Сам он оказался из мест междуречья Быстрого и Тихоходного потоков. Гассану еще предстоит побывать в долине Эль Джезара, расположенной между двух рек, каждая из которых имела свое течение. По своей известности которые уступали по миру своим голубым трассам начинавшей свои истоки от Большого моря реки фараонов Аль Мисраима, царства составленному по еврейскому диалекту как Египет.

Поселение, как представлялось в сознании чужестранца, было небольшим, но тип оказался братом царя, некоего Нихшара-Насры, некогда изгнанным этим правителем из Вавилона.

– Что интересует господина? – несмотря на мало представительный вид, торговец сувенирами отнесся к незнакомцу с почтением, желая иметь в нем для себя выгоду.

Гассан прочел его желания. Чужестранец обратил пристальный взор на торговца.

– Мне нужен ханук. Это… – Он подбирал слова, но так и не знал, как перевести слово на иврит, – ан ха калаг тура, – выговорил он в надежде, что тот его поймет.

Торговец не понимал. Но Гассану уже представилась картина бело-лунного камня, который остался в его памяти навсегда. Со временем он отыщет это сокровище и, как окажется, напрасно.

– Ну, камень такой, белый… – пытался донести до него мужчина.

Тот его по-прежнему недопонимал, но и не мог сказать покупателю «нет». С сожалеющим взглядом он предложил другой товар. В этот момент Гассана отвлекло одно из воспоминаний незнакомца, когда он наткнулся на него в его сознании. Столкнувшись мыслями, взволновавшие Гассана, помешало вести контроль над дальнейшими действиями, которыми были заполнены в голове незнакомца. Отвлекшись от них, Гассан, продолжил воздействовать на его мышление. Человек по указанию филистимлянина оттого что был суетлив, слабохарактерным, несмотря на важную свою внешность и корыстным в жизни, как оказалось, в каждом он подозревал, что его ищут или весьма могут нарушить его покой, тем его особенности и облегчали управление гипнотизером. Под контролем Гассана он скинул на землю часть товара продавца. Так Гассан случайно наткнулся на углы, отвечающие за координированием его состояния, тем самым нарушив их, вышедшие за грань спокойствия незнакомца.

– Ничего у вас нет! – Чужак как-то хотел объяснить иудею свои внезапные действия, но и показать свою слабость не желал. – Гибель! Гибель неотвратима страны междуречья! О!

Мой предок… Ка Дингер!.. – сказал он.

Тут Гассан уже покинул сознание Нехишры, так он выяснил еще и имя человека.

Вдруг лицо Нехишры изменилось. Чужестранец пытался осознать, что произошло, его вид был растерянный. И он что-то бурча неизвестными словами, покинул торговую лавку. Гассана тут же заинтересовало, что думает по этому поводу сам торговец. Продавец, поднимавший на место фигурки, две из которых оказались не пригодны для продажи, употребил лишь одно слово.

– Кальдуи, – сказал он негромко.

Гассан благодаря чужестранцу впервые узнал о других племенах, живших вдали от его родной Филистии. Что, собственно, и станет в будущем предпосылкой к закату его карьеры у царя Израиля. Испив до конца чашу с напитком, Гассан поторопился узнать больше о народе, упомянутом купцом. Не теряя времени на опыты с сознанием чаёвщика, оставив ему один шекель, направился к лавке. Поставив на место одну из последних опрокинутых чужаком статуэток, Гассан обратился к торговцу:

– Уважаемый, а кто такие кальдуи, о которых вы упомянули? – Торговец удивленно обратил взгляд на Гассана, он гадал, как тот мог услышать его. Все же надеясь найти в нем покупателя, охотно поделился:

– Да места, прославленные богатством, колдунами и прохвостами, которые якобы знают, как пользоваться самой ма-

гией! – ответил лавочник, пояснив происхождение случайно промелькнувшего у него слова.

– Добрый человек, не желаете ли что купить у меня? Вот статуя с самого холма Исайя. Вы слышали об этом месте? Нет? О! Это самое священное место Израиля, оттуда, говорят, и вышел к нам, израильтянам, сам пророк Соломон, который и стал нашим мудрым правителем.

– Что, прямо с того холма? – сыронизировал Гассан.

– Так гласит сказание, – засомневался в своих словах сам купец.

– А расскажи еще про те страны, откуда этот незнакомец, – допытывал его Гассан.

– Ничего большего, – пожал плечами торговец, – слышал, что есть там самая быстрая река, разделяющая два города, не более. Слушай, купи, а? На память, будешь вспоминать и гордиться. Вот, например…

Он взял одну из фигурок, демонстрируя ее перед филистимлянином.

– А что за камень имел в виду незнакомец? – продолжал интересоваться филистимлянин.

– Какой камень имеешь ты в виду?

Торговец понимал, что напрасно тратит время с Гассаном. Пара человек подошла к его лавке, один, оставшись, принялся рассматривать утварь. И наконец, чтобы отвязаться от настойчивого не-покупателя, нашелся с ответом:

– Отправляйся в Яффу, там, может, найдешь ответы на

все свои вопросы, – обратился он к Гассану, тут же переключив внимание к другому любопытствующему к его диковинным фигуркам, торговец уже не обращал на филистимлянина никакого внимания. Гассан отправился восвояси. Под вечер филистимлянин, вернувшись в хижину дяди, заметил, что внутри никого не было, но в комнате на этот раз было тепло. На столе стоял кувшин с водой, в блюдце для еды находилось несколько засушенных плодов и нарезанных ломтей хлеба. Отужинав, Гассан отправился к девушке, отметив про себя, что если на завтра он ничего не найдет по работе вновь, то в тот же день, как только встретит Равена, поговорит с ним о семье из Беф-Орона.

Нефертатонптах уже отдыхала и попросила оставить ее одну. Гассану не оставалось ничего делать, как вернуться в часть хижины со стороны, где проживали они с дядей, ожидать Равена.

Итак, Хесену удалось узнать, кто являются его действительными родителями.

Хесен продолжал жить у старика в Дане, зная теперь, кто он ему на самом деле, сдружился с ним. А свою новую знакомую из страны, которую евреи называли Египет, попросил Равена разместить в другой части хижины с дополнительной платой, внося сумму за нее сам.

По истечении трех месяцев с той поры, когда Хесен поселился в городе Дан, он больше узнал о жизни израильского царства и о том, что началось строительство храма царя Со-

ломона, которое за краем Иерусалима было в самом разгаре. Сюда Гассан при помощи Равена устроился плотником и поностью влился в коллектив отделения рабочих по этой профессии. Здесь были еще другие отделения. Отделения каменщиков, камненосов, отделение замесителей – людей, готовивших раствор для изготовления строительных камней и их укладки. Отделение, которое называлось главным, включало исключительно руководителей рабочих бригад.

Однажды один из иудеев покинул свое отделение замесителей раствора, и Хесен по стечению обстоятельств заменил этого работника. Оставив свою деятельность, он перешел в другое отделение. Его группа плотников включала обработку, переноску строительных материалов, укладку готовых деревянных материалов для внутренних и наружных конструкций, перегородочных стен, частей, являвшихся недекоративными, служащих для опалубки. В такой команде хватало человек, нежели в отделении замесителей, где требовалось умение не только приготовления смеси для сцепки камней, ее носки, но и знание их пропорций.

Где жил сам царь Израиля, знали лишь его приближенные. Но шли слухи, что он спускается и поднимается на небо лишь для принятия необходимых, каких-то важных решений в собрании с мудрыми служителями. Где эти мудрые мужи жили, слившись с бытом иудееев, приравненные к жрецам, никто ничего и как они выглядели, также не знал.

Государство Израиля располагалось у Большого моря, ко-

торое имело свою спокойную жизнь. Городская охрана царства разделялась на небольшие подразделения в каждом из израильских колен, подчиняясь одному главному в самом Иерусалиме. Отличаясь от военных подразделений Ханаана тем, что относились к гражданскому обществу.

В Филистии, например, содержался сбор групп размером в тысячу человек и по необходимости выдвигавшихся малыми группами для усмирения непорядка в окрестностях, в основном, конечно же, если это было выгодно лидеру своего племени. Все воины были платными. Внутри самих поселений Филистии существовал окрестный порядок, без обложения какой-либо данью, из числа поселян в составе трех или шести человек для контроля местных прав населения. В соседствующих областях, граничивших с Ханаанской землей, частые набеги и конфликты одних племен с другими после разросшейся державы Израиля, казалось, воцарили спокойствие среди кочевников, обретающих со временем статус земледельца.

Найдя работу, отдалившись от жилья дяди наступали времена, когда температура воздуха стала теплой, Хесен уже не тратился на более плотные одежды. Ему достаточно было иметь длиннополое платье из простой ткани и легкий жакет из более прочной материи. Едва ли выделяясь среди остальных рабочих на стройке. Те, в свою очередь, носили также простую одежду: кто легкие штаны, рубахи, подпоясанные веревкой халаты, и так далее.

Завершение строительства

Прошло три месяца с начала строительства храма Соломона, и шесть месяцев, после того как Гассан покинул земли Филистии и теперь принимал непосредственное участие в возвышении стен культового сооружения. От Гассана требовалось, как и месяц назад, также замешивать раствор для установки декоративных камней и кирпичных блоков.

Составом блоков была смесь ракушечника, песка и вязкого вещества, то есть они были весьма легки, их создавали на месте. Часть такого строительного материала позже даже экспортировалась в Египет.

Здание возводилось позади статуи с крыльями, посвященной царю, откуда, как говорили, должен являться сам царь израильский. Весь план архитектуры не был известен строительным мастерам, они их связывали с группами из специалистов каждых отделений. Всем планом храма владел его создатель, Хирам Абиф, личный архитектор Соломона, так знали его в обществе. Это на вид сорока лет мужчина, гладко выбритый, с еврейско-латинским профилем. Вьющиеся короткие волосы он часто скрывал под капюшоном легкой накидки. Зачем он это делал, никто не знал.

Шел месяц нисан. Народ еврейский готовился к празднику Песаху – дню вывода евреев из Египта. В этот день на главной площади Иерусалима люди, кто желал, исполняли

гимн «Насере юмзес» – необидную поучительную песню, но высмеивающую царей Египта и независимость еврейского народа.

Гассан жил на стройке. Зачастую по вечерам слышал он, как рабочие распевали эту песню при свете факелов и пения ночных птиц. Едва слышимые голоса поющих в хижинах из прутьев и веток несли в песне что-то спокойное. Гассан, не имея корней к этому этносу, немного жалел, что его вероучение не даёт присоединиться к ним, однако запрета тому не было никому. Все же что-то внутри него запрещало ему это делать.

В утро шестого нисана на предстоящий день итуитивно предвещал, что должно нечто произойти. Проснувшись с коллегами в хижине – их было пять человек, сходив по своим нуждам, ополоснув лицо из свеженаполненного водой кувшина – их всегда заполняли к утру с позднего вечера и складывали рядом с собранными из веток и лапника лачуг для рабочих, вдруг Гассан услышал человеческие крики и тут же стал искать их источник, но долго делать это ему не пришлось – огромная тень накрыла ту часть площадки, где был Гассан. Он поднял голову. Ему пришлось забыть о своих делах и про работу и увидеть нечто похожее на птицу, от которой исходил гул.

– Стальная птица! – кто-то кричал.

– Это птица Рок! – поддерживали его другие.

– Нет, это филистимский сокол! – предложили другие.

– О да! Он может извергнуть пламя!.. – Опасались чудовища обыватели.

Гассан обратил внимание на одного кричащего из рабочих. Он точно знал, что на его родине таких птиц нет.

Под конец рабочего дня он решил обратиться по этому гиганту – к Хирам Абифу, узнать его мнение. А пока он, собравшись с мыслями, отправился к месту своей работы. Вместе с другими из отделения стал носить воду, чтобы замешивать приспособленной рукоятью в большом корыте смесь. Это механизм, где три человека крутя рычаг, шагая по кругу, приводя в работу другой привод, который, в свою очередь, приготовлял нужный раствор.

По плану еще двадцать суток – и стены храма были бы готовы. Носители камней по краю здания по выложенным строительным лесам нередко уставали, и им требовалось подкрепление. Гассан за дополнительную плату соглашался и на эту работу. Полностью выматываясь к вечеру, он ложился на лежанку из сена, и наступавший сон сразу его вырубал. Подработка началась сразу после случая, когда один из каменносов случайно выронил камень. Летевший вниз камень задел голову другого рабочего, взбиравшегося по рабочим лесам. Однако тот, отделавшись только ссадиной и испугом, все же отошел от работ и отправился обратно в места, названные им как-то «края семи холмов», к своему поселению, поклонявшемуся одному из покровителей их жизнедеятельности, хранительнице скота, расположенного возле берегов

Волнующейся реки невдалеке от народа италийцев, проживавших на части суши западнее Греции. Гассан мало общался с этим парнем, но знал, что он не был ни евреем, ни греком.

К вечеру, как всегда, Гассан, поужинав той же едой – засушенным мясом, вялеными фруктами, – с которой он начал свои дни в Иудее, но без вина. Усевшись с рабочими, решил лечь спать попозже, чтобы всё обдумать и во что бы то ни стало на завтра поговорить с главным архитектором.

В самом деле, к Хирам Абифу имел личный подход, кто был лишь приближен к нему, и только во время работ, а Гассан по знакомству своего дяди получалось, имел другое более доверительное приближение.

Запивая водой хлеб, съев перед этим три плода инжира, Гассан, вернувшись в шалаш, расположившись на промятой соломе, слушал речи других, на этот раз услышав интересную историю.

– Ха-ха… – посмеивался над историей товарища коллега Гассана из его нового отделения камненосов.

Готовить связывающие вещества для кладки камней и выравнивания стен и носить камни было делом опытным, трудновыполнимым, но Гассан был переведен по ходатайству другого архитектора в отделение камненосов, потому что строительство подходило к концу и рабочих в отделении замесителей вполне хватало.

– Ты что, впрямь веришь, что море Большое кишит вся-

кими монстрами?! – говорил один.

– Да вот я тебе говорю, они покланяются кому-то! – сказал другой, забыв о еде.

– Не знаю, Ворислав! Мой прадед всю жизнь ходил в море и никого, кроме огромных рыб, не встречал, и еще моллюсков, и…

– Ну вот!..

– И каких-то ползающих тварей на дне… – дополнил первый, разжевав финики, запивая их водой, этим занимался и его сосед, напротив полулежа на мятой от времени подстилке из лапника.

– Ну вот! Говорю тебе, чудо-рыба же есть! – не унимался второй собеседник.

– Это был кашалот, дубина. Да, есть такая рыбина. Слопает тебя – и апс… и нет тебя… Слыхал историю про Иону?

Двое других засмеялись. Гассан знал, о ком идет речь – о филистимском Дагоне, покровителе морских пучин и идоле плодородия.

– А это что тогда было? Фуить!.. – Второй показал на небо, проведя пальцем в сторону, куда скрылась металлическая птица.

– Это птица Рок. Слышал о такой птице? Рассказывают, что она…

Один из рабочих отделения замесителей раствора для камнеблоков, бывший коллега Гассана, филистимлянин, поменяв отделение, не сменил лачугу, вдруг остановился, за-

метив в небе яркие вспышки в незакрывающемся проеме, забеспокоившись. В лагере рабочих обратили на это внимание, когда они, издавая звук, напоминавший свист, начали ниспадать.

– О! – разказчика это явление взбудоражило на немыслимое объяснение.

– Это она! Это птица Рок выпустила на прогулку своих слуг!

– У нее есть слуги? – не выдержал Гассан, спросив каменоса.

Тот переключился на филистимлянина.

– Конечно, у нее их много! – продолжал сочинять его коллега. – И теперь они будут рыскать и испускать…

Он не успел выложить выдуманное им на ходу объяснение, как вдруг летящие с верху яркие точки, размножались, выпуская лучи, которые, впиваясь в землю, всколыхнули ее небольшими взрывными волнами. Некоторые лучи попадали в деревья, кусты, поджигая их. Но может из-за влажного воздуха, то ли по своему такому физическому состоянию пламя их быстро угасало, оставляя обугленными листья хвои и стволы деревьев. Часть лучей попадала на спасавшихся людей, обжигая им кожу рук, испепеляя часть одежды. Два или три таких луча попали в хижину, где располагался Гассан. Она загорелась.

– Это Рок! Рок! Птица с крыльями в два человека и опереньем как ножи!.. – выкрикивал не на шутку напуганный

иудей, поверив в свои слова. Он успел выскочить из шалаша и затаился между камней, подготовленных для верхней части здания, рядом с настилами, в которых были сложены вымеренные емкости для разлива растворов.

Гассан также бросился к блокам затаиться между ними, как и часть рабочих, пытавшихся укрыться у стен здания. Он ничего не мог ответить соседу, так как также был напуган.

Явление продолжалось недолго. Когда яркие вспышки закончились, все немного успокоилось. Но у всех на устах был лишь один вопрос: что это было? Один из отделения камненосов словно оживился.

– Это Рок! Птица Рок и ее племя! Оно хотело убить нас! Чтобы мы прекратили строить этот храм, ибо она считает, что он не нужен. Она нас всех погубит, если мы продолжим его строить!

Кто-то из людей стал его поддерживать, оглядываясь на догоравшую хижину, говоря: «Правильно! Правильно!»

– Люди, нам срочно нужно уходить отсюда, если у вас есть семьи, спасайте себя! Бросайте все! Пусть Соломон достраивает свой храм сам! Пусть строят его слуги!.. Пока нас…

Объясняя произошедшее, рабочий старался до каждого донести ее смысл. Толпа поддерживала его, повторяя слова: «Правильно! Надо уходить! Нам не нужны такие деньги!» Кто-то предложил обратное, отодвинув поддержку последней фразе требований, но тут же был перефразирован толпой.

– Нет! Пусть лучше они поднимут нам жалованье!

Это был юноша из Греции по имени Несер, тот, всегда менял место жительства, ведущий кочевой образ жизни, жил, по разным странам, побывав и в тех, что были за морем. Однако, не поддержанный людьми Несер затерялся в толпе. Но до своего времени. Волнения стали подниматься до того, что часть рабочих, замешивающего отделения смеси для укрепления строительных камней забралась, внутрь постройки и пыталась что-то творить с ее стенами, вырисовывая на них какие-то надписи. Никто уже не думал об отдыхе. Темнело. Стало холодать. Время отдыха уже началось, но никто не собирался расходиться. Наконец внутри храма появился перетревоженный архитектор Хирам Абиф.

– Что вы такое вытворяете?! При чем здесь стены?! – негодовал архитектор.

Люди, скорее напуганные, но не озлобленные, решили высказаться. Вызов к начальству оказался удачным. Завидев Абифа, они тут же побросали куски камней, которыми портили стены.

– Это проклятое место! – начал один, из которого злость, зародившись где-то в глубине его подсознания, вырывалась наружу.

Но он первым бросил камень на пол.

– Да! – подтвердил кто-то из присутствующих.

– Мы не должны здесь больше работать, иначе нас всех перебьют, – жаловался он.

– Да-да, перебьют! – подтверждали люди.

Над ними вместо крыши, после кладки которой строительство бы закончилось, сияло звездное небо, казавшееся мирным и спокойным. Но Хирам Абифу нечего было сказать. По-своему каждый был прав. Никто не знал, что произошло и откуда были эти шарообразные тела, выпускающие лучи, чтобы напугать людей, или природное явление, которому не было объяснения. Главный архитектор не знал, и он вышел из незаконченного храма.

– И каждый что считает? – обратился зодчий к народу, теперь ему точно нужно было что-то сказать.

Собравшаяся возле входа в здание толпа словно ожидала слова старшего стройки.

Хирам Абиф имел право суждения, ему позволяло положение руководителя строительства. Другие же управляющие, разделенные по частям строительного плана, руководствовавались словом главного архитектора царя, либо молчали, либо также были взволнованы и поддерживали рабочих.

Но вдруг внутри здания послышался хруст, это пол начал рушиться и уходить куда-то под землю. Те, кто были в храме, спешили выбраться на улицу, испугав и заинтересовав тех, кто был снаружи.

Затаив дыхание, заслышав грохот внутри постройки, все молча стали наблюдать за дальнейшими событиями. Вдруг стены также начали рушиться, затягиваясь под землю. Лю-

дей охватило беспокойство, они стали удаляться от рушившегося храма в сторону валки леса, за которым находилась уже городская округа Иерусалима. Когда люди почувствовали дрожание земли, ринулись в сторону города. Лишь несколько человек осталось на месте. Среди них был Гассан, два грека, один египтянин, три еврея и сам архитектор храма. Толчки рушили все окончательно. Их наскоро сделанные хижины разваливались в момент, пара из них загорелась от зажженного внутри них масляного горшочка с фитильком, освещавшего хижину. Кругом был слышен хруст и треск. Сложенные на месте бревна рушились, катились в разные места стройплощадки, сметая все на своем пути. Хирам Абиф, удачно увернувшись на удивление Гассана от налетевшего на него внезапно бревна, повернулся в сторону храма. Лицо его было серьезным. Расшитый халат развевался от появившегося ветра.

– О! Царь Соломон. О! Владыка израильского царства Ханаанской земли. Смилостивись, защити нас от погибели, – просил он.

Ветер повсюду раскидывал ветки, строительный мусор, попадая на лицо пылью. Но он продолжал говорить:

– Мы, люди израилевы, рабы божьи, строим тебе храм, чтобы царствовать тебе во веки веков, приди и…

Он не успел договорить, как вдруг из основания храма, куда уходил пол и стены здания, появился столб небывалой яркости, и внутри него Гассан, также пряча лицо от ветра с

мусором, заметил силуэт. И в подтверждение догадок филистимлянина из него вышел мужчина, тут же все успокоилось. Дрожь земли прекратилась, и ветер стих. Человек, выбирая себе путь по оставшимся обломкам, направлялся к главному архитектору и тем людям, что еще оставались на стройке.

– Я услышал тебя, Хирам Абиф, – сказал он, остановившись на том расстоянии от него, чтобы его хорошо можно было слышать. – Я пришел снова, но в ранний час, перед тем, когда будет собран новый совет. Но земля требует вмешательства перед новыми делами человечества, и значит, я пришел вовремя. Но знаешь, дорогой мой Хирам, сроки еще не те, и будет много потрясений и землетрясений. Но продолжай строить храм, в котором будет править Израилем уже мой сын. Он скоро будет в Иерусалиме, чтоб выбрать себе жену из народа.

Внезапно со стороны человека, вышедшего из светящегося столба, который тут же исчез, когда он из него появился, выступил дым, в коем также угадывались человеческие силуэты. Но это были джинны. Один из них, чернее других, словно тень, остановился перед Соломоном. Это был ифрит, повелитель злых джиннов. Он что-то произнес ему на не известном никому языке:

– Мем хаму эстат чёурдеш!

Царь израильский недолго думал.

– Мхечаем исмыт! Каурдеш! – сказал он и указал пальцем в сторону.

Злой дух взвился в ярости. Взмыв над землей серпантином, всколыхнув пыль и украшенный бахромой открытый халат Абифа, который стоял неподалеку от царя, едва успевшего вновь укрыться руками от естественно-природного мусора. Гассан, наблюдавший за происходящим неподалеку, также пытался укрыться от пыли. Остальные из рабочих пали ниц, кроме одного еврея старше Гассана на десять лет.

Часть джиннов, закружившись вслед за их лидером, также казались озлобленными.

– Мех Ра арубен! – возгласил Соломон.

И поднял вверх ту же руку, которой вначале указал ифриту. Перед Гассаном появилось небывалое зрелище. Кольцо, что обхватывало кисть Соломона, вдруг засветилось, и джиннов словно стало засасывать в это свечение. Затягивающего кружившего черного ифрита Гассан рассмотрел только раз исчезнувшего после всех. Было ощущение, что он никак не хотел туда попадать. Его лицо было ужасно, скорей оно было похоже на морду, два клыка сверкнули перед лицом Гассана. Он почувствовал, что они словно пронзили его. Вскоре все закончилось. И тут же, конечно, у Гассана появились вопросы. Ведь не зря все это он испытал на себе: и ураганный ветер, и страх за архитектора, оставшегося целым, и, в конце концов, за руины, так старательно некогда возводимые долгими днями стены.

– Царь Соломон, – обратился он к царю, – вам, случайно, не известно имя Омар Юсуф ибн Хоттаб?

Разговор между царем и его архитектором был прерван филистимлянином, Соломон тут же обратил внимание на юношу, изучая его. Хирам Абиф также заинтересовался, но скорей прыткостью молодого человека. Так, он не считал филистимлянина за подданного Израиля и гадал, станет ли царь разговаривать с ним.

Однако царь не обошел юношу вниманием.

– Омар Юсуф, сын Хоттаба? – вспоминал Соломон. – Да, знаю. Однако… Так, значит, ты есть второй сын из… Филистии?

– Так вы и отца знаете?! – обрадовался Гассан.

Гассан с нетерпением ожидал ответа на свой вопрос. Однако лицо, скрытое за коротко стриженной порослью царя Израиля, не предвещало ему хороших откровений о его родственниках.

– Я подарил ему кольцо, которым можно повелевать джиннами северных руин старого храма. По дружбе. Он хорошо относился к учебе, когда мы были еще молоды. А его отец умел управлять сознанием животных.

– Да, мне рассказывал об этом мой дядя Равен, – сказал Гассан.

– Равен Эленийский? – удивленно спросил царь.

– Да… – подивился Гассан, предполагая, откуда он мог знать об этом человеке, но тут же додумался. Раз он знает его отца, значит, и его двоюродного братца.

– Хо-хо-хо! – рассмеялся Соломон. – Этот штукарь здесь,

в Иерусалиме?

– О да, повелитель, – сказал Гассан.

– Забавно. Вспоминаю, когда твой отец покинул Ханаанскую землю, вернувшись в Египет. Но, признаюсь, мне известно о месте его нахождения и сейчас. Но я не знал, где у него второй наследник…

Соломон задумался. Он осматривал Гассана, словно пытался узнать, о чем тот думает. Он сократил расстояние к потомку Хоттаба.

– Должно быть, ты и есть тот его сын, мать которого оставила его дикарям… Был слух мне об этом… Так, значит, второй сын есть! Вот Хоттаб молодец! Но… зачем он скрыл это… Хм. Вероятно, из-за перехода в Магриб. Там ведь ваша родина, сынок. Ну да ладно.

Соломон обратился к Хирам Абифу, но повернулся обратно, чтобы дополнить:

– Омар Юсуф – халдейский преступник. Он никогда не вступит на землю обетованную! Что до тебя, Гассан…

Он отвернулся от Гассана, положил руку на плечо своего помощника и, отведя его в сторону, что-то сказал ему, потом он направился туда, откуда появился. Встал на место, где провал, и тут же Гассану проявилось еще одно чудо: по обе стороны от царя возникла пара ярко светящихся золотых крыльев. Закрыв им Соломона, они исчезли вместе с царем. Таких чудес он еще никогда не встречал, но теперь истинно поверил в удивительное проявление не известного ему мира,

мира небывалого, о котором идут сказания. В своем поселении ему никогда не приходилось созерцать что-то подобное, относящееся к их идолу, кроме заурядных жертвоприношений.

У Гассана оставалось еще много вопросов к царю Израиля, но он лишь провожал его взглядом. Стоявший неподалеку от него израильтянин по имени Осий, родом из израилевого колена Ефрема, был также заворожен явлением. И воочию впервые увидев царя, был долго не в силах прийти в себя.

– Осий! – окликнул Гассан, заметив его ступор. – Пойдём помогать нашему зодчему. Пора снова строить храм.

Они двинулись к архитектору Абифу, за ними поспешили другие, отняв лица от земли от страха, или в дань уважения царю.

Пообщавшись с архитектором, до этого овладевший несколькими профессиями Гассан, словно подчиняясь чей-то воле, принялся за сбор новых отделений работников из числа тех, что остались. Каждому из этих семи человек отводилась своя работа. Гассан помогал каждому: либо одним работникам, либо другим.

И так прошло два дня. Уставшие за этот период люди все же не собирались покидать место строительства. Засыпая яму прежнего основания под здание, они готовились воздвигнуть новое. Уплотняли, как могли, землю, расчищали руины, рубили леса для восстановления площадки строи-

тельства. И все же число оставшихся людей категорически не хватало. Необходим был полный штат.

– Эх! И далось же нам немыслимое строительство, Осий! – поделился как-то Гассан с товарищем.

Они присели на пне, чтобы подвести итог выполненных работ. Казалось, все оставалось на своих местах: груда камней, развалины здания. Поломанные деревья, пни, развороченные хижины. Выгоревшая трава и усталые люди. Рядом с ними были еще три человека, один из них – египтянин Несер. Остальные рабочие, отдельно, бурно обсуждали свое положение.

– Нужна механика, – предположил египтянин.

Проживая с двенадцати лет в Иерусалиме, он неплохо говорил на еврейском языке и хорошо понимал многие слова, но так и не научился разговаривать без акцента.

– Механика?! Да где же ее отыскать? – скорей растерянно, чем утвердительно, сказал Гассан.

И хлопнув ладонями по своим коленям, огляделся задумчивым взглядом.

– Вокруг же одни палки, а из ученых лишь один Абиф. – Гассан кивнул в сторону, где позади него Хирам Абиф также сидел на пне, задумчиво поддерживая голову. Халат его истрепался и не так уже выделялял на нем позолоченной бахромой знаки и иероглифы.

– А мастера все разбежались, чтобы подать хоть какую-то идею, – сказал Гассан.

– Да не особенно-то они ученые были.

– Что? – не понял его Гассан и с остальными посмотрел на друга, ожидая объяснения Осия.

– Я имею в виду как… Я абсолютно уверен в их профессиональности, – старался подбирать слова Осий.

Он знал, что каждый из рабочих уважал своих строительных мастеров. Но в то же время смел предположить, что доверие среди оставшихся рабочих к ним могло и исчезнуть. Здесь остались только люди, преданные делу и самому царю.

– …Но где они?! Никого же нет! – оправдывался замеситель растворов.

Все понимали это, и поиски нужных слов Осию были излишни. Руководителей отделениями не осталось, они всех бросили. Для общества они оказались ненадежны в тот же момент, каждый из присутствующих считал, что эти люди ни в чем не были виноваты, всем дорога жизни своя, и у того и другого могла быть семья.

В этой кучке рабочих находился один человек из племен, соседствующих с Ханаанской землей, граничивших с Моавией и иудейскими коленами израилевыми. Поселившись рядом с Необитаемым морем, грек по происхождению, жил со своей семьей. Также как и Гассан, однажды он оказался в одном из городов Иерусалима, где ему была предложена работа на строительстве. Его звали Лот. Имя, которое он взял из истории моавского царства. Так как, с именем при рождении, ведя кочевой образ жизни, до того как обзавестись

семьёй, жить бы ему там не удалось, племена постоянно воевали с соседями, и каждого, если ты не моавитянин, считали врагом. Сейчас Лот молча сидел и внимал речам собравшихся людей. Ему некуда было деваться, денег у него не было, а отправиться в дальний путь одному к родным местам у него не было желания.

День близился к завершению. Это можно было определить по солнцу, приближавшемуся к горизонту аль Магриба, и по похолоданию. Никто не знал, что делать. Ранее у всех было на уме одно – окончить постройку тем что, не начав ее разойтись. Но что-то заставляло их оставаться. С панорамой вокруг развалин ощущался голод. Вдруг Гассан услышал свое имя. Это главный зодчий Соломона позвал его.

– О да, Гассан, это Абиф тебя зовет, – подтвердил Осий, заметив, что Гассану голос послышался.

Он поднялся и направился к тому, кто его ожидал. Хирам Абиф был в сорока шагах от собравшихся рабочих.

– Ну, вот, наконец, Хирам, вероятно, придумал что-то, – поделился своим мнением Осий.

Кто-то подтвердил его слова.

– Хорошо, если что-то толковое, – сказал один из камненосов.

– Уж да… – протянул другой, – быть может, он посоветует, чем нам перекусить действительным, а то одни фрукты… ими-то не напитаешься!

Но никто не смог поддержать этот разговор. Все были

согласны с последним, и напоминать о насущной проблеме лишний раз никто не хотел. Воцарилось молчание. Но после один из них поднялся и отправился за провизией. Два человека, среди которых также был египтянин, направились на поиски хвороста для будущего костра.

– А у кого-нибудь есть высекающий камень? – спохватился Осий, заметив и сообразив, куда направились люди. Высекающим камнем назывался пирит. От него можно было разжечь огонь, высекая искры.

– Что молишь, содомист? – спросил Осий у Лота.

– Какой я тебе содомист?! – возмутился Лот.

Лот – тридцати трех лет, рожденный в местах, где, по древним свиткам Танаха, находились некоторые города, имевшие совсем не благочестивый характер и в большом известности о жертвоприношениях, жесточайших, чем у южных племен Филистии на Ханаанской земле, где, скорей, из-за этих содействий, как считали люди Израиля с убеждениями, так и не создалось нравственной цивилизации.

– Да уж как не содомист?! – подтрунивая над Лотом, Осий заметил, что пристальный взгляд сотоварища принимает агрессивный вид. – Да ладно, все мы не без греха, – добавил Осий.

Несмотря на отсутствие юмора, Лот имел крепкое телосложение и мог дать отпор, и, не желая спорить с товарищем, сын торговца быстро сменил тему разговора.

– Что-то Гассан у нас где-то пропал с Абифом, – сказал он.

Третий из оставшихся работников направился на поиски камня, который высекал искры, что могут зажечь хворост. Между двумя товарищами – греком перелётного образа по имени Лот и Осием – жителями нынешней Ханаанской земли – воцарилось молчание, но словно между ними оставались какие-то недосказанности. Оба считали, что они не правы по отношению друг к другу, но признаться в этом не желал ни один из них. Наконец к ним вернулись Несер и другой работник, принеся охапку тонких веток. Нашедший, один из тех, кто ушел на поиски пирита, вскоре отыскав его у остатков шалашей, вернувшись, тут же принялся ударять один кусок камня о другой. От высеченных искр огонь охватил сухой хворост.

– Вот как у тебя, Изил!.. – сказал успешно разжегшему костер иудею Осий. – Тебе бы плотником, а не камни носить, – похвалил он товарища. Они выложили принесенные кем-то из команды некоторые фрукты и принялись за еду, что оставалась. Гассан в это время окончил разговор с Абифом и направился обратно к кучке работников, которые гадали, что им завтра делать. Но все, уже посовещавшись, успели решить, что начинать работу сегодня не имеет смысла.

– Мне только бы добраться до Неживого моря, а там можно придумать баркас, найти пару человек, – говорил Лот, – заверить их в том, что на том берегу жить интереснее… можно найти! – говорил грек, когда речь зашла о том, что строительство храма четырнадцатью руками будет невозможно.

Он изредка поглядывал в сторону главного архитектора и общавшегося с ним Гассана. После того как Гассан стал отходить от Абифа, архитектор направился к сохраненным свиткам чертежей, которые удалось найти, бумагам из тростникового папируса, что были собраны и сложены неподалеку от него.

Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб, наследник правителей, главных жрецов всего Аль Магриба, о которых он и не знал, подойдя к друзьям, не спешил открывать все секреты разговора с Хирам Абифом. Он, глядя на небольшой костер, о чем-то задумался, слушая речь работников. Первым, кто к нему обратился, был Несер.

– Ну что, племянник иудея? Что делать будем? – не получив ответ от своего друга, Несер продолжил: – Мы тут как бы посовещались…

– И решили покинуть строительство? – опередил его Гассан.

Вопрос удивил всех. Потому что никак он не мог слышать пусть весьма живой диалог Осия с некоторыми громкими высказываниями между работниками по поводу строительства.

– Так ты все слышал?! Ну ты даешь! Но знаешь, в моих словах, которые ты мог услышать, нет никакого умысла предательства. И все же… все же у нас одно общее мнение… – сказал израильтянин из колена Ефрема.

– Нет необходимости оправдываться, Осий, тем более пе-

редо мной, – успокоил его Гассан.

Вид у Гассана был безутешный. И услышав его, люди снова впали в отчаяние. И теперь каждый думал только о себе, о том, что ему делать завтра. Лот же поглядывал краем глаза на других, уже решив, что делать. Но он как бы хотел предугадать по разговорам и мимике, найти в ком-либо союзника, пойти с ним в обратный путь. Как он обратил внимание на Гассана. Филистимлянин, сделав три шага назад, поднял руку, как вдруг у него на запястье левой руки грек заметил кольцо из чистого золота с промелькнувшими выгравированными на нем какими-то знаками. Неподдельный интерес заставил Лота вначале задуматься, что с этой дорогостоящей вещью им – а именно Гассана моавитянин выбрал в спутники для возвращения домой – делать, осталось уговорить друга и обдумать им все вместе. Но времени на обдумывание уговоров у него не оказалось. Гассан, подняв руку, оглядев всех, оценив обстановку, принялся выговаривать странные слова, не похожие ни на один из каких-либо существующих в известных краях диалектов.

– Леху мешарет абот ликрателай! – сказал он и описал в воздухе круг.

Через мгновенье листья по земле, легкие ветки и все мелкое, разбросанное, стало закручиваться вокруг Гассана, теряясь в появившейся рядом дымовой завесе. И в ней Лот, приглядевшись, стал замечать проявление человеческих силуэтов, сливавшихся с пылью.

Такое явление не могло оставить равнодушным никого. Осий, заметив поведение грека, обернувшись, привстал от удивления. Но один из присутствующих товарищей Гассана, не выдержав волшебства, припал к земле. Его поведение вызвало замешательство у других его соратников – еще двоих камненосов, повторивших его действия.

– Джинны! Джинны! – повторял павший ниц иудей, стараясь не глядеть на происходящее.

Осий не заметил, сколько было призвано духов, однако оставалось только догадываться, откуда они были призваны. Таких мест рассказаным по легендам, где обитали джинны о которых знал ефремлянин, были земли аль Машрика, откуда восходит солнце, разделяя небо и землю, или из великой бездны, границы, разделявшей земли с жилищем мертвых таких как Шаиль, место, традиционно связанное с тем местом, куда заходит солнце, аль Магриб.

Вскоре он откинул любые предположения. Завеса исчезла, и перед Гассаном над землей парил один джинн. На его поясе был золотой пояс, скрепленный замком из твердого материала. На его голове часть коротких волос представляла неизвестный символ или иероглиф, но Осий мог и ошибаться. Нижняя часть туловища скрывалась в дымовой завесе. Дух, сложив под подбородком ладони, опустив голову, произнес непонятные слова, напоминавшие аммонистское произношение, язык, которым давно не пользовались. Осий хотя и был местным жителем, а Гассан являясь филистимля-

нином, и о ранних поселенцах Ханаана, живших за тысячелетия до них, они могли только слышать. И речь, за века, измененная переплетаясь с другими народами, где Гассан мог узнать слова, изреченные джинном, за время пути в Иерусалим, также сейчас ему были непонятны. Однако джинн словно понимал его, точнее, дух вновь опустил голову к ладоням и произнес:

– Слушаю тебя, мой господин, владыка кольца, – сказал он на речи, понятной всем.

– Приказываю тебе, джинн, слуга кольца, – с четким выражением, скрывая неуверенность и страх перед духом, говорил Гассан, – позвать ко мне зодчего древних времен Египта, что строил тогда храм для ранних царей!

Джинн тут же исчез, превратившись в точку, которая разлетелась прахом во все стороны.

Осий был одним из первых, кто прервал молчание.

– Вот чудеса, Гассан! Никак дар самого царя Соломона у тебя на запястье?!

– Да, – коротко подтвердил его друг, едва понимая, что у него получилось управление джинном благодаря кольцу.

Ему еще было что поведать своему товарищу, но он не был уверен ни в чем, а именно в эффективности духа. Его исчезновение не доказывало выполнение указаний владеющего кольцом. К тому же Гассан отдал приказ неимоверной трудности – добыть архитектора египетских пирамид, созданных тысячелетия назад, еще до царства израильско-

го. Услышав о древних египетских царях, Несер вспомнил, что он представитель этого народа. Но представление, устроенное Гассаном, не посчитал великим чудом. Слухи о власти призывать духов из того или иного мира шли отовсюду. Увлеченные тайнами природы поселенцы, а в каждом поселении, где проживал Несер, до того как попасть в Иерусалим, из таких людей был почти каждый десятый встреченный им житель. И все они лишь умело пускали дым, плевались, бросались кухонной утварью, объясняя это присутствием в них духов, либо представляли джинна за кукольного немого пугало, устраивая спектакль.

Но вскоре рядом с филистимлянином появился тот же дым. На этот раз в воздухе присутствовал какой-то ароматный запах. Тут же рассеявшись, дымовая завеса открыла перед ними коренастого мужчину невысокого роста в сутане высокопоставленного статуса с орнаментными знаками, они были даже ярче, чем у Хирам Абифа, до того как испортиться. Короткие темные волосы, восточный тип лица, не похожий ни у одного из других людей, кроме как схожих черт с Несером, истинного египтянина, который оглянулся на присутствующий запах. Он сидел спиной к чудесам. Обнаружив еще одного египтянина, на площадке, у него тут же появилась радость, как если бы он встретил родного брата.

– Бенети сепес![5] – поприветствовал он.

---

[5] Приветствую, многоуважаемый!

– Ата сеа?[6] – неуверенно сказал, приглядевшись и осознав ситуацию, появившийся архитектор.

– Ате? – Несер также не осознавал еще всю важность его роли в данной ситуации.

Несер с трудом подбирал слова. Для него появление высокопоставленного человека из Древнего Египта был так же неожиданно, как и для других присутствующих.

– Кеате ива нефер джареуа…[7] – объяснял он.

– О! Несер, отлично, иди-ка с ним поговори, – подхватил их разговор обрадованный их пониманием друг друга Гассан, – обрисуй, так сказать, ситуацию, и подойдите к Хирам Абифу, он точно может сказать, что надо делать.

– Ате йе уа[8], – сказал появившемуся земляку кочевой египтянин, по совету Гассана.

Несер предложил древнему зодчему пройти туда, где находился главный архитектор царя Соломона.

– Ну, вот и отлично, а теперь, мои друзья, – улыбался довольный удачным стечением обстоятельств Гассан, – пора бы перекусить…

Едва горевший костер, в котором время от времени появлялись языки пламени под небольшими ветками, казалось, вот-вот исчезнет. На сбор хвороста, который валялся по всей округе, отправились два иудея, вспомнив о действительно-

---

[6] Что происходит?

[7] Дело в том, что, если вы зодчий, вы…

[8] Прошу пройти туда.

сти. Они не знали, что необходимость в этом у них скоро отпадет. Гассан снова поднял руку, произнес заклинание. Произошло все то же, что было чуть раньше, появился исполнитель желаний, получив заказ, дух исполнил все, что пожелал Гассан.

Из воздуха появилась чаша с пловом, кувшины вина и фрукты. Но главным явлением, немного напугавшим присутствующих, стал новый костер, который стал значительнее, так что присутствующим пришлось немного отодвинуться от него. И они, взяв каждый по фигурному камню или бревну, являвшимся для них сидением или лежанкой, чтобы можно было опереться им спиной или головой, а кто просто настилая под собой свежего лапника, отошли подальше.

– Ну, Гассан!.. Ну, знаешь! – произнес Осий.

– Ну, вот, значит, что может подарок Соломона! – сказал Гассан, стараясь скрыть чувство собственного достоинства за владение магической вещью.

Редко питаясь, занимаясь практически выматывающими работами, за двое дней Гассан ибн Хоттаб серьезно похудел. Волосы его снова отрасли. Как и у всех остальных его товарищей, под носом и подбородком появилась жесткая щетина.

– Признаюсь, не ожидал таких чудес. Слышал… но чтобы в действительности!.. Очень рад, – сказал Осий.

Он потянулся руками к котлу с едой, что уже делали остальные. А один из иудеев вначале решил понаблюдать за

другими, не спешил пробовать, что в котле.

– Стойте! – вдруг остановил всех Гассан.

Он снова проделал ритуал, вызвав джинна. Один из работников, кто хотел испробовать содержание кувшина, поняв, что указание Гассана относится не к нему, продолжил действия к распитию. Пока Гассан общался с духом, с упоением отпивал то, что было внутри глиняного сосуда.

– Джинн, – Гассан обратился к духу, – знаешь ли, нам все же как-то руками есть… – подбирал слова филистимлянин, озираясь на моавитянина, который, с усердием преодолевая голод, все же тянул руки к еде, оставив кувшин с медовухой.

– Придумай что-нибудь, а? – сказал Гассан, не тратя лишних слов в надежде, что тот его поймет.

Деревянные ложки и медные вилки с двумя зубьями давно использовались, еще при заселении Ханаанской земли в Израиле, в то время когда в Филистии было принято трапезничать руками, тщательно их обмывая перед едой.

– Повинуюсь, владыка кольца, – сказал джинн и тут же исчез.

Как вдруг по краям большого котла появились небольшие, чтобы их можно было ухватить ладонью палки с полуовальным изготовленным днищем. Они удерживались на своих загнутых концах.

– Вот, друзья, теперь можно и покушать, – Гассан был удовлетворен мгновенно выполненным приказом.

– Братуль, а вот тут медовуха. – Лот указывал на кувшин,

успев отхлебнуть из другого с вином. Он был уже пьян. – А вот там вино! – насытившись напитком, произнес он, спеша делиться с друзьями своим открытием.

Затем новоявленный иудей по имени Лот, закинув в рот несколько ложек с пловом, вытерев рот рукавом, потянулся к тому сосуду, где было вино.

– Воистину царь всесилен, – сказал кто-то из присутствующих иудеев.

После своих двух ложек еды Осий вспомнил о другой части команды строителей.

– М-м! – осенила его мысль с набитым ртом.

Спеша прожевать еду, продолжил:

– Гассан! Друзья. А как же Несер с архитекторами?! – спросил он скорее самого себя.

– Точно! – сказал Гассан. – Надо их позвать!

Привстав, Осий развернулся.

– Несер! – крикнул он. – Архитекторы! Тут еда есть, давайте к нам!

– Да пусть поспешит! – сыронизировал кто-то.

– Да, – тихо согласился Осий с товарищами и продолжил, выкрикнув в сторону: – Давай! Давай!

– Да уймись ты, Осий! – остановил охмелевшего друга Гассан. – Я вызову джинна, и мы ему еще закажем сколько угодно.

– Точно! Ты прав! – сказал Осий. – Ты как всегда прав. Вот молодец. Молодец!

На лице товарища Гассана появилась улыбка. И в знак уважения одного к другому их сосед предложил отпить ему вина. А Лот, наевшись, сильно захмелев, словно прилип к одному из кувшинов с вином, борясь теперь со сном.

– Вот я вспоминаю… – начал рассказ моавитянин, но заметил, что его никто не слушает, поспешил сделать очередной глоток.

В это время к ним подошли Несер и Хирам Абиф.

– Ну как все прошло? Договорились? Обговорили? Есть новости? А где этот… ваш… учитель? – Гассан заметил отсутствие древнего зодчего.

– Мы его отпустили, – сказал архитектор.

– Как так?! Почему? Зачем?.. – не понимал их Гассан.

Заведомо доверившись уполномоченному лицу Соломона, считая не без причины отпускать человека.

– Вот. – Абиф протянул свитки. – Здесь он посоветовал, что делать. Но без специальной техники и людей мы многого все равно не добьемся.

Слегка захмелевший Гассан предложил товарищам отобедать. Те согласились.

Прошло некоторое время, Гассан, наблюдая за поведением своих товарищей, делал вид, что удручен положением, как и его спутники. Из оставшихся людей заканчивал трапезу только египтянин. Но еды бы хватило и на других работников, тех, кто покинул строительство.

Лот, обосновавшись у пня, обхватив один из кувшинов,

допивал его остатки. Другие улеглись на наскоро собранные постели из валежника, один из иудеев, сложив под себя ноги, вспоминал какую-то песню, еще два человека отошли прогуляться по стартовавшей строительной площадке. Осий прогуливался невдалеке, раздумывал над ситуацией. Отчасти ему очень хотелось помочь царю. «Но как?!» В действительности у них не было ни техники, ни материала, ни людей. Из присутствующих предоставленных кувшинов с напитками ему хватило и молока, и воды. Он желал оставаться трезвым. Осий разве что попробовал вино на вкус, оно оказалось сливовым.

– А где – вы не сказали – египтянин? Он что, испарился? – спросил Гассан своего соплеменника, посчитав, что дело волшебству появления зодчего из прошлого пришел конец.

Египтянин-кочевник заканчивал трапезу.

– Да, он исчез, – спокойно сказал Несер, отпивая из кувшина с молоком. – Вкусное… томленое… – добавил он, похвалив молоко.

Абиф согласился с ним. Он пил только молоко. Но Гассан желал узнать больше у последних свидетелей о коллеге неффалимова колена.

– Но как?! Зачем?! Сейчас я… – Он хотел призвать джинна.

– Не стоит, Гассан, – остановил его Несер, догадавшись о его намерении, когда тот, привстав, поднял руку, обнажив

мотнувшееся кольцо на его руке. – Куаши Косей Маду рассказал нам все, что надо. Хирам Абиф понял его и согласился с ним, – говорил Несер.

Бродячий египтянин решил пояснить другу, что произошло, поймав его на недопонимании.

– Пирамида есть конструкция сложная. В ней много входов и выходов, и все надо сделать так, чтобы она не рухнула под собственной тяжестью. Храм нашего царя – намного упрощенная конструкция, но и тут нужны некоторые рабочие планы для его строительства, – сказал Несер.

Он привстал размяться после сытного обеда. Гассан, расположившись на обтесанном камне, что пригодился бы для основания стен храма, ожидал продолжения рассказа его друга. Египтянин глядел на него сверху, не желая повторяться, считая, что Гассан и так прекрасно понимает, что необходимо для возведения здания, но, ожидая в его взгляде вопрос, посчитал, что надо что-то добавить.

– Об этом мы уже говорили. Людей, техники… ну и материал.

Несер иногда бросал взгляд на архитектора, желая получить у него подтверждение своим словам. Тот мотал головой в знак согласия.

Хирам Абиф умело скрывал какие-либо эмоции, переживая за невозможностью осуществления замыслов царя. Но тело его было сыто. А значит, надежда внутри него с отчаянием вела сложнейшую борьбу. Гассан, выслушав друга, уже,

однако, давно принявший решение, хитрил, что у них безвыходное положение, оттягивая момент призыва волшебного духа, чтобы потом получить наслаждение от удивленных лиц своих друзей.

– Ладно, сейчас надо отдохнуть, а завтра мы начнем… – едва не проговорился он, – начнем…

На его лице появилась едва заметная ухмылка. Не заметив ее, но, прислушиваясь к разговору, Осий не замедлил подать идею, тем самым едва не нарушив план филистимлянина.

– Гассан, так ведь у тебя есть свой джинн! Прикажи ему, чтобы он перенес сюда людей и технику, какую надо!

Осий не договорил, как вдруг Гассан остановил его.

– Спокойно, Осий, сначала нужно отдохнуть, – успокоил он друга.

Ефремлянин решил послушать кочевого филистимлянина, посчитав, что он владелец подарка царя Соломона и это его право. Сейчас он был сыт и вполне доволен. Доволен и тем, что возведение благодаря новому составлению плану Абифа, при помощи человека, жившего за долгие времена перед основанием Иерусалима, интуитивно полагал, будет возобновлено. И принялся присматривать, где ему прилечь на ночь. Он выбрал место у костра, как и многие другие. Все пытались расположиться у источника тепла. Лот, прогуливаясь по сторонам, вернулся к костру.

На небе появились яркие звезды. Темнота ночи окутала все, что было в ее власти, лишь проявив вскоре несколько яр-

ких точек далеких звезд в небесной тьме. Уставшие за день люди быстро засыпали, даже не позаботившись о поддержании огня.

Под утро звезды быстро исчезали в синеющем небосводе наступающего утра.

Вскоре проснувшись первым от лучей солнца и утренних птиц, Гассан решил смочить горло, но перепутал кувшины с оставшейся медовухой, недопитой с вечера Несером и Абифом, немного сморщившись от неожиданного приторного, но сладкого вкуса напитка, что заставило его сделать еще глоток. Отставив сосуд, Гассан огляделся. Все продолжали спать, египтянин и Лот посапывали. Один из иудеев во сне с кем-то спорил.

Рассветало. Гассан, проснувшись раньше всех, первым ощутил свежесть утреннего воздуха. Пропустив несколько глотков оставшейся медовухи, овеянный легким опьянением, умывшись холодной водой из другого кувшина, снова сделал несколько глотков успевшего охладиться за ночь содержимого сосуда, отрезвел как раз для того, чтобы оценить обстановку и приняться за работу. Разбудив Абифа, Гассан попросил отойти с ним в сторону, чтобы незаметно для других вызвать джинна, но вперед предложив кувшин с водой, чтобы он освежил свое лицо.

– Я вот только одного не понимаю, достопочтенный Хирам, с такой силой волшебства, как у джинна, почему бы ему не дать указания и он сам не выстроит как надо постройку,

не применяя рабочей силы? – спрашивал Гассан архитектора, но скорей самого себя.

Они направились к месту, где Абиф оставил свои свитки и инструменты, небольшой сундук с орнаментами, обозначающими всех колен израилевых. Но об этом Гассан не знал. Открыв сундук небольших размеров, Хирам Абиф достал несколько тщательно разрисованных жестких папирусов. Свитков было шесть, но не доставало еще шестьдесят. «Их разбросало внезапным ураганом», – поделился важной утратой Хирам с Гассаном.

– Вот все, что осталось, – признался зодчий.

Его лицо, всегда уверенное и непоколебимое, выражало сомнение. Будто он потерял больше, чем кто-либо, Гассан, глядя на него, не знал, что ответить. А внезапное его предложение могло бы вывести его из равновесия, Гассан ибн Хоттаб еще с вечера знал, что ему делать. Но ему нужно было согласие более важной персоны, подтверждающее его план. И теперь, глядя в его лицо, Гассан понимал, что ему непосредственно самому необходимо принять решение, но теперь постараться сделать правильно, чтобы окончательно не раздосадовать взволнованного главного храмостроителя израильского царя.

– Хирам Абиф, я почтительно отношусь к вашему мастерству и спокойствию, но сейчас я вижу в вас некоторое волнение. Собственно, у меня несколько вариантов… – Гассан спешил. – Один вариант.

На лице Абифа появилось внимание.

– Я призываю духа, и он сам устроит все как надо, – предложил Гассан.

Лицо подданного преобрело абсолютное сожаление.

– Что?! Что-то не так? – недоумевал Гассан взирая на Абифа. – Ну, представьте, откуда у нас силы?! Парни, конечно, хоть куда, но их всего семеро! – добавил Гассан.

Абиф задумался, но ему нужно было что-то ответить. Солнце уже показалось за верхушками деревьев, начиналось настоящее утро.

– Дело в том, дорогой филистимлянин, я знаю, что каждый из вас желает помочь царю и каждого он вознаградит по-царски, уверяю вас.

Хирам Абиф хотел уйти в воспоминания, когда отец Соломона сделал его главным архитектором Иерусалима, оценив строительство акведука. Но сейчас это было неважно.

– Дело в том, что духи не архитекторы. Они могут строить здания, даже мост до луны. Но только если он был спроектирован ранее. На это у них нет такого умения, как особая стройка. И горе мне, – вздохнул Абиф, – вероятно, я стану первым духом-проектировщиком. Строительным джинном. Наверное, Соломон этого и желает… Только вот… – Хирам Абиф внимательно посмотрел на камненоса, его добрейший взгляд искал ответа на свой вопрос у исключительного человека из их оставшейся группы. – Зачем ты здесь?

Гассан пожал плечами. Он понимал, о чем шла речь. Хи-

рам Абиф имел в виду подаренное Соломоном филистимлянину кольцо.

– Не знаю, зодчий. Может, для того чтобы спасти себя?

Филистимлянин улыбнулся. Он хотел как-то приободрить мастера и был удивлен наказанием для Абифа.

– У меня есть другой план! – произнес Гассан. – Но все же я не понимаю, это что за участь такая – всех хороших людей превращать в джиннов? – поинтересовался как бы между прочим Гассан у зодчего.

– Одна из вероятностей, – сказал Абиф. – Был один случай. Возможно, ты убедишься однажды. На одном из пальцев левой руки царя есть кольцо, которым он повелевает джинном, но тем, который прежде был человеком. Так было одному случаю за неповиновение, но в точности я не ведаю сути этой истории.

Гассана оторопь взяла. Раб кольца. Это что-то новенькое, он даже не хотел знать, кто был тот человек и за что к нему была такая немилость.

– Ну, давай за дело! – предложил Гассан.

Зодчий только гадал, что придумал Гассан. Ему оставалось только доверять юноше, наделенному силой магии самим царем Израиля, повелителем колен израильских, порядка и благоденствия. Абиф лишь пожал плечами, но был готов ко всему.

Гассан вытянул правую руку вверх и сказал заклинание, описав круг в воздухе. Как вдруг тут же появилась дымовая

завеса. Рассеявшись, она проявила торс человека с розовой кожей, которому на вид было около шестидесяти лет.

– Слушаю тебя, повелитель кольца, – сказал джинн, сделав, как и в прошлый раз, знак повиновения, приложив к сложенным ладоням подбородок.

– Значит, так, джинн, – сказал Гассан. Он старался обдумать каждый момент, чтобы правильно преподнести их исполнителю. – Нам нужно построить здание… э-э, храм? – повернулся он к Абифу.

– Храм, – подтвердил архитектор.

– Храм, – повторил Гассан, обращаясь уже к джинну, – царю Соломону, и в срок.

– Слушаю и повинуюсь, владыка кольца. – Джинн понял его и спешил выполнить задание.

– Но ты еще недопонял, джинн, – остановил его Гассан.

– Я все понял, владыка кольца. Тебе нужен храм, и я могу исполнить твое желание, еще не успеет светлоокий шар пройти и половины своего пылающего пути!

Гассан лишь догадывался, о чем ведет речь джинн, бросив кроткий взгляд на поднимающееся зарево восходящего солнца, поспешив вновь остановить его.

– Нет, ты не понял, нам необходимо особое возведение. Как замыслил царь и как указано в свитках его архитектора.

Джинн стал слушать. Гассан продолжил:

– Дело в том, что у Хирам Абифа часть плана на свитках того, что запланировано, и…

– Тогда я могу превратить его в джинна на время, и пусть он сам строит как ему угодно, – поспешил предложить джинн.

У Гассана и неффалимлянина пропал дар речи. Джинн, оказалось, думал наперед быстрее и точнее, чем люди. С одной стороны, это облегчало их задачу, но, с другой, нельзя же было полностью полагаться на магию. Гассан никому не доверял, даже, как казалось, добрым волшебникам. Но, с другой стороны, Гассану идея джинна понравилась. Он посмотрел вопросительно на зодчего, по тому было заметно, что эта роль его пугала. Во время их общения третьим из группы проснулся израильтянин Осий, в отличие от филистимлянина, выспавшись, он знал, где находится кувшин с водой. Сделав свои дела, Осий заметил отделившихся от догоревшего костра людей. Он не собирался гадать, что хотят предпринимать эти мужи с джинном, находившиеся поодаль от их ночлега, просто направился в их сторону, и вовремя.

– Конечно, все одному будет делать не под силу, и думать, и вспоминать все планы работы, – говорил джинн, обращаясь к Гассану, удивляя знанием строительного дела камненоса.

– Направлять волшебную силу мне одному на сотворение – меня на всё не разделить, – говорил джинн.

– Я бы мог распределить, – проявил себя Гассан, догадываясь о смысле идеи джинна.

Глядя на филистимлянина, джинн парил возле него на две

головы выше. Он изменился в лице. Выражение лица джинна внезапно приняло грозный, даже скорей свирепствующий вид, но ненадолго. Будто успокоившись, джинн продолжил:

– Владыка кольца не может делать то, что может делать слуга кольца! Это чревато.

Гассан задумался. «Если джинн так серьезен, значит, так оно и есть. И вряд ли джинн хитрит», – предположил Гассан про себя. Но не сдавался.

– Думаю, джинн, ты просто тянешь время и отказываешься выполнять мои указы! – сказал Гассан.

– Эй! Что у вас там, Гассан?! Работать будем? – окрикнул их приближавшийся к ним замеситель растворов Осий.

Все, кроме джинна, оглянулись. Дух продолжал ждать указаний. И тут у Гассана появилась идея. И решительные действия в принятии того, чтобы сдать волшебный амулет за ненадобностью обратно его хозяину или еще раз испытать джинна в верности кольца. Гассан вновь обратился к рабу кольца с едва ли заметной хитростью на лице:

– Вот человек, он согласится помогать Хирам Абифу получить волшебную силу и построить храм, – сказал Гассан.

И тут лицо джинна на радость или удивление филистимлянина изменилось. Он ему теперь казался более приветливым.

– Слушаюсь и повинуюсь, владыка кольца, – сказал джинн и тут же исчез.

Не успел он окончательно испариться, как неведомая сила

принялась поднимать двух израильтян над землей, опоздав с пониманием явления или даже выразить удивление Осий, исчез в воздухе с Хирам Абифом, тут же появившись вновь. Но теперь они были в виде призрачных силуэтов.

– Хо-хо! Я чувствую себя словно муха, мне так легко… – первым отреагировал на превращение Осий.

– Не забывай, зачем ты здесь. Нужно достроить храм, – Гассан обратился к призрачному Осию.

Они не были прозрачны совсем. Их силуэты были как испарившаяся вода, делая их едва видимыми и легкими словно воздух.

– Достопочтенный Хирам, прошу, объясните Осию, что от него требуется, – обратился Гассан к призрачному архитектору, зависшему над землей на уровне его головы.

– Не беспокойся, дорогой Гассан! Ху-ху! Мы с Хирам Абифом почти как одно целое, и я уже сам знаю, что от меня требуется! – сказал Осий.

Казалось, он был рад своему новому телу. Всё-таки уравнение израильтян из эфира облегчало выполнение работ, как считал и что приводило в восторг Гассана Абдуррахмана ибн Хоттаба. Осий засвистел, так что перепугал всех птиц с деревьев и тех, что ютились на рабочей площадке. Своим действием он разбудил и мирно отдыхавших людей из числа оставшихся, которые тут же принялись искать причину их пробуждения. Гадая, что случилось, моавитянин Лот, оглядываясь вокруг с еще заспанным лицом, не понимал,

что происходит. Египтянин Несер, заметив прозрачные силуэты, которые казались ему знакомыми, посчитал, что это сон, ведь его друзья стали джиннами, силился отличить сон от реальности. И если это сон, он желал задержаться в этом сне, узнать, что будет дальше.

– Ха-ха, Несер! Тебе я лично в подчинение даю целую бригаду, руководи, будущий царь Верхнего Египта! – крикнул Осий, заметив египтянина.

И тут же ниоткуда стали появляться люди в оранжевых шлемах, синей одежде. Они выходили из какого-то пространства, появляясь на лужайке. Смотрящие по сторонам, они будто знали, что им делать и куда идти. Заметив Несера, люди двинулись к нему. Общий друг Осия с Гассаном недолго стал гадать, что ему делать, но он желал, чтобы это была явь, так как выстроить храм царю и помочь другу Гассану он хотел больше всего, хотя бы потому что самыми близкими на сегодняшний момент у него были люди, с которыми свела его судьба.

– Ну, – нерешительно протянул египтянин.

«Пусть это будет сон, – решил он, – но хороший».

– Давайте замешивать раствор, что ли, – сказал он.

Несер распорядился, наблюдая за всем, что происходило, и продолжая удивляться дальше. А дальше из той же неизвестности в воздухе чуть выше над поверхностью земли появлялись бетонные блоки и плиты, тут же укладываясь рядом с разрушенными стенами. Сложенные блоки Осий

поднимал неведомой силой в воздух и укладывал на нужные места, словно зная, куда их положить, выстраивая стену. Внезапно он остановил свою работу, поддерживая в воздухе три блока с плитой. К нему поспешил Абиф, заметив перерыв работы коллеги, подлетев, он ударил кулаком о воздух, тем самым некая сила разбила разрушенное основание храма окончательно. Другой рукой он, сжимая кулак, вызвал кружение воздуха, удерживая при этом не успевавшие разлетаться в сторону камни и осколки бывших стен здания. Подхваченные неведомой силой, они, закручиваясь, устремлялись вниз невидимым потоком, туда, где некогда было основание разрушенного до этого храма. Камненосы Лот, Гассан и еще трое из иудеев помогали неведомой силе уравнивать блоки, доставляемые Осием, продвигаясь все выше по выкладываемым также при помощи неведомой силы строительным лесам.

Остальное происходившее еще больше удивляло Гассана и его соратников, не ставших духами. Неведомо откуда появились железные монстры, однако было заметно, что они были водимые людьми через передние проемы, похожие на квадратные очи. Один из таких монстров принялся катать своими валиками по бывшему основанию, утрамбовывая мелкие остатки камней и выпавший невесть откуда песок. Вдруг из воздуха появился шланг, который принялся наполнять раствором деревянную конструкцию, также сконструированную неведомой силой для фундамента. На неко-

торое время часть иудеев, оставшихся без работы, наблюдала за тем, что происходило. Лот, улучив момент, отошел к пепелищу, отпил вина из кувшина.

– Надо же такому присниться, – пробубнил он, вытерев ладонью мокрый рот. Ему не верилось в ощущение вкуса напитка, как и в действия на стройплощадке.

Стройка была в самом разгаре. Изредка принимавший участие в производстве строительства, как и другие товарищи, Гассан также удивлялся волшебству, радуясь продвижению замыслов Соломона. Никогда ему и остальным его сподвижникам не приходилось наблюдать за проявлением таинственной силы в подтверждением слухам, бродившим по земле, о невообразимости вещей природы. А стены продолжали расти, создавая одноэтажное здание. Ко времени обеда все было готово. Здание получилось именно как задумывалось главным архитектором царя Израиля.

Стены здания были в два раза выше человеческого роста, крыша представляла ровную поверхность, посреди которой была полусфера, внутри казавшаяся куполом. На крыше можно было располагать до шестидесяти человек, по бокам снаружи стен были добавлены каменные лестницы, чтобы можно было забираться на крышу, и они также служили укреплением стен.

Внутри было просторно, могло расположиться до тысячи человек. В здании был только один вход. Внутри магия продолжала свою работу, росписью стен выявляя неизвестные

сцены с некоторыми символами на них . Рисунки значили сюжеты разных эпох, в том числе и настоящих еврейских религиозных подтем.

Иудеи поклонялись создателю всего живого.

Проходя вглубь помещения, Гассан изучал неведомо кем расписанными стенами. Проявлявшиеся линии создавали рисунки, которых оказалось три. Одна из композиций напоминала о сошествии благодати на народ евреев исходом с мест Та-шемау, бежавших во время преследования их его царём. Его взгляд, следивший за росписью стен, остановился на куполе, увенчанном небольшим сквозным отверстием, которое было едва заметно, сквозь него прошёл бы лишь кулак и только. Гассан лишь мог догадываться, зачем Соломонову храму оно нужно. Он не знал, что при попадании под определенным углом солнечные лучи, проходя сквозь это отверстие по стенам верхушки, освещали небольшие точки, видимые лишь при попадании на них светом, соединявшиеся затем своеобразными светящимися нитями. Но владельцу кольца Соломона это не было необходимости знать, свою главную задачу он выполнил. К нему присоединились двое, это был Несер-египтянин и один из иудеев.

– Ты посмотри, как красиво! И чья эта затея, неужто главного архитектора? – спросил сам себя Несер.

Внутрь храма влетел полупрозрачный Осий.

– Ну что, нравится? – спросил он.

Его друзья заметили его, только когда он к ним обратился.

Гассан оторвался от очарования, обратив внимание на джинна-человека из колена Ефремова, и снова перевел взгляд на купол и стены.

– А что это за дыра? – спросил он.

– Не знаю, – признался Осий, он подлетел кверху, рассмотрел отверстие и вновь спустился вниз. – То Абифу лишь ведомо.

– Вот у него и спрашивайте, – посоветовал Осий, – но лучше потом, когда он станет снова человеком. Сейчас что-то он необщителен. И так был сам себе на уме, и сейчас, став джинном, не изменился. Признаюсь честно, когда я стал как он или он стал как я, я начал даже понимать в архитектуре больше, чем просто замешивать раствор для камней.

– Слава Соломону! – произнес ефремлянин негромко.

Его слова подхватили остальные. Ему нравилась волшебная сила, которую он имел, став джинном.

Посередине холла находился круглый бассейн, но без какого-либо слива, отметил Гассан, осмотрев конструкцию.

– Ну как, правая рука Абифа нам поможет разъяснить, что это за кольцо, если это не колодец? – показал на конструкцию филистимлянин.

Но Осий развел руками.

– Без понятия. Да вот…

Он достал откуда-то из-за спины припрятанное что-то маленькое, блестящее.

– Держите. Это я нашел в другом мире. Что это, я не знаю,

но это едят, и его надо попробовать, – предложил Осий. Несер принял с опаской из руки джинна вещицу и решил, что само то важное находится внутри шуршащей, но легко рвущейся бумаги. Развернув запечатанный яркий пакет с какими-то буквами, достал оттуда палочку.

– Что это? – спросил он скорей самого себя и тут же откусил часть палочки. – Хм. Не знаю, но вкусно, как халва с медом и еще шоколад и нуга. Мне понравилось, – сказал, разжевывая палочку, Несер.

– Ерунда какая-то, – притворно покривился Гассан, распробовав, приняв из рук египтянина, поделившегося с ним другой палочкой из шуршащего конверта. – Подлива на медовой халве намного лучше, – поделился он своим мнением.

– И что это за семена мелкие такие? Я их никогда не ел, – сказал Гассан, но доел батончик покрытый тёмной пастилой.

Вдруг, как только Осий принялся рассказывать, где побывал он с Хирам Абифом в неизведанном мире, встретив людей, таких, как они, но со странной техникой и одеждой, ведь единственным механизмом, знакомым ему, были подъемники камней, байда с раствором и телеги, его рассказ был прерван тем, что он вновь стал человеком.

– …пищали, невозможно слушать… – остановился он, когда очутился на полу в своем теле.

Потрогав себя, уверившись в том, что принял обычный облик, что он – это он, принялся всматриваться в лица друзей, которые ожидали продолжение его рассказа.

– Ну что ты там рассказывал? – спросил его Несер, заинтересованный больше его рассказом об ином мире. Палочка с нугой внутри ему понравилась.

– О чем? – не понимал его Осий.

– Ну, о том, что коробки, которые ты там встретил, ездили, стрекотало там все, шумело, – допытывался Несер.

– Не понимаю тебя, что стрекотало? – переспросил его ефремлянин.

– Ладно, решили этот вопрос, – оставил его Несер, поняв, что он ничего не получит от своего друга, который недавно был джинном и который, вновь став человеком, не понимал, что от него хотят. Египтянин двинулся вслед за Гассаном, который так же понимал, что от Осия они ничего не добьются.

Они вышли из здания Солнце находилось высоко в небе. Заметив филистимлянина, коллега камненос Лот окликнул его.

– Гассан! Поглядите, это Гассан! Это он построил этот великолепный храм! – кричал он.

После окончания строительства ему объяснили, что все происходившее было не сном. Ранее проживавший в Греции Лот, давно освоившийся на землях, граничивших с Ханаанской землей, в действительности прославлял своего друга и был горд им, как из ближайших помощников царя Израиля.

Снаружи не было ни машин, ни групп таинственных людей в странных оранжевых шлемах. По округе лишь легкий

шум леса, те же соотечественники, что были утром. То же солнце, то же голубое, с изредка плывущими вверху облаками небо, но вместо развалин недостроенного здания наконец возвышалась на этом месте оконченная даже раньше срока новая постройка. Гассан прищурился от солнечного света. Он обратился лицом в сторону, услышав голос моавитянина. Тот нес в обеих руках кувшины, тут же Гассан заметил на одном из пней поодаль от него сидевшего Хирам Абифа, было заметно, что он отдыхал и собирался с мыслями.

– Гассан, вина или медовухи? – показывал Лот то один, то другой наполненные сосуды. – Хотя нет. По такому поводу вино! Только вино!

Бывший грек сделал выбор за филистимлянина.

– О, Осий! Фу-фу, апф-апф… – передразнивал Лот ефремлянина. – Как слеталось по воздуху?

Моавитянин уже был слегка выпивший, и у него был развязан язык, он спросил Осия, который появился вслед за филистимлянином.

– Все хорошо, Лот, – отозвался Осий, – советую.

Соратники рассмеялись. Рядом с ними незаметно оказался Абиф, он протянул руки к одному из кувшинов в руках Лота.

– Медовуха? – спросил он, чем удивил камненоса как и других.

– Да, – коротко ответил не без удивления Лот, протянув ему кувшин.

– Ха-ха, вот радость-то! – обрадовавшись поступком Абифа сказал Лот. – Мы строили, строили! И наконец построили! Чудеса!

Кричал он как можно громче. Двое друг за другом из иудеев подхватили его слова. Третий из них поспешил за Гассаном, когда люди направлялись к остаткам огня, чтобы расположиться там, собраться с мыслями и отдохнуть.

– Гассан, – остановил он его на пути, – тут мы с братьями посоветовались. – Но он не знал, как подобрать слова. – Мы, конечно, все понимаем, но мы пришли сюда заработать. У одного из наших в Вифлееме осталась жена, и у него двое детей, Авраам и Аарон, оба белокурые…

Гассан внимательно слушал иудея.

– Я понимаю… мы понимаем… – подбирал слова рабочий, – что наша помощь здесь пришлась как бы не в действительной её помощи, но…

– Еремей, – остановил его Гассан, – я, наверное, понимаю, что ты хочешь сказать. Вам нужна оплата?

– Да, – не медлил с ответом иудей.

Ему было явно неудобно напоминать о деньгах за работу, в которой практически никакого участия они не принимали. Но Гассан знал, что те, кто до конца с ним верил в силу и справедливость царя, были верны ему и должны быть отблагодарены.

– Ох, Еремей, – притворно запричитал Гассан.

Он выполнил движения, вызывающие джинна.

– Слушаю внимательно, господин кольца, – сказал появившийся джинн, опустив голову к сложенным ладоням.

– Джинн, надо бы отблагодарить друзей Осия и Гассана! – сказал филистимлянин джинну.

Он еще хотел что-то добавить, но джинн уже произнес заветные слова:

– Слушаю, владыка кольца. – Спешил джинн выполнить указание.

И тут же один из кувшинов, стоявших вместе с другими, упал от тяжести, переполненный монетами, часть из которых высыпалась наружу.

– Ну, Еремей. Забирай! – сказал Гассан, когда они подошли к очагу.

Он едва сдерживал улыбку, перенаполняясь радостью от своего совершенства к людям, слугам царя. Иудей поблагодарил филистимлянина, пообещав с ним вновь с радостью встретиться, и напомнил, что ему необходимо спешить с соплеменниками домой. Попрощавшись со всеми, Еремей вдруг был остановлен Гассаном.

– Еремей, – Гассан подошел к нему ближе, – ведь ты пойдешь в свое колено. Так разнесите слух другим людям Израиля. Так и передай тем, кого удастся встретить тебе и твоим друзьям, чтобы шли люди сюда и жили здесь, – указал он на просторы, расположенные неподалеку от холма, где они находились. – Пусть прибывают, обживают эти места, – сказал Гассан.

– Непременно, мой друг! Непременно! – ответил иудей.

На том и распрощались.

Приняв из рук более крупного телосложения, чем он, Лота вина, сделав несколько глотков, Гассан заметил Хирам Абифа в одиночестве. Несер и Осий о чем-то весело шутили, после того как проводили израильтян, оставивших их общество, поддерживая друг друга шутками и смехом. Гассан направился к архитектору. Лот хотел присоединиться к остальным, но, заметив угасающее пламя костра, направился к нему.

Хирам Абиф рассматривал новое здание.

– Что грустишь, великий зодчий? – спросил его Гассан, предложив кувшин с вином. Тот отказался.

– Да вот, мой друг Гассан. – Он оглядел себя.

Его халат был совсем не свежим, потеряв величественный вид, и только потёртая линия узоров полов платья предполагала, что это муж величественного ранга.

– Все хорошо, – ответил он, бросив короткий взгляд с улыбкой на Гассана и вновь обратил взор на здание.

Его борода была изрядно потрепана.

– Храм построен. Как хотел царь, – сказал он.

– Да, многоуважаемый. Знаете, никогда мне не приходило в голову, что вот так… – Архитектор посмотрел на него. – Придется строить храм с помощью колдовства, да и вообще… кому? Самому царю Израиля! – сказал филистимлянин на его задумчивый взгляд.

Они еще некоторое время восторгались служебным сооружением.

– Ну что же, и когда, интересно, здесь начнутся службы, что ли? – поинтересовался вслух Гассан, не теряя времени задать уважаемому человеку вопрос, который, вероятней всего, возник бы в будущем.

– Никогда, – не сразу ответил Хирам Абиф.

Ответ удивил камненоса. Он осмотрел собеседника, ожидая ответа.

– Что значит никогда? Я думал, в любом храме есть, как в каждом, свои таинства, но они как-то выражались. В основном я встречал жертвоприношения, как у нас в Филистии, но у нас просто алтарь, и любой мог принести дары божеству. У евреев нет таких традиций, они скорей идолопоклонники, и их вера больше напоминает египетское обожание. У тех жрецы, здесь первосвященники, и здесь служба раввинов ведется в специальных домах, – сказал Гассан.

– Ну, вот такие дела, – согласился Абиф, – но храм скорей задумывался как символ государства присутствия самого царя. Хотя, предполагаю, здесь могут проходить и государственные дела. Хотя не знаю. Думаю, он будет как дом свидания сына с отцом. Это портал, – еще загадочнее сказал Хирам Абиф, он перевел взгляд от стен храма к Гассану, содержа в том намёк, что у них появилась черта более откровенного разговора. Вглядываясь в лицо ханаанея, он не спешил рассказывать все о том, что знал сам. Он ожидал вопрос.

– Что значит портал? – спросил его Гассан.

Хирам Абиф молчал, ведь основного вопроса еще не последовало.

– То есть дверь из одного мира в другой? – наконец осознал Гассан.

– Да. Туда, где и обитает наш царь. – Он снова обратил свой взор на здание. – Но сроки его земные проходят. Сюда придет новый царь, имя его Ровоам, третий царь Израильского государства.

– Третий?! Значит, был и первый? – размышлял Гассан.

История создания царства на одной из части ханаанских чертогов заинтересовала его. Собственно, то, которое оттеснило их Филистию от более плодородных земель, но поддерживало с ними мир.

– Да, его звали Давид, ему однажды пришлось сражаться с одним из ваших земляков, – поделился историей зодчий.

Гассан пытался вспомнить, о ком идет речь.

– Голиаф… его имя Голиаф, – подсказал Абиф.

– Ах да, что-то припоминаю. Нам сказывали, будто он был самим сыном Дагона. Могучий Голиаф. И что с ним стало? – спросил Гассан ради интереса.

– Думаю, ты это можешь знать, – загадочно ответил зодчий Соломона.

– Да, – ответил Гассан, посчитав, что об этой истории он задумается как-нибудь потом.

– А где живет сейчас Ровоам, тоже находится в другом

мире? – пошутил Гассан.

Он мотнул в сторону, где собрались его друзья, уже отобедав. Тот последовал за ним.

– Нет, Гассан, – по пути говорил Хирам Абиф, – он живет в Иерусалиме недалеко от нашей постройки. И у него есть жена и двое детей.

Подойдя к костру, архитектор замолчал.

– Так это же хорошо, раз такая целая династия! – сказал Гассан.

– Да, да, целая династия, – произнес, мысля вслух, со вздохом Хирам Абиф.

Он явно что-то скрывал, как заметил филистимлянин, но выспрашивать его о чем-либо посчитал излишним, решив, что он и так многое узнал. Хирам Абиф же в точности знал, что филистимлянин и владелец магического кольца Соломона не будет разглашать никому этих тайн. Они приближались к подкреплявшимся у затухавшего костра людям. Пищи, как всегда, по просьбе Гассана у джинна хватало на всех. Заметив их приближение Лот, поспешил уведомить об их других.

Со временем люди с проводами израильтян, беседой о делах, просто мыслях у костра не заметили, как солнце оказлось в зените.

– А расскажи, высокопочтенный архитектор царя Хирам Абиф, вот как вам удалось стать приближенным к царю? Наверное, за какие-то заслуги? – спросил как бы невзначай моавитянин зодчего.

На этот вопрос архитектор мог легко дать ответ в своей черте непубличности даже перед друзьями.

По характеру он был весьма малообщителен отнюдь не из-за того, что был более важной персоной во дворце. Но лишь оттого, что считал молчание самым многозначительным деянием, поэтому говорил, только когда было необходимо. Или в зависимости от настроения. Сейчас у него было отличное настроение, и он был весьма словоохотлив. К тому же компания преданных делу людей ему нравилась.

– Ну, скажем, я еще в молодости служил его отцу Давиду, сыну Исайи, выходцу, кстати, также из Филистии, – подметил Хирам Гассану, – но уверовавшему в единого создателя мира.

Гассана не удивила такая информация, но заинтересовала его.

– Однажды мы сошлись с ним в едином мнении, – продолжал архитектор, – нужно строить новые дома. Не спрашивайте только, чья это была затея и зачем. Вот выстроив с помощью людей жилища более укрепленные, чем в Филистии, царь затем создал вооруженную охрану, армию. Мы создали здание более вместительное, с отдельными залами для приема…

– Пищи? – предположил Лот, решив блеснуть остроумием.

– И пищи, и сообществ, в некоторых случаях там происходило, да и сейчас происходит, общение со встречами веду-

щих людей, представителей разных колен израилевых. Буду откровенен, удивлен, что отсутствие в последнее время видных ревнителей от иудеева колена меня, вот так-то не интересует, но как-то заставляет задуматься.

– Не бери в голову, уважаемый зодчий Хирам Абиф, – сказал Осий, – эти поселения всегда чем-то отличались от других. Например, тем, что напрочь отказываются запрягать в повозки лошадей, предпочитая ишака.

– Возможно, – сказал Абиф.

– Так вот, собственно, это здание и было передано Соломону в царствие и было определено как царский дом.

– Но самого царя, как я полагаю, там нет? Или… Что это было, Хирам Абиф? – спросил ефремлянин, имея по поводу исчезновение царя в охвативших его светящихся крыльях.

– Явление из бытия, – кратко ответил Хирам Абиф, поняв ефремлянина, но не желая раскрывать все тайны волшебных действий царя. Конечно, в другом положении он бы рассказал все подробно, только лишь владельцу кольца Соломонова, да и наедине, без лишних свидетелей.

– Понятно, – отреагировал на краткость Осий, подводя к тому, что другие подобные вопросы не должны быть задаваемы кем-либо другим.

Вскоре после затянувшегося отдыха и высказавшихся дум участники возведения стен храма еще пообщались и решили расходиться по своим домам. Осий – к отцу. Несер и Гассан – на поиски новых приключений. Но вначале филистимля-

нин посчитал необходимостью навестить Равена в Дане, где их ждала принцесса Египта, о которой Несер ничего не знал, кроме как от однажды упоминания о ней своим товарищем но, не придав коему значения. Архитектор, в свою очередь, решил на некоторое время остановиться возле стен храма. Для этого было решено создать небольшое временное жилище из веток и хвороста для кровли и ночлега Хирам Абифа.

– Друзья, я нашел масленку! – откликнулся Осий, где-то найдя чашу для освещения жилища.

Он поспешил подвесить ее внутри хижины Абифа, и, на прощание со всеми, архитектор пожелал вновь с ними когда-нибудь встретиться.

– Я надеюсь, друзья, когда это место, – он указал на долину ниже возвышенности холма, где они находились, – обретет своих жильцов, пусть один из вас да поселится рядом с ними и будет помогать им и царю нашему.

Осий обещал вернуться в скором времени.

– Да будет так, – сказал архитектор.

Вскоре пожелав всем успехов на их жизненном пути, он проводил их до края равнины холма, еще долгое время провожая взглядом удаляющиеся фигуры, обращенные в сторону лесных массивных степей, за которыми находились жилые кварталы Иерусалима. Ветер трепал его короткие волосы и полы одежды. Вся оставленная ему и сложенная в одно место пища в хижине могла пробыть держащим его неделю. Но Хирам Абиф не собирался оставаться здесь и суток.

Когда люди скрылись из вида, Хирам Абиф скинул с себя потрепанный халат знатного вельможи, на нем оставались только хлопковые штаны и рубаха, направился ко входу нового храма. Лицо его было очень серьезным и вполне целенаправленно, он готовился к выполнению своих планов.

Внутри храма ощущалась пустота, и даже стены, недавно возведенные, не внушали в нем что-либо человеческое, ни присутствия чьей-либо души. Теперь он был единственным человеком в диапазоне больше чем три сотни шагов от него. Зодчий приблизился к конструкции, напоминавшей колодец, за ободьями которого было монолитное дно. Он поднял голову. В это время отверстие в полусфере показало солнечный свет, так что его лучи попадали на светлые точки, расположенные на куполе, которые соединяли путь яркой нитью от одной точки к другой, Хирам насчитал их три. Продолжая наблюдать, он заметил, что поодаль от них едва засветилась другая точка. Зодчий вряд ли знал о том, что в созвездии Ориона она была одной из соседствующих с самой яркой из точек. Абиф сам не знал, зачем он остался и для чего зашел в эти одинокие стены, как вдруг послышался легкий гул, который он посчитал за сквозной ветер в помещении, заунывно затянувшим свою песнь. Гул, как ему показалось, исходил из колодца. «Наверное, замысел был таков, чтоб ветер проходил по колодцу и должен, тем самым внушать какой-то трепет оказавшимся здесь почитателям государя, – гадал про себя Хирам Абиф. – Интересная выдумка, хитрость для по-

селян. Улавливание их незнаемости в механизмах природы». Архитектор на короткое время ощутил хитрость планового сооружения и почувствовал себя единомышленником царя Израиля, но или даже больше чем сообщником. В единстве объединения с ним в правильном подходе руководства над жителями и каком-то смысле покорителями их необразованности. Как вдруг в колодце с бортами не выше колена и плоским дном появилось свечение столба. Днище его засветилось. Светящийся столб занял всю окружность конструкции, соединившись с куполом. В этот момент все точки, расположенные внутри свода, засветились, переливаясь, создавая узоры, соединяясь тонкими линиями, представляя своеобразные группы, образуя условные фигуры. Хирам Абиф от удивления терял время, желая поприветствовать царя всего Израиля, появившегося внутри колодца Соломона, сына царя Давида.

– Приветствую тебя, великий царь Израиля, повелитель всей земли Ханаанской! – Архитектор хотел встать на колено, но царь его вовремя остановил. Отчего Хирам Абиф признал к нему ещё большее уважение, приложил левую руку к груди и склонил голову.

– И тебя приветствую, мой друг, – произнес царь Соломон.

Его чистое лицо было в противоположность покрытого порослью его помощника. Образ царя, казалось, сохранял черты тридцатилетнего мужчины, хотя Абиф знал, что госу-

дарю больше шестидесяти пяти лет. Зодчий был младше его всего на три года. Сейчас царю исполнилось бы шестьдесят восемь лет. Его сын, сорокалетний Ровоам, выглядел так же, как и его отец, но, быть может, моложе. На лице царя находилась заздравная улыбка.

Соломон ступив на край колодца, появившись в столбе света и исчезнувшего тут же, когда царь сошел с края ободьев, которые, спустили его к полу. Протягивая руки к зодчему, царь спешил обнять его, несмотря на его потрепанную одежду. Само же его одеяние было без всяких рисунков, свежо и опрятно. Они обнялись как старые, давно разлученные друзья.

– Мой друг, на радость мне и людям вы с филистимлянином построили храм. Я бы сам не догадался вызвать из прошлого самого Косея Маду, лучшего у Хемиуана самого начальника пирамидостроителей. Ну, я так бы и не сделал, – поправил сам себя царь.

Его лицо на мгновение стало хмурым, но тут же изменилось.

– Ну, прошлое не изменить, а будущее не исправить. Но все же две линии могут и пересекаться между собой, если параллель между ними соединить другой линией или их надломить! – загадочно сказал государь, выразив теорему о соединении двух разных миров.

Царь глубокомысленно посмотрел на зодчего.

– …то в первом варианте они, пересекаясь, необязательно

могут привести к необратимому моменту. Ибо все, что творится, меняется.

Правитель Израиля остановился на своих познаниях. Он еще раз внимательно оглядел друга. И не считая свое прибытие бессмысленным как разговор у порога, сделал предложение Хираму, которое скорее являлось не просто приглашением, но настоятельной просьбой:

– Прошу, Хирам проводи меня к моему сыну.

Они вышли из храма и почувствовали на коже капли начинавшего моросить дождя.

– О! – воскликнул царь. – Замечательно, дома будем под дождь, – сказал Соломон. – Приятно ощущать себя в доме под непогоду, – пояснил он, заметив в старом приятеле непонимание. – После долгой разлуки и долгого пути или… когда все готово, а ты приложил к этому немало усилий, – имел он в виду работу Хирам Абифа, – приятно ощутить домашний уют.

Царь растянулся в улыбке, давая архитектору понятие о том, что все хорошо. Архитектор сделал знак, что понимает его, мотнув согласно головой.

Тут царь поднял кверху руку, произнес странные слова:

– Ани маалех хашалиакх лакакхета!

И они тут же неведомой силой были перенесены, оказавшись в царских комнатах города Иерусалима.

Возвращение в Дан

Прошло не много лет, как египтянин Несер освоился в израильском государстве, но уже несколько дней, как он находился теперь в доме у Равена после возвращения им и его друзей с поклонного холма Исайи после завершения строительства храма царя. Здесь он обрел новый дом, помогая по хозяйству своему дяде. Теперь на земле Ханаанской ему не было необходимости искать себе кров и временные заработки на пищу и одежду. За время отсутствия своего племянника Равен Эленийский завел двух коз и осла. Принцесса Нефертатонптах после возвращения Гассана часто отсутствовала в доме, все время охотясь за новостями из Египта, которые помогли бы ей узнавать, что происходит в ее стране, а в частности, ее интересовало управление в государстве жреческим слоем общества.

По разным отдаленным друг от друга частям земли новости с мест независимых от нахождения тех или иных держав часто проявляли известия в другие части земель о жизнедеятельности других стран.

Равен сплотился с отцом Осия и зачастую пропадал у них. В будущем дядя Гассана запланировал обрести в Беф-Ороне семью. Однажды там он заметил, что по соседству с ефремлянами жила одна особа, которая понравилась ему, но, стараясь не применять гипноза, он мучился от неудачных по-

пыток завести с ней отношения. Женщина жила не одна, у нее была дочь шести лет, вдова рыбака, она была верной супругой.

Отчасти домоуправление в Дане перешло к Гассану, который стал замечать за некоторыми действиями Несера, увлеченность принцессой Египта, желая привлечь к себе ее внимание. Но девушка была не просто непреступна, но скорее дорожила своим царственным происхождением и обычный пусть и ее соотечественник, но если он простой камненос был, как считала она весьма ей не пара. Так думал про себя филистимлянин, так считала про себя принцесса. Но благородству Гассана не было границ. Делая попытки привлечь девушку к себе, он не желал терять отношения с другом, как и мешало ему поведение Нефертатонптах лучшими чертами к своему статусу.

Все же Нефертатонптах была женщиной и не могла себе запрещать какие-либо чувства. Часто она сама не замечала того, как легко шла на общение с Несером, соглашаясь с ним в чем-либо, по сравнению ее в общении с филистимлянином, у которого была великая сила самого Бытия, кольцо Соломона, повелителя всех джиннов и их предводителя.

Однажды, проснувшись утром, Гассан услышал громкие голоса. Солнце уже стояло на горизонте. Он узнал голос Нефертатонптах, она спорила с кем-то на повышенных тонах. Откинув покрывало, Гассан ринулся в ее комнату в часть дома, где еще больше года назад жил сам, впервые очу-

тившись в Израиле, и однажды познакомился там с принцессой Та-шемау.

Едва только он выскочил на улицу, заметил, что оказался бос. Забыв тут же о туфлях, оставшихся в комнате, ринулся в раскрытую дверь комнаты принцессы. Внутри никого не оказалось.

– Несер?!

В первую очередь он решил о не благопристойных намерениях товарища по отношению к Нефертатонптах человека, заметно заискивающего расположения девушки. Разбросанные вещи, покрывало на полу, медная лампа с вытекшим маслом была брошена в углу. Гассан не знал, что произошло. Он вернулся к себе в комнату, обулся и направился на поиски египтянина.

Его друг и напарник по строительному мастерству снимал помещение в хлеву одного из торговцев, жившего неподалеку от рынка. Этот человек считался зажиточным гражданином, потому как, определившись в этой жизни, как и его прадед до возникновения царства Израильского занимался торговлей.

Дом Абрама Шифа представлял собой одноэтажное строение с двумя приделами, одна из которых примыкала к хижине самого хозяина, выложенной наполовину из отвердевшего раствора, обкаленных камней, также выполненных из специальной смеси. Наружные стены были покрыты впервые применявшейся штукатуркой и скатной крышей из слегка

приподнятых обтесанных тонких стволов деревьев, просмоленных веществом, для того чтобы сквозь кровлю не проходила влага. Таким образом внутри образовалось небольшое отделение высотой чуть ниже человеческого роста, где и расположился египтянин. Тут же были отделенные небольшой перегородкой от его места для отдыха несколько домашних кур, часто наведывавшихся к квартиранту под вечер или с утра просто из любопытства или в поисках, чем бы поживиться. Застав во дворе хозяина дома, Гассан в первую очередь обратился к нему.

– Доброе утро, уважаемый Абрам… – Филистимлянин знал от Несера о добродетели купца и как он выглядит. Но выяснять, кто встретился ему во дворе, у Гассана времени не было. Он подсознательно принял его за нужного человека. Мужчина, обернувшись с вопросительным и удивленным взглядом, таким образом подтвердил Гассану свою личность.

– Я облагодетельствован считать, что это именно вы. — Гассан отчасти не доверял своей интуиции, что было существенным недостатком в быстром решении его замыслов.

– Да, чем могу быть полезен? – спросил его Шиф.

Он не желал общения с незнакомцем, так как вид Гассана был далек от граждан Большого моря. Он не был похож на еврея, но вызывал доверие, даже если и не являяясь частью цивилизации всего Ханаана.

– Я бы хотел поинтересоваться о местонахождении моего

друга Несера из Египта, – сказал Гассан.

Абрам, слегка нахмурившись, не спешил отвечать.

– Это юноша, который живет у меня в хлеву?

– Вероятно, – сказал Гассан.

Филистимлянин желал скорей отыскать принцессу Египта и подтвердить его первую догадку об её исчезновении.

– Наверху. В хлеву. Еще с вечера обещал мне наладить курятник и свое же обитание. Слышите? Пока курицы не голосят, значит, ваш друг изволит пока отдыхать. Обычно, когда он просыпается, и они с ним тоже. Родню, что ли, какую чувствуют? – сыронизировал Абрам Шиф. – Можете пройти, если так серьезно стоит вопрос о местонахождении вашего приятеля. Я вот только думаю, чем он будет расплачиваться вскоре. Не могли бы вы мне помочь напомнить ему об этом? А то его обещания помогать во дворе в счет оплаты что-то я не замечаю. Так и бывает, исчез – и на весь день. А то и впрямь иногда, бывает, поможет. Недавно вот телегу подправил, вот в этом нет у меня спору, прямо страсть у него оказалась к ним. Ведь и есть истинный египтянин. А вот знакома вам история о некоем царе Египта, что преследовал наш народ до самого Большого моря? – разговорился с утра купец. Гассан притворился, что знает легенду о некоем Моисее, первом пророке еврейского народа.

– Вроде слышал, – сказал он.

Филистимлянин не хотел выдавать себя за иностранца. Хотя по его виду, а особенно по новомодной обуви можно

было бы предположить, что он из Ассирии, народа, расположенного ближе к востоку от Израиля, или из другого племени поселенцев, меж границ Аль Машрика или мест Невкусного то ли Большого морей. Гассан не желал портить с евреем отношения, не зная, как тот относится к племенам Филистии, изначально не принявшим иноязычный народ после прихода его на Ханаанскую землю, приведшим их пророком туда и также по началу конфликтовавшим с филистимлянами, пока не укрепло царство Израиля под предводительством их первого государя. Но, уверившись, что его друг Несер здесь, Гассан на удивление купца отказался пройти в место, где обитал египтянин. Почувствовав, что это ему не поможет, Гассан направился обратно. Чтобы вернуться, ему нужно пройти шесть домов по прямой линии проулка, повернуть направо и, чтобы сэкономить время, пересечь дорогу, по которой вели телеги. Пройдя по ней некоторое расстояние, ему нужно пересечь еще пару проулков между хижинами. Таким образом, не встретив в это утро ни одного из знакомых, филистимлянин вернулся в дом, где жила Нефертатонптах. Присев на лежанку, оглядев стены, на мгновение вспомнив, как он впервые познакомился с принцессой, и оценил существенно изменившуюся обстановку комнаты. Они навевали воспоминания, но здесь был порядок до утреннего случая, а запах приятных ароматов по-прежнему витал в комнате. И тут Гассан решил воспользоваться своим даром, открыть интуицию, а именно пройти сознанием сквозь

время и узнать, что случилось на самом деле. Для того он закрыл веки, пытаясь представить принцессу, находившуюся в это утро здесь. Нащупав ее сознание, попытался представить, чем она хочет заняться. Ощющая ее провидением Гассан представил, как девушка просыпается, подходит к окошку, ее что-то тревожит. Вернувшись из части дома, где у них установлена комната для удобства в доме, здесь Гассан пропустил ее действия, миновал и те до появления из помещения хижины, где жил его дядя, где она растапливала печь. Все выглядело спокойно. Он даже засомневался, верны ли догадки его проницательности произошедших действий, но пропитанный талант воздухом мысленной информации прошлого никак не хотел быть другим, и представить, что девушка делала что-либо другое, никак не получалось. Вдруг, он почувствовал некое колыхание, что, вероятно, сейчас заставило бы девушку внезапно отвлечься от своих дел. Рассматривая свой обычный наряд, она обернулась к внезапно появившимся людям, лиц которых, к своему сожалению, Гассан уже не мог представить, так как представление тех или иных действий типов в прошлом он мог, лишь зная их в облике. Но тут видение, созданное воображением, обрывалось. Желая воспроизвести прошлое, Гассану представились лишь его моменты, из которых были попытки Нефертатонптах отбиться от незнакомцев, что-то выкрикнув, она тут же быть заглушенна одним из негодяев. Откинутая в сторону одним из них какая-то материя опрокинула медную лампу,

в которой еще оставалась часть масла, для освещения комнаты.

В те времена медная лампа перед глиняным горшочком была дорогим дополнением к комнатным вещам.

Далее моменты нападения были уже кратки и точных деталей не представляли. Гассан приподнял подле оконного проема с пола часть одежды Нефертатонптах – плед, которым она укрывалась на одной из вечерних прогулок с Гассаном и Несером, часть одеяния теперь была пропитана растекшимся маслом из опрокинутого светильника. «Все сходилось», – отметил молодой человек из Филистии. Немного устав от проникновения сознанием в прошлое, присев на кровать, он глядел перед собой безучастным взглядом, задумавшись и анализируя свои проникновения. Внизу еще оставалось растекшееся масло. Уложенная аккуратно им накидка находилась тут же. Гассан соскочил с лежанки.

Он не знал, кто были эти люди, но лишь догадывался. Принцесса не часто, но упоминала о преследовании ее приспешниками жрецов новой власти Мисраима. И именно от них принцесса укрывалась в Израиле и попала в хижину, где обитал после приезда в Яффу Гассан.

Он гадал, что делать. Второй мыслью у него было посоветоваться с дядей, что на это скажет Равен. Но первой идеей было, во что бы то ни стало отыскать Нефертатонптах, отчего так нужно было поступить, он додумал позже. Гассан считал ее семьей.

Во дворе, как всегда, было безлюдно. Близ хлева, как обычно, беззаботно питалась домашняя скотина. День прибывал. Но где-то по округе еще был слышен крик поздних петухов.

В той части, где жил Гассан с Равеном, дяди до сих пор не было, он задерживался в Беф-Ороне. Нередко часть хозяйства оставалась на молодых людей и его друга Несера, который бывал у них почти каждый день, появляясь у своих друзей, устраивая себе выходной. Но с интересом египтянина к девушке такие выходные становились чаще. И в этот раз перед нападением Несер, пообещав хозяину помощь по облагораживанию его хозяйства взамен будущей оплаты своего места проживания, покинул обитель Гассана ранее, чем обычно, решив отдохнуть перед предстоящей работой у Абрама Шифа.

Отчего-то именно после этого разбоя отсутствие Равена показалась Гассану затянувшимся. Обычно дядя с самого утра доил коз, выводя их из хлева во двор. С молоком него были налажены покупатели. Но тут за животным заметно не было прибрано, как и то, что они еще не выводились из хлева, чаще всего за козами следила девушка. Перекусив в главной комнате дома, где обосновался сам Гассан. На столе еще с вечера были приготовлены в тряпице завернутый хлеб и утренняя похлебка от самой принцессы. Слегка подкрепившись, Гассан жалел, что не поднялся с лежанки в помощь Нефертатонптах, пока она что-то стряпала в печи. Аромат

сытных запахов разносился по всей комнате. И единственными его мыслями при появлении приятной и недоступной молодой особы было оказаться рядом. Она желанная и прекрасней всех! Уходя обратно в сон, он размышлял о том, чтобы было бы неплохо сделать ее своей женой, но лишь после того, как он наладит дела. А дела он свои хотел поправить на том же строительстве а именно заняться улучшением жилищ граждан это и уважение и статус.

Не застав все же в доме Равена, Гассан вспомнил о волшебном амулете Соломона. Не теряя времени, он сделал рукой круг и произнес заклинание:

– Леху мешарет абот ликрателай!

Джинн тут же появился со словами подчинения за рассеивающейся дымовой завесой:

– Слушаю внимательно, господин кольца!

– Джинн, – не спеша, обратился Гассан к духу.

Он старался продумывать каждое слово, тут же планируя свои будущие действия, Желая получить от него совет, чем выполнение приказа.

– Понимаешь, в чем тут дело… Ты, конечно, слуга кольца, но и… я считаю тебя своим как бы другом, – обращался филистимлянин к джинну.

Тот внимательно слушал его.

– Пропала Нефертатонптах, тоже мой друг. – После возвращения Гиввефон Гассан ни разу не использовал подарок царя. – И… ты же знаком с Несером? И он мой друг, и ино-

гда я беспокоюсь и о нем, если ты понимаешь.

Слуга кольца сохранял молчание. Казалось, ему не было никакого дела до болтовни владельца кольца. Но Гассан понимал, что тот тщательно внимал его словам.

– Но Нефертатонптах – принцесса, девушка, и она очень мила… – Гассан не находил слов, ожидая, что джинн все поймет, и не станет дожидаться его объяснений, и тут же ринется на поиски египтянки, приняв самостоятельное решение. Но джинн продолжал по-прежнему ожидать указаний филистимлянина.

– Послушай, джинн. Не мог бы ты ее мне отыскать? Ее кто-то похитил, – наконец высказал Гассан, рассчитывая на него. Он думал, что личная просьба окажется невыполнимой для слуги подарка Соломона, но ошибся на свою радость.

– Слушаю, владыка кольца! – сказал джинн, и тут же перед филистимлянином появилась принцесса Египта.

При ее внезапном появлении выражение лица принцессы выражало озадаченность, словно она кого-то выискивала, тут же во взгляде ее выражался страх, но, завидев Гассана, ее лицо вдруг сменилось на удивление.

– Гассан?.. – вымолвила она, еще не зная, радоваться ли ей или нет.

– Нефертатонптах…– сказал Гассан. – Ты где пропадала?! Я как услышал крик в твоей обители, сразу направился к тебе на помощь! Даже туфли забыл надеть!

Но девушка, всегда понимающая положение, уже успоко-

илась.

– Беспредельные услужники Херсиса похитили меня. Они каким-то образом отыскали меня и украли. Вот только я не могу сказать, куда они меня везли. Они дали что-то успокаивающее, и я заснула. Но ощущала сквозь сон, что меня везут на телеге. Мерзавцы! – возмущалась девушка.

– Да! Натерпелась ты, дорогая, – Гассан ощущал себя спасителем красавицы. – Ну, знаешь, ко мне пришла идея. Сейчас можно узнать, куда тебя хотели упрятать.

Гассан вновь повторил ритуал, и в комнате с рассеивающимся дымом появился джинн со словами услужения к выполнению приказа.

– Джинн, ты, случайно, не мог бы сказать, где находилась Нефертатонптах и кто ее похититель? – спросил Гассан духа.

– Да, конечно, владыка кольца. Я настиг их на дороге, ведущей к дороге всех дорог. Я также мог знать их планы. Они двигались в Вифлеем. Там находится их обиталище, где вскоре, они покончив с египетской принцессой, наследницей трона правившей семьей населением многими летами до дней измены жреческой касты. Люди, возведшие на трон царей ныне желают поставить свою преданные единому поклонению династию, объявившие новый культ. Культ окончания правления царей.

– Но у вас еще есть время все изменить, – говорил джинн.

Что создавало мнение у Нефертатонптах и филистимлянина, будто духу известно все до мелочей, чего происходит

в мире или сведомо само будущее.

– Все изменить? – переспросил его филистимлянин. – Что ты имеешь в виду, джинн?

Но дух вновь не спешил с ответом.

– Если мне позволит принцесса, наследница трона Сакхид Мисра, – дополнил джинн и кратко бросил взгляд на девушку.

Гассан также посмотрел на нее, угадывая, может ли она возражать. Но Нефертатонптах было интересно, что расскажет джинн, не понимая его.

– Продолжай, – сказал Гассан.

Принцесса кратко взглянула на своего друга в знак соглашения с ним.

– В далекой ныне Стране песков и Великолепного сфинкса, – начал говорить джинн, – некогда процветавшей и пахшей диким цветком санторином и множеством разросшегося тростника, благоденствовало царство. На свое начало оно было просто поселением, но, когда одна часть его людей ушла на север, другая обратилась в сторону восхода яркого диска, и посвятила себя культу этого светила, и так дало ростку следующим поколениям. Но каста послушников ярых другими словами помощников царей иначе каста жрецов всегда терпела неудачи хитростью восстать за место правителей тех, кого сама и возвела на царствие. И со временем увядания Песчаного Сфинкса и смены его лица жрецы укрепились, но, как и раньше, они не могли изменять силу прави-

телей, даже следуя поступками, которые клали конец жизнь царей. И лишь после того Дающая жизнь река в стране Песчаного Сфинкса изменила свое течение, подобравшись к городам, цари тщетно тогда пытались сохранять свое величие. После этого и после того как один из храмовников разгадал тайну тысячелетия славного правления Мисраима, с той поры и пошло на нет единое семейное правление их наследия.

Конечно, Нефертатонптах и Гассан не понимали, о чем ведет речь слуга кольца Соломона, но старались вслушиваться в каждое его слово, соотнеся всю историю Египта. Какими бы знаниями истории они бы ни владели Верхнего до Нижнего царства названия частей этих государств, которые еще существовали, ныне фактически уже не имели свою отличительную внутреннюю структуру и разделены друг от друга. Страна тростника угасала. Политические дела с областями, где заходит солнце, оставались лишь положения перемирия. Торговля с Вавилоном и другими незначительно расширенными областями иных государств приближенных к окраинам царства, как и в краях с двумя из четырех водных потоков, являющихся ответвлениями реки Эдем, так и нубийцами, поддерживался лишь цивилизованным пониманием. Все же единой ходовой обменной монетой между странами являлся египетский дорогостоящий хедж. Отношения с заграничьем, Морем Островов[9] вообще прекратились

– Но есть мне тайна вещания из будущего, – продолжал

---

[9] Эгейское море.

джинн.

Нефертатонптах и Гассан прислушались.

– Слабое нам, джиннам, не всем удается знать грядущее, но для такого случая оно есть.

– Так расскажи нам скорее, джинн, – торопил его Гассан.

– Да, джинн, просим тебя, – произнесла и принцесса, понимавшая, что просить духа о чем-либо может только тот, кто обладает заговоренным предметом, имеющим над ним власть.

О кольце на запястье у Гассана Нефертатонптах узнала лишь сейчас и больше удивляясь, понимая о действительно существующей магии и тайных существах скрытого мира от всех людей.

– Земля Песчаного Сфинкса обретет еще славу, но ее покроет другая слава, все, что могу сказать вам, люди, – ответил джинн.

Гассан и принцесса молчали. Для них слова духа были двусмысленны, но джинн понимал недопонимание его слов принцессой и филистимлянином.

– Но время вашего царствия уйдет только спустя поколения, – сказал джинн, чем успокоил Нефертатонптах. – На то время сменится двадцать шесть царей. Что лишь в три раза меньше от начала освоения самого Египта, следившего за участью перемен всего самим Песчаным Сфинксом.

Сказав так, джинн исчез. Вдруг он вновь появился, как бы распределив свою службу на две части. Одну он уже вы-

полнил, пояснив, как мог, на заказ Гассана, дав ответ на его просьбу и даже больше стараясь пояснить суть произошедшего. Появившись вновь он обращался уже к Гассану направляя его подсказками для совершения обдуманных действий. При этом многое скрывая в своей речи дабы не проявлялось скрытое проявление дружелюбия духа к людям спешил предложить:

– Есть за северными горами место, где вас никто не тронет. За морями и непроходимыми тропами и топями есть великая страна, поклоняющаяся иному царствию боготворения. Сохраняя свои тайны, где воды надземные и так же подводные скрывают, древние подземные города, разбитые внутренними ходами, где некогда они существовавшие там до того времени, когда вся земля окуталась снегом, и покинувшие те места их жители, когда снег стал сходить и образовывать реки и моря, которых никогда не было прежде. Где ныне живут там новые люди и звери, не зная о том, что есть другой конец земли.

Но ладят они сами с собой и с любым миром,
Но скалы холодные те места стерегут
И лавы там снежные[10], —
говорил, перейдя на складную речь, джинн. —
И тайны великие,
Все самобытное,
Что даже врата всего мира

[10] Гиперборея.

В те места не ведут…

Гассан посмотрел на девушку, когда джинн закончил. Нефертатонптах до сих пор пыталась понять, о каких землях говорит ей джинн. Ее мысли были заняты лишь одним местом – ее родиной, торговым Мисраимом, с царством Ташемау, где растет тростник. О старом городе, именовавшего сейчас по новому названию как Некрополис, царствие или город, куда отправлялись все цари по дороге к Ра. А на пути они встречали путников в виде двух колоссов знаменующие стороны, в которые следовало бы направляться правителям в последний путь к одному из божеству этих статуй, оно решало их дальнейший путь к Ра.

– Джинн, знаешь, нам надо как-то просто вернуть трон Нефертатонптах, – заявил Гассан, поняв слугу кольца.

Джинн не заставил себя долго ждать с ответом.

– Я могу вас перенести прямо в Фивы в храм Атона. Там вам будет спокойней, – сказал джинн.

И тут же Гассан и Несер с Нефертатонптах оказались в архитектурном ансамбле палат, где их окружали сверкавшими драгоценностями стены поднимавшегося в ту пору солнца, создавая своеобразную ярчайшую атмосферу разлива великолепия и разнообразия цветных фресок, украшенных драгоценными камнями и красками. Также друзьям представился вид грандиозных размеров стен здания, вмещающего в себя всевозможные статуи и колонны, рассказывающие историю созидания царства Египетского, их правителей сохра-

няясь поддерживавшими специальными художниками и работниками это великолепие многими и многими годами.

Для Нефертатонптах часть истории правящих семей ранних династий септами и целыми городами, имея царскую власть над всем, была известна из манускриптов, которые она пыталась изучать в детстве. Но мать ее не разрешала ей изучать какие-либо предметы до ее совершеннолетия, которое в те времена наступало в двадцать два года. Совершеннолетие у мужчин, юношей не царственного происхождения, наступало в восемнадцать лет, у детей правителей мужского пола брачный возраст считался уже к пятнадцати годам. А также по рассказам ее отца Тутхепера[11], правителя всего Мисраима, за время его правления, длившегося всего три года, она узнала, что Египет был возведен задолго до области Двуречья, которая сейчас именуется Вавилоном. Принцесса росла в те времена, когда почитания божествам предпочиталось более тем, которые, по легенде, шествующие они от Аль Машрика, следовали по небосклону вдоль всего Нила, по пути приглаживая гриву Большого Сфинкса, как бы прощались с ним, чтобы вновь вернуться с тех мест их отдыха, где юной принцессе никогда бы не хотелось быть. Так как те места для нее вызывали отчуждение, странный мир, наполненный опасностями. В своих детских мечтах она желала встретить того, кто, веря в чудеса, оживит для нее Большого Сфинкса. И тогда, быть может, верхом на звере они от-

---

[11] Танис – Нижний Египет, 21 династия.

правятся в ту сторону, где заходит яркий диск Ра, покорить, если на то будет необходимость, неправду, помогать людям, если они примут их величие царственного происхождения и тогда построят они для тех людей царство добра и справедливости.

Но все пошло не так, как предполагала девушка по имени Нефертатонптах, встретив свои двадцать лет. Юная принцесса после гибели отца и предательства нового жреца должна была бежать, чтобы избежать участи ее старшей сестры Акхнефхнум, – тайком от овдовевшей матери ее похитили и вывезли в неизвестном направлении, как это понимала сейчас Нефертатонптах, и найти ее следы никак не удастся.

В день скорби на всенародное прощание ее мать не смогла выйти к народу. В день прощания с царем его жена, казалось, ушла в себя и не могла более руководить. Тогда о престолонаследии заговорили жрецы. Они уже подготовили к власти управления всего Египта нового представителя, идущего от жреческой группы, некоего юношу, поспешного выходца из Аккадии Шашук с провозглашенным царским именем Сиамун и так совпало, что в этот день появилась при помощи волшебства джинна законная представительница семьи нового царства, поколения династии семей, возникшие от Ра. С друзьями во дворец начала всех царей поколения идущие от начала Рамсеса I и место, откуда предок Нефертатонптах, правитель всего Мисраима Экхнатон, был однажды предан забвению.

– Где мы? – спросил скорей себя самого Гассан.

– Вот это мне бы хотелось сейчас узнать самому, – озвучил свои мысли Несер, оглядывая стены дворца.

Он был египтянином, но перед тем, как покинуть места рождения, жил на окраинах Мисраима. Нефертатонптах же появилась на свет во время восхода в Мемфисе на границе между Верхним и Нижним Египтом.

Появившиеся во дворце из Израиля люди дивились древнему сохранившемуся великолепию, сохранившимся до сих пор спустя многие поколения стенам, созданные еще до восхождения семьи поколений Рамсеса именовавшим себя как созданные Ра.

Первым задумался Несер.

– Все это хорошо. Но что нам делать среди этого дива?! – спросил он вслух самого себя, по большей части все же обращаясь к Нефертатонптах, будто именно от нее зависели дальнейшие действия.

Нефертатонптах не знала, что делать. Она пыталась узнать по картинам, изображениям барельефов и иероглифам историю своих предков. Но на некоторых из них отделка была сбита. Пиктограммы, надписи, рисунки, изображения сцен, часть некоторых из них были весьма с искаженными гранями, что было заметно не сразу.

– Тут кто-то все переделал, почти все стены, – заметила девушка. – Наверное, пытались скрыть часть какой-то истории о моем прадеде.

– Да, а кто был твоим предком, Нефертптах? – сократил ее имя Гассан.

– Один из них, Эхнатон Аменхотеп Четвертый, но не он построил этот город. Не знаю, из-за чего, но о нем было запрещено упоминать. А няньки мне рассказывали, что он имел какой-то договор с самим Сетом, вот из-за этого его старались забыть, – ответила Нефертатонптах.

Гассан подивился рассказу девушки, но ему это казалось больше вымыслом, чем правдой. Единственное, во что он верил, – это могущество заклинания кольца и владением неизвестным миру людей волшебными силами открытые лишь израильскому царю. А он, в свою очередь, никак не был связан с египетскими божествами. Гассан знал об этом наверняка. Подтверждением тому представляли странные работники несколько месяцев назад на окраине Израиля, в неизвестных никому одеждах и специальных шлемах одетые. Гассан не встретил ни на одном из здешних барельефов и необычных механизмов, которые шли им в помощь на время созидания храма появившиеся по повелению Соломона с помощью его магического амулета.

– Я вот думаю, раз нас джинн сюда перенес, то это точно должно быть безопасное место. Нам бы только стоило кого-то здесь отыскать, однако кто поможет нам подсказать то, зачем мы здесь и что делать дальше? – гадал Гассан.

– Постой, Гассан, что если спросить самого джинна, зачем занес нас сюда? – предложил Несер.

Нефертатонптах повернулась к филистимлянину, на вопрос молодого египтянина. Гассану не оставалось ничего, кроме как изволить друзьям. После тщетной попытки филистимлянина предложить прогулку по окрестностям древнего города, потому как Гассан никогда не был в Египте, но по настоянию друга и красавицы, пришедшей от Атона к Птаху[12], чьи слова ему казались не столь убедительны, сколь проявлявшийся интерес к ней сыном Хоттаба, Гассан не мог отказать девушке. Он вызвал джинна. Гассан поднял голову, обращаясь к слуге кольца после его моментального появления.

– Дело в том, джинн, что нам не совсем понятно, что…

Джинн словно знал о вопросе, у него был уже ответ:

– Повелитель кольца, город на границе между Та-шемау и Та-меху, это, где еще почитают правительство древних правителей. Здесь! Вам нужно искать ответы на свои вопросы. Я же лишь слуга кольца. Я лишь ожидающий на своем пути. Но смею сказать одно. Люди, воздвигнувшие пирамиды, еще продолжают пользоваться их благами.

Что за достатки, было известно каждому в стенах неимоверного четырехгранного дворца-храма Мисраима. Поклонение предкам, держа традиции, что требовалось для поддержки жизни уклада и культуры самого населения. Впрочем, так думали лишь египтяне и путешественники, истинное предназначение пирамид знал лишь джинн. Сказал он так и исчез, отчего Гассан решил понапрасну не вызывать

---

[12] Нефертатонптах.

слугу кольца пользуясь его доверием как никак истинного служителя самого Соломона.

– Ну да, теперь-то мне все понятно, – сыронизировал Гассан.

– О чем ты? – спросила его Нефертатонптах.

– Да нет, ни о чем. Просто у меня появился вопрос: что делать дальше? Снова вызвать магистра истории? —пошутил Гассан.

– Конечно, вызывай! – настаивал Несер.

– Постойте! – внезапно их остановила принцесса. – Что означали его слова? Вы можете их объяснить? – обратилась девушка скорей к самой себе, чем к своим друзьям.

– Думаю, то, что надо полагаться теперь только на самих себя, – предположил Несер.

У него не было никакого желания задумываться над сложившимся положением. Он довольствовался тем, что находился рядом с Нефертатонптах и товарищем.

В это время, когда они оказались на террасе среди величественных колонн, солнце вовсю освещало изящества сада, по обеим сторонам диковинные пальмы. Вдоль парковой дороги храмового ансамбля находились выставленные по обеим сторонам дороги небольшие статуи с образами животных, как бы сопровождая путников. В конце монументов с существами располагался с одной стороны сфинкс в виде кошки, посвященный богине Бастет, напротив нее – сфинкс в облике льва, был чуть выше всех. Следующая группа статуй за

стенами дворцового храма с обликами баранов вела к выходу из архитектурного комплекса. Но пока путешественники не знали, что краски этих двух фигур зверей, ночью, казалось, будто оживали, переглядываясь друг с другом в игре факелов. Слева появился человек в белой одежде. Он осторожно ступал на каждую из ступенек дворцового крыльца, поднимаясь к путешественникам. Заметив гостей, мужчина остановился, они стали присматриваться друг к другу.

Нефертатонптах догадывалась, кто перед ними, но решила прмолчать, и высказаться когда ей будет удобно по этому поводу.

– Приветствую тебя, достопочтенный житель Мисраима! – нашелся Гассан, изобразив не всерьез статус величественного идолопоклонника,. – Скажи, пожалуйста, к какому сие великолепие относится господствующему ному, Нижнего или Верхнего Египта? А то я тут запутался, – спросил Гассан человека, не имея понимания об иерархии царства Мисраима.

Но тот явно не был знаком с идишем, когда на ломаном языке обратился к нему Гассан, он не решил поприветствовать его на своей далекой филистимской речи.

– Это дворец Амона Ра, – подсказала ему принцесса.

– А-а… – протянул Гассан. – Ну, вы с ним давайте сами, а то я по-египетски никак что-то…

Казалось, этого решения все и ожидали. Филистимлянин никак не сочетался в их компанию единоплеменников, кото-

рых соединяла тонкая грань отношений, как впрочем, являясь ростками будущего. Однако негласно принимая Гассана за своего руководителя, их команда в первую очередь желала знать его мнение. Поймав его одобрение, Нефертатонптах начала:

– Прошу прощения, не знаю ваше служебное положение. Я принцесса Нефертатонптах… из Мемфиса.

Как только девушка произнесла имя, человек тут же сложился, пав ниц на ступени.

На вид ему было около пятидесяти лет. Возраст ему прибавляли плешь почти по всей голове и худое лицо. Отсутствие парика на нем говорило о том, что он был далек от ранга приближенных к царственным особам. Но находился где-то в среднем ранге, это ранг вольнодумцев, не имеющих своего решения лишенных выдвижений своих идей, но лишь твердые подчиненные в том или ином действии, ведущие уединенный если не тайный образ службы, поэтому о дочери последнего царя он мог лишь слышать. Крестьяне и рабочие Египта носили простые парики, по своему желанию либо по предназначению, которым было не украшение, но как обозначение их служебному положению, а служители порядка военачальники и надсмотрщики, или кто был выше рангом рабочих, имели отличия в виде косичек на парике или клафт с отличительными по статусу выделенными на них полосками. Этот человек также имел выбор, носить головной убор или его не надевать. Стало быть, этот мужчина был ли-

бо жрецом, либо управленцем по подсчетным делам или служащим какого-то из делового уровня.

– Прошу вас, поднимитесь, – сказала принцесса, подняв перед собой руку,

что являлось повелительным знаком царей. В благоволении принцессы мужчина, бросив оценивающий взгляд на ее спутника, все же желал признать Нефертатонптах престолонаследованной особой. Несер был слишком просто одет, чтобы сливаться в уклад с царским поданным, и походил скорей на раба-египтянина, провинившегося чем-то у своих господ. Нефертатонптах была одета в одежды, что издали лишь напоминала ее царственнородность, и то больше жестами и видом.

– Госпожа, – начал говорить мужчина.

Но выяснять, является ли девушка действительно наследницей трона Мисраима, какого именно царства Нижнего или Верхнего заостряться вопросом во избежание неприятностей не стал.

– Я жрец Атдеп. Я, четверо моих соратников из наставников и еще двенадцать служителей из некогда рабочих отделений остались присматривать за порядком Великоцарственного храма. Он недавно опустел, после того как Нил поменял свои воды. И мы те, кто остались здесь от последнего покинувшего город гражданина еще недавно.

– Бывший правитель здесь был Поинкхет и Ибаш Хиль Атес из касты жрецов. Теперь же они перебрались в крепость

Рамсеса с тремя своими соратниками, что к западу от Нила, восхвалять великого Птаха.

Нефертатонптах словно передернуло, когда она услышала из уст жреца имя того, кто преследовал ее и, найдя ее следы при помощи своих слуг в Израиле, подослал похитить ее.

– Все остальные граждане разошлись, – продолжал старик, – по разным местам. Кто-то еще остался, они не совсем утеряли верность к прежним правителям Мисраима и ждут, когда царство вновь обретет силу.

И тут жрец словно застыл на лице Нефертатонптах, его губы, словно не повинуясь своему хозяину, едва слышно произнесли:

– Красота пришла… – произнес он имя жены Эхнатона, лик девушки еще сохранял черты бюста, вывезенного кем-то из Ахетатона вновь в Фивы.

Нефертатонптах действительно была чем-то похожа на Нефертити. Лик, схожий с единственным бюстом, сохранившимся после того, как один из военачальников, переживший последние дни с прадедом Нефертатонптах, предал его забвению, позволив разрушить стены его города. Принцесса в этот миг ощутила легкую растерянность, это заметил Несер.

– Служивый! – проявил находчивость он. – Пред тобой последовательница семьи служителей Амона Ра!

Словно подкошенный, жрец вновь пал ниц к ступеням храмового дворца.

А Гассан, отчасти понимавший речь египтян, оставив дру-

зей, решил прогуляться. Он вошел внутрь колоссальных размеров дворца, где до встречи их со жрецом предлагал побывать своим спутникам. Разглядывая его структуру, он отметил, что постройка, снаружи казалось, была не столь велика, сколь построена, так что ее высота внутри казалась бесконечна. Пройдя залы, не встретив ни одного человека, Гассан вышел в проход, среди других колонн. Возвышающиеся на них арки с великолепными яркими барельефами, и на каждом из них сверкали драгоценные камни выявляя выпуклые красочные картины.

– Ну, дают египтяне, не чета нашей деревне. Сколько же лет высоткам? – гадал Гассан. – Надо будет спросить об этом у Нефы. А Несера вряд ли интересовала история.

«Но как коллеге по строительству, ему стоило бы поинтересоваться их возведением», – подумал про себя филистимлянин.

Обойдя выставленные столы и стулья, для отдыха и деловых встреч, Гассан попал по другую сторону дворца во вторую примкнутую с небольшой крытой по середине частью половиной ансамбля. Но все остальное, что находилось под открытым небом, великолепие садов с видом огромного бассейна тут же восхитило его. «Это бы надо запомнить…» – чуть слышно произнес он, вспомнив о магическом амулете, в котором содержалась мощь в исполнении желаний. Он еще долго ходил по местам внутреннего двора приемной резиденции царей, рассматривая белоснежные фигуры однотип-

ных сфинксов, обратив внимание на скульптуру с частью бегемота и с телом человека, что рассмешило его. Также здесь присутствовали другие фигуры с телом человека, с головой птиц, и все если смотреть на них с любой точки обзора, то они как бы, наблюдали за ним. Приблизившись к краю бассейна, Гассан оглядывал теперь большую стелу с навозным жуком. Вдруг заслышав вокруг шипение, филистимлянин посчитал, что тот сейчас соскочит с тумбы прямо на него. Представив на миг это, Гассан раскинул руки в стороны, потеряв равновесие, и оказался в воде. Но то, что он оказался весь измочен водой, совершенно не тревожило его, когда он вновь застыл стоя по грудь в бассейне от едва слышимых звуков в воде. Юноша насторожился, посчитав звук за окружавших его змей. Но, осторожно оглядевшись, Гассан определил, что никого рядом не оказалось. Но случайно ему на глаза попалась одна цель. Вглядевшись в даль бассейна, в успокоенной глади воды он заметил что-то, что опускалось и поднималось там как похожий на поплавок, мерцающий у стены. При колыхании воды создавалось подобие шума морской волны прибоя. Но как только вода становилась спокойней, шум утихал. «Чудеса!» – подумал Гассан.

Когда он вылез из искусственного водоема, был немного расстроен. Его одежда была сыра, и единственное, что он мог сделать, – это вылить воду из туфель. Скинув рубаху, он выжал ее, снова надел, полагаясь на знойное солнце.

– О! Ра! Я весь сырой, обогрей меня, – пошутил Гассан,

обращаясь к диску на небе, считая, что светило его не слышит, полагая, что солнце есть нечто твердое, но как свет в конце тоннеля, а земля – это колесо, каким-то образом крутящееся вокруг входа этого тоннеля. И когда оно погаснет, колесо Земля перестанет крутиться, начнется холод или наоборот. Пока колесо крутится, оно каким-то образом вертится вокруг тоннеля и оттуда льется свет. Над объяснением легенды филистимлянин никогда не задумывался. Его интересовала победа в играх племени, которые собственно мало привлекали молодого человека, нежели путешествия и новые знакомства.

Таким образом, не получив ответа и раздосадованный своим одиночеством, Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб ощутил подступающий голод, который в обстановке отсутствия людей увеличивался. Он решил вернуться к своим друзьям в надежде, что те уже нашли то, чего поможет им придти к завершению их дискуссий. Но, после поисков своих сторонников, Гассан, затерявшись в многочисленных колоннах, вернулся туда, где начал их искать. До этого принцесса Египта, израильский работник Несер и встретивший их уверованный старовер жрец Амона Ра, увлекшись своим политическим намерением получив шанс возобновить династию царей, незаметно для себя уже давно покинули свое место обсуждения.

Гассан надел едва ли высохший на себя жакет, чтобы тот высыхал быстрее. Остальная выжатая одежда на нем почти

высохла, только в туфлях было сыро и неприятно, но такие невзгоды были нипочем путешественнику и камненосу со стажем. «Ладно, – подумал про себя Гассан. – Сейчас я их разыщу! И они у меня за все ответят!» – без злобы к своим последователям, обратился он мысленно, на всякий случай выкрикнув их имена. Он во второй раз попытался найти друзей с мыслями, что они скрылись «без него!» в каких-то засекреченных лазах. Гассан терял терпение как вдруг остановившись перед аллеями дворца дотронулся до магического амулета на запястье, чтобы вызвать джинна, как на марше дворцового храма он заметил другого священнослужителя из той же гильдии, как Атдеп, на вид которому было менее лет чем филистимлянину. Юноша, встретившись с Гассаном, словно поджидал его.

– Владыка кольца Соломона, великого мудреца Ханаана земли обетованной… – Молодой человек продолжал бы таким образом приветствовать великого гостя, если бы вопросительный взгляд Гассана не остановил его. – Наиважнейший друг принцессы Верхнего Египта.

В то, что жрецы гильдии поверили, что Нефертатонптах потомок династии царей, о которой известность прошла среди священников, радовала Гассана, все же в словах этого юноши не чувствовалась уверенность.

– Господин Гассан Абдуррахман, прошу следовать за мной, – сказал юный поклонник гильдии, посвященной Ра.

Они спустились по лестнице и направились вдоль статуй

малых сфинксов к огромным стенам.

– Что же это друг моих друзей. Принцесса и Несер оставили меня? Даже не попрощавшись, – заметил Гассан. Но послушник гильдии молчал, он не знал, что ответить. Дорога, по которой они шли, вела среди аллей ко входу в ансамбль дворцового храма, очерчивая центр высочайшими стенами, менее разукрашенными, центральными, более массивными, уже не представляя на них никакими сценами истории этой цивилизации. Что Гассана даже немного разочаровало. Он словно ощушал себя среди неполноты верхнеуровневости древних видов. Единственное, что здесь его радовало, – так это огромный комплекс, закрытый древнейшим укреплением. Здесь не все лучи солнца достигали внутреннего пространства, оставаясь за массивной преградой, где не так ощущалось упоение «духа Ра», – пояснил молодой священник, когда филистимлянин поделился мнением о солнцепеке.

Они подходили к проему двух мощных преград, как оттуда появилась колесница. Было ясно, что возничий загнал коней, внезапно остановившись, на скорости едва не сбив людей. Молодой жрец, не ожидая быстрой повозки замер с испугом на лице. Гассан едва справился с этим страхом быть сбитым двумя лошадьми или задавленным двумя большими колесами.

– Гасан Абдуркха́мон ибн ХетХаб! – обратился возчик к филистимлянину, неправильно произнеся его имя.

Вид возничего был весьма озадаченным. Он недолго га-

дал, кто из двух присутствующих перед ним являлся сопроводителем Нефертатонптах.

– Я должен передать вам послание от принцессы Египта! – колесничий гадал, кто есть Гассан знакомый для принцессы друг или враг Египта.

Сам лишь интуитивно доверяя той, кем был послан на розыски филистимлянина.

– Она похищена служителями жреца Ибаш Хиль Атес! Я оказался случайным свидетелем жесточайшей расправы над охраной священниками Амон Ра. Их убили. Похитив принцессу! Я Масур Хаб Ини, бывший солдат третьей квадриги, расформированной жреческой гильдией Абду иль Харми. Сопроводитель принцессы, египтянин, пояснил мне мало. Он остался покалеченным и не может говорить более. Единственное, что я понял, – он назвал имя, с которым, как я полагаю, обращаюсь сейчас к тому человеку.

Гассан не знал, как ответить возничему, единственная мысль, что пришла к нему, – так это то, что нужно опять спасать своих друзей. И тут же что-то решать ради своего и их спокойствия. Вместе с тем он, слушая посланца, не спешил с выводами. Наблюдая за ним, интуитивно понимая, что ему просто необходимо вмешаться за Нефертатонптах и Несера, и глядя на посланника снизу вверх, тот стоял на колеснице с безмятежным выражением до интриг великих династий. Все ж таки Гассану было вовсе не до их трудностей. Тот, словно понимая его, продолжил:

– Мои родители были первыми, кто оставил город Нэ[13], но мой дух воина по-прежнему с этими стенами! Госпожа Нефертатонптах выкликнула ваше имя, когда я был свидетелем похищения принцессы. Несер – так звали вашего друга – указал мне дорогу, на которой я вас и нашел, – продолжил возчик.

По возрасту он был не молод, не стар, воин удерживая вожжи, все же имел некоторые сомнения о принадлежности филистимлянина к числу граждан привилигерованного класса Египта. Но был также готов принять его на колесницу, протянув, не теряя времени, руку. Солдаты боевой конницы были тверды к решению действий, они действовали сосредоточенно. Однако Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб еще сомневался в взаимовыгодности возницы и его доверию к царственной присущности, за которым стоит его величавая подруга. Он уже принял свое решение.

– Как, говоришь, имя этого… жреца? – спросил он наводчика.

– Ибаш Хиль Атес! – сказал воин, все еще не понимая, как сможет помочь этот человек, похожий за паломника.

Гассан поднял вверх руку, при этом сделав в воздухе круг, произнес заклинание:

– Леху мешарет абот ликрателай!

Как вдруг за рассеивающейся дымовой завесой появился джинн со словами согласия, чье появление напугало священ-

---

[13] Раннее название Фив.

ника и лошадей. Поводырю едва удалось их успокоить.

– Слушаю внимательно, господин кольца! – произнес дух.

– Джинн… – Гассан хотел поделиться с исполнителем желаний своим мнением о тронных интригах, о жреце, о мокрой одежде и едва просушенных туфлях, которые, как думал Гассан, так ему идут. Но приступил сразу к указанию:

– Мне нужно забрать Несера, Нефертатонптах и избавиться от этого… – Гассан обратился к воину.

– Ибаш Хиль Атес! – подсказал возчик боевой колесницы.

– Вот этого мерзавца! И… назначить вот его, – Гассан указал на поводыря, – главным по боевым кавалериям. И, джинн, сделай так…

Говорил Гассан с колебанием у него, на миг вызвались подозрения на осуществление к выполнению его распоряжений, но выбора у него не было. Филистимлянин рискнул.

– Надо сделать Нефертатонптах царицей всего Египта!

Гассан, казалось, стал не на месте, точнее, за него будто кто-то продолжал говорить. Но это был не он сам. Как тут же скорей на удивление филистимлянина, однако к его чувству успокоения дух произнес заветные слова:

– Слушаю, господин владыка кольца!

И моментально исчез, оставив дымовую завесу.

В округе парковой зоны храмового ансамбля, вдоль аллеи встречались не высокие пальмовые кустарники, по обеим сторонам променада с не действующими фонтанами. Вдали за малыми сфинксами по одной из сторон дороги вид-

нелись обрушенные скульптуры с головами кошек, некогда представлявшие игровую сцену.

Дух не заставил себя долго ждать. Возле Гассана, священника и колесницы появилась задымленность, в которой едва угадывались силуэты людей. Возница, уверенным решением, поспешил отвезти свою двуколку в сторону.

Проход между массивных стен, где задержались люди, мог вместить в себя не более двух свободно идущих колесниц. Юный жрец, несмотря на разум, при проявлении джинна пал ниц. Впрочем, Гассан решил, что тот испугался вовсе не его, а при проявленнии облика принцессы. А вот странный потрепанный и удрученный вид Несера трудно представлял образ их друга.

– Так, Несер! Кто же тебя так изрядно потрепал? – обратился Гассан к коллеге.

Но тот ничего не мог ответить. Все его лицо опухло. Но Гассан уже сам обо всем догадался. Он хотел снова обратиться за помощь к джинну, чтоб тот оказал их товарищу медицинскую помощь, как вдруг над их головами возник всплеск дыма, словно это был бесшумный взрыв мельхиоровых грибов.

С племенем Гассана по соседству в Филистии находилось поселение, которое назывались «грибниками» и состоявшее весьма недружелюбно с его народом. В одном из случившемся конфликте Ашдодцы с трудом отбились от этого рода с названием Фэхтер, те, в свою очередь, перед аттакой за-

брасывали врагов мельхиоровыми грибами. Грибы при соприкосновении с поверхностью разрывались, испуская пыль и неприятный запах. Охват взрыва одной головки вздутого гриба составляло примерно пять шагов во все стороны. Тогда в схватке погиб один человек. Как правило, причина боев не превышала бы такая цена как бы даже украденный бык – самое ценное животное во всем прибрежье Большого моря. И в истории этой заключалось то, что один человек из племени Гассана выкрал себе девушку у фэхтер против ее воли, скрывшись с ней и не появляясь больше у мест прибрежья. На тот момент Гассану было только десять лет, а спустя еще столь же после боя Гассан, узнал по слухам, что юноша тот примкнул к родству своей жены. Нередко Патон, наставник Гассана, упоминал имя того юноши, обвиняя его в предательстве и бесхарактерности. Вот такой взрыв напомнил Гассану о его родных местах, но зловония здесь он не почувствовал, а чье-то тело, провернувшись несколько раз в воздухе, грохнулось оземь. Это был тот жрец. Его помятая, некогда белоснежная накидка из хлопка едва ли оставляла отображение идолопоклонничества служебного одеяния. Как и представителя высокородного положения, отображал перламутровый перстень на одном из его пальцев и только. Его короткая бородка была, казалось, забита песком или пылью. Жрец Амона наскоро, как мог, тут же приподнялся, прикрыв сразу руками лицо, что-то про себя бормоча. Он едва держался стоя, не понимая, что с ним произошло и кто

эти люди. Гассан и его спутники дали возможность ему оценить ситуацию, наблюдая за ним. Жрец убрал руки от лица, оглядывая присутствующих, с опаской остановив взгляд на Нефертатонптах. Когда он все понял, его лицо тут же приобрело фальшивую добродетель. Он понимал, что он один среди своих неприятелей.

– Принцесса…

Его картавый голос вдруг заставил проявить гнев Несера, который теперь знал, кому ответить за ссадины на его лице. Как и за оскорбления Нефертатонптах. Сразмаху наведя свой кулак на жреца, которого откинуло на метр.

– Несер! – выкрикнула принцесса.

На миг она потревожилась за жреца, что Несер нанесет ему большие увечья и не с кого будет спросить по поводу ее похищения. Но Нефертатонптах на изумление Гассана обратилась с милосердием к соплеменнику.

– Тебе больно?

Заметила она затянувшиеся рубцы на лице Несера. Но камненос молчал. У Гассана же появилось любопытная мысль о заинтересованности принцессы египтянином, он решил ответить за него, поддержать друга:

– Мужчина! За девушку ответил сполна негодяю!

Несер молчаливым взглядом поблагодарил друга за найденные им слова в его поддержку, но не спешил хвалиться, сквозь ощутимые на нем рубцы он был краток.

– Я ему должен за синяки, что у меня на физиономии, и

его прихвостням, что скрутили мне руку и подножку сделали, и… – говорил Несер, скрывая о том, что ударил жреца, желая отомстить за похищение принцессы. Напрасно. За короткое время, что Несер мог видеться с Нефертатонптах в доме Равена, не подозревал, что у девушки была симпатия к соплеменнику, даже более, нежели к филистимлянину, тщательно скрываема при встрече их взглядами с египтянином. Но теперь принцесса не могла сдерживать желание, которое она так старалась контролировать, к заступившемуся за ее честь юноше. Жаркими губами она приложилась к его губам, случайно задев пальцами своей ладони его повреждения.

– А-с-с! – вскрикнул Несер, но удерживая свое лицо в руках Нефертатонптах.

– Больно? Милый. – Наследница престола уже не скрывала своих чувств.

Не отрывая своего взгляда от нее, Несер наконец-то заключил любимую в свои объятия. Молодые люди окунулись вновь в страстный поцелуй.

Гассан, наблюдавший за сценой молодой новой пары, не знал, что делать. Отчасти он терял «прекрасную, что служит Птаху», но мог потерять и товарища.

– Ох! Ох! Ох! – притворно запричитал, радуясь Несеру, филистимлянин.

Все же отчасти он также радовался за них, невольно вспомнив, что где-то там, среди поселений его родной Филистии и пустоши земель Израиля, он оставил свою первую

возлюбленную Маруанну, и тут же вспомнил он о подарке Соломона, мгновенно решив воспользоваться магическим кольцом, как его прервали.

– Глядите! – выкрикнул один из священников нэванского храма Ахетатона, самого наиглавнейшего строения Верхнего Египта.

– Ибаш направляется в город! Ему нельзя уйти!

Все обернулись. Жрец действительно под увлечением молодой пары друг другом и остановкой над ним внимания, решил ускользнуть через колоссальные врата. Возница, занимавшийся в тот момент упряжью и конями, услышав египетского священника, тут же вскочил на тумбу колесницы и ринулся на выход, вмиг настигнув служителя Сераписа. Тот от испуга, еще издалека заслышав цокот лошадей, чтоб не быть сбитым повозкой, прижался как можно ближе к стенам.

– А, мерзкий предатель! – воскликнул возница.

– Именем трона святого города. – Остановился всадник, заслышав голос Нефертатонптах. – Приказываю тебе!

Но воин уже занес над несчастным кнут.

– …Оставить жреца!

Но то ли возница недослышал указ Нефертатонптах, а быть может, он вошел так в ярость из-за какой-то личной неприязни к жрецу, на тот момент власть наследницы Верхнего Египта еще не была утверждена, поэтому солдат имел возможность лично проявить свой суд. Он со всей силы обрушил плеть на тщетно укрывавшегося жреца, но тут его ло-

шади, из-за пущенного в ход хлыста, встав на дыбы, обрушились на жреца, тут же покончив с ним. Грозное лицо воина приняло смятение, после чего он повернул голову в сторону принцессы, гадая, как уйти от нечаянной ответственности.

– В двух шемах[14] отсюда есть несколько солдат, оставшихся верными служителям Птаха. – Решил вывернуться он. – Прошу, принцесса, я повстречаю и приведу их сюда!

Принцесса дала свое согласие.

В это время обогретый ярким светом небесного светила Гассан радовался, что все идет удачно. Он выпрямился, ощутив под нательной рубахой пот. Снимать жакет не было смысла – одежда просохла. Температура воздуха Египта становилась с каждым новым днем теплее, когда как в землях Ханаана легкий ветерок в это время на начало времени засухи в Египте только еще начал радовать своим теплым дуновением граждан Израиля. Гассан, не раздеваясь, как-то просто отдавал своим традициям, но скорее филистимлянина, чем новоявленного иудея, «все свое ношу с собой, и чтобы руки были свободны» – гласила филистимская пословица.

– Да, но надо что-то делать с телом жреца, – сказал Гассан, после того как воин принялся разворачивать колесницу по направлению к выезду.

Сказал он так, чтобы отвлечь влюбленную парочку и приступить к тем делам, что, вероятней всего, не по силам исполнить джинну, а именно сделать Нефертатонптах прави-

---

[14] 13 км.

тельницей Египта.

Влюбленные о чем-то переговаривались между собой, закончив и проводив взглядом солдата, повернулись к Гассану.

– Так что?! – громко сказал он, заметив их взгляды.

Нефертатонптах и Несер посмотрели друг на друга, затем оглянулись в сторону ожидавших их ответа жрецов, юная египтянка обратила взор на своего жениха, камненос поспешил изучить распростертое неподвижное тело, вдруг решив высказать свое мнение.

– Да, – прокашлялся Несер, нерешаясь дать ответ переглядываясь с собеседницей, – мы тут с Нефер Птах решили, что стоит снова набирать войско и граждан, нужно оживлять древнюю столицу Но.

– О да! Конечно, – от чего-то их наивное решение забавляло филистимлянина. – И каким способом вы собираетесь это сделать?

Самоуверенность его друзей, пара отчаянных пилигримов, один из них неутвержденный потомок древних династий, несколько забавляла Гассана, чье провозглашение бы на трон без всякой на то возможности, кроме как оказавшись сейчас в храме Амона лишь при помощи волшебства. Но он не знал о том, что небольшая часть древнего города еще оставалась в своих домах, когда все же большая часть жителей покинула эти места, перебравшись к местам основания их религии туда, где редко шли дожди. В те времена торговля тростником в Египте уменьшилась и вся большая

часть внешнего рынка составляла бытовая утварь и в большинстве достояние население было за счет массовых развлечений. Земля тростника Верхнего Египта все больше теряла статус центра, а также продвинутого культурного обмена и хозяйства.

Парочка молча глядела на филистимлянина, давая понять самому решать о предоставлении им помощи. Священнослужители же ожидали ответ принцессы Мисраима, единственным потенциальным правителем их страны удерживали, придерживаясь, отголоски законам прежних времен, когда правили семьи трона. Они осматривали тело высокопоставленного жреца, еще недавно принимавшего свои указы в дворцовом храме Но. Начиная понимать, что они хотят от него, Гассан читал на лицах своих товарищей ожидание.

– О нет, ребята! Вы слышали, я дал отчетливый приказ джинну. Ну, кто я? Я простой камненос! Такой же работник, как и Несер!

Взгляды его друзей не переставали сходить с него. Египтяне точно знали, что участие в их судьбе Гассана – это еще не предел, это только начало. Не зная, что им ответить, филистимлянин обратил взор на солнце, сощурившись, перевел взгляд на декоративные кустарники, более всех выделяемый ряд сопровождавший парковый проход сфинксов с мордами баранов. Где-то там, среди декоративной зелени парковой аллеи, красовались другие статуи, проявляя какую-то свою игру сценических идолов. Нефертатонптах и Несер снова по-

смотрели друг на друга. На этот раз их немые взгляды между ними говорили, что «Гассан что-нибудь придумает, дорогая» и «Гассан что-нибудь придумает, отступать некуда, Несер!», их бессловесную речь перебил старший священник, обратившись к Гассану:

– Господин, негоже оставлять тело священнослужителя между вратами священного двора, – сказал Атдеп. – Его тело должно пройти истинное погребение в долине Знати. Его душа должна пройти путь судов в Та-меху.

– Куда?! – удивился Гассан.

– Очищение, – добавил священник в летах, – лишь места обильных дождей могут очистить его сущность.

– Вот они им займутся, – Гассан терял терпение от новых задач, и решил перевести следующую проблему на как он считал Нефертатонптах также и Несера, предположительных правителей Египта.

В этот момент он желал поскорей обрести покой в ближайшем водоеме. Его друзья окружили священнослужителей, находившихся у тела Ибаша.

– Ладно, ребята, сейчас предлагаю окунуться. – Сделав предложение скорей самому себе, Гассан направился во внутренний двор дворцового храма. – Атдеп, – но, развернувшись, решил сам озадачить верноподданного служителя идолопоклонничества, – пока оттащите жреца в место, где он сможет “уединиться в своем одиночестве”. Я в бассейн, ребята. Я на жаре… уже истекаю потом. Предлагаю и вам

тоже охладиться… – выкрикнул Гассан, подбирая слова, но не получая ответа от своих занятых спутников, направился по своему пути в сторону других колонн, еще раз обернувшись на лесопарковые насаждения, откуда выглядывали едва заметные и неизвестные ему герои египетских пантеонов.

Пожалев на миг, что оставил своих друзей, Гассан, быстро уверевши себя в том, что с ними ничего не случится. Прошел через примыкавшие друг к другу разные по строению построения с декоративными орнаментами, по простому совему убранству обособленных черт системы комплекса дворцового храма, наконец оглядывал величественный бассейн, немного заросший тиной, но, как он отметил, с еще работавшими механизмами, готовился охладиться при нарастающем полуденном зное солнца. Сложив аккуратно одежду, не снимая, естественно, по-походному массивных штанов, зажмурившись, бросился в водоем. Вынырнув, получил удовольствие от ныряния. Однако после этого он стал ощущать неприятный запах воды из-за того, что ее давно не меняли. Бассейн дополняли новой водой при уменьшении из-за испарения солнечными лучами воды все же, так делали, наверное не часто, только несколько раз, три или четыре раза на каждый период сезонов. Гассан, обнаружив мертвых москитов, поспешил покинуть искусственное озеро, недовольствуя о запущенности бассейна.

– Не хватало найти здесь и дохлую лягушку, – пробурчал Гассан и усилил ход.

Но, заметив все-таки живое пресмыкающееся, сидевшего на листке кувшинки, выругался, вспомнив о священном морском идоле, по легендам своей родины, обитавшем в Большом море. Тут же отбрасывая прочь мысли о нем, он вспомнил о первой своей возлюбленной, затерявшейся где-то на границе между Израилем и Филистией, как на террасе бассейна он заметил ребенка, что-то делавшего на лестнице, спускавшейся в бассейн. Опуская вниз руки, зачерпнул немного ладонями воды, поднимая, затем, приложив их к лицу, снова опускал в воду. Одежда ребенка была чем-то испачкана, но стирать он ее здесь явно не собирался. Вдруг Гассан заметил что-то блеснувшее у него в руке.

– Эй! – выкрикнул Гассан. – Ты что это собираешься тут делать такое?! Не видишь, тут я купаюсь?! Мало того, что здесь жабы водятся, так ты тут ритуалы всякие устраиваешь. Брось железку! – прикрикнул требовательно Гассан.

По всей вероятности, ребенок был из безвольных, находясь в услужении священнодействующих людей, испуганно отреагировав на речь филистимлянина, тут же поспешил выполнить приказ. Приблизившись, Гассан обнаружил, что это девочка лет одиннадцати. Она ждала его, привстав, вид у нее был потерянный. Она не знала, что ей дальше делать. Гассан достал из воды оброненную ею вещицу – лезвие малого кинжала. Повертев в руках, он спросил ее:

– Что это?..

Но девочка не понимала его слов. Тогда Гассан, научив-

шись нескольким египетским словам от Несера, кратко по-другому изложил свой вопрос:

– Чье? – спросил он.

На его вопрос девочка тут же что-то ответила, пытаясь объяснить свои действия, но лишь с двумя понятными ему словами, из которых он знал «жрец» и «Амон». Закончив, она присела, закрывшись руками, и тихо заплакала. Гассан пожалел, что стеснил юную незнакомку своим вопросом.

– Да ладно, что ты. Я же не из плохих людей. – Гассан пытался успокоить ее.

Но крохотуля оставалось безумиренна.

Ее одежда не была похожа на одеяния обывателя Египта. Поясок, вокруг талии, вероятно, был из шелковой пряди, а подол платья находился ниже колен. Ее волосы могли бы предположить, что на ее голове парик, длинные головные маски обозначали ранг невинности в жреческой гильдии Месопотимии, но непослушные пряди разбивались, вопреки строгой копне скрывая часть обнаженных рук, обнявших колени.

– Ладно, потом разберемся. А это я забираю себе, ясно? – как можно мягче сказал Гассан ребенку.

Но девочка словно уже была отдалена от его присутствия.

– Наверняка козни этого Ибаша, – предположил Гассан.

Когда штаны его подсохли на нем, Гассан не стал оголяться перед ребенком, он не спеша, походил вдоль бассейна еще раз пробовал изучить механизм, производивший шум при-

боя. Когда понял, что штаны его подсохли, он вернулся к незнакомке, чей вид оставался подавленным.

– Эй! А что это за местная стела? – обратился он к ребенку, рассматривая памятник с фигурой жука-скарабея, находившийся рядом с бассейном. Но девочка, оглядевшись на него, не понимая его речь, вновь уткнулась лицом в колени. Но слезы ее, как заметил Гассан, высохли, что обрадовало филистимлянина.

Гассан не любил насилие, как и плач детей, даже если это рыдал грудной ребенок, пока мать не примется за его кормление грудным молоком.

– Ладно, не хочешь – можешь не отвечать, – сказал каменос.

Он надел жакет и обулся в свои позолоченные ныне новомодные в Израиле туфли.

Как вдруг девочка, заметив обувь, указывая на них, что-то сказала.

– Что? Что? Я тебя не понимаю, дорогая. Что ты там бормочешь?

– Она говорит, что как-то уже видела такие туфли во сне.

Гассан услышал голос Несера, который делал вид, будто, случайно заметил их, приближался к ним. Вид камненоса был важным.

– Ну, скажи, что я ей подарю такие же туфли, когда мой друг станет здесь царем, – пошутил Гассан.

– Ну-ну, поспеши тогда… – загадочно произнес Несер, ед-

ва сдерживая предательскую улыбку, скрывая упоение.

Вконеце концов расплывшись в удовольствии, затиснув большие пальцы в кожаном изодранном кушаке на талии, камненос выглядел наивно в своем ложном образе величия.

Однако на удивление двух мужчин девочка стала что-то бормотать мотая головой и указывать то на Несера, то на филистимлянина.

– Да что ей опять не нравится? Несер, объясни, – сказал Гассан другу.

И слушая ребенка, лицо египтянина становилось озадаченным. Он слушал девочку, смотря то на филистимлянина, то на нее. Когда девочка закончила говорить, она снова уткнулась в колени.

– Что?! – Гассан не мог терпеть молчание Несера.

– Вообще-то это как бы местный оракул – девочка может предвидеть будущее, – пояснил Несер.

– Ну и что она говорит? Несер, прошу тебя, не тяни, – просил заинтригованный Гассан своего друга.

Но Несер отчего-то не спешил с ответом. Но когда он говорил, он обдумывал каждое свое слово.

– Я думаю, дитя много может понапридумывать. Я полагаю, тебе не стоит знать, о чем она говорит, считаю, что это просто фантазии религиозного фанатика.

Гассан не понимал его.

– Наверняка накрученные мысли с ее раннего детства по всем видам ритуалов поклонения поразили ее воображение.

Но мы-то знаем, Гассан, кто настоящий пророк и мудрец всей силы волшебства! – заговорщицки сказал Несер, обращаясь к коллеге и другу.

Филистимлянину даже не надо было гадать, о ком ведет речь египтянин. Всю жизнь скитавшийся по разным местам в долинах Ханаана и аль Машрика, он точно мог отлечить хорошего чего человека от жулика. Он имел в виду царя Израиля Соломона ибн Дауда.

Гассан обвел взором парк. Роскошный сад вдохновил его вырастить такой же когда-нибудь, когда разберется, что ему делать дальше. Он погладил по-отечески голову ребенка и повернулся к Несеру, когда тот предложил ему жестом пройти с ним.

Девочка еще немного посидела в своей позе. Глубоко задумавшись, она положила подбородок на сложенные на коленях ладони, задумалась о чем-то своем, детском, покинув пруд дворцового комплекса лишь тогда, когда мужчины скрылись из виду.

Несер и Гассан вошли на большую веранду примыкавшую к аппартаментам Аменхотепа Третьего, куда наверняка бы поместилась его хижина в Гиввефоне со всем его хозяйством. крытая терраса полусферой укрывала ее основную часть от солнечного зноя. По бокам находились расставленные медные и глиняные горшки, гипсовые и медные фигурные скамьи, покрытые каким-то выкрашивателем, скрывавшим металл. Уже высохшие смешиваясь с живыми растения

овивали внутреннее расположение большого шатра. Гассан задумался об этом утерянном большом великолепии скрытого на десятилетия места царственного комплекса, как вдруг со стороны входа во двор на пороге лестничного марша показалась Нефертатонптах. Гассан огляделся. Кругом стояли обшарпанные сооружения, но не потерявшие еще свои краски. Посмотрел на небо.

– Хм, – задумался он, – а когда-то здесь процветало великолепие могущественного царства и, пожалуй, зарождение народов Двуречья. Что ж…

Он сделал задумчивый неглубокий вдох, решая про себя, что ему делать. Считая, что это нужно особенно для Нефертатонптах. Он отошел от них, поднял вверх руку, сделав в воздухе круг, произнес заклинание:

– Леху мешарет абот ликрателай!

Внутри быстро рассеивающейся дымовой завесы появился джинн.

– Слушаю внимательно, господин кольца! – произнес дух.

– Дорогой джинн, вот, понимаешь, ну, надо бы… – в его представлении где-то обшарпанные, с отвалившейся штукатуркой, но сохранившие свой цвет колонны и стены древнего царства уже приобрели новую жизнь. – Чтобы все было как прежде, здесь цвели цветы… – Гассан указал на увядшие обвивавшие веранды цветы, как вдруг тут же возле Несера и их спутницы они распускались.

– Этот шатер… – продолжал Гассан.

Полусфера, скрывавшая от знойного солнца людей, покрытая прозрачной слюдой крыша вновь приобретала свою целостность и краски. И все остальное, куда бы ни показывал Гассан рукой, мгновенно обновлялось. Джинн словно настолько стал понимать желания владельца кольца Соломона, что предугадывал их. Филистимлянину оставалось только озвучивать.

– Стены. Вот рухнувшая какая-то будка, нужно восстановить… – Гассан на ходу уже придумывал новые элементы того или иного строения.

Где-то он попросил сделать еще одну надстройку, лестницу, задумав, что кто-либо из гостей решит подняться там и прогуляться.

– А там, джинн, за той стеной, есть чудесный бассейн, воду заменить, сады восстановить, – указывал Гассан, словно подготавливая дворец для себя, – и далее, далее…

Наконец все стены восстановили свой цвет и те углубления, в которых некогда были вставлены драгоценные камни. После реставрации по краям огромного лестничного марша, ведшего к центральному входу через купольный шатер, как оказалось, некогда были поставлены две фигуры людей с головами собак, у каждой стелы в руке имелись секиры в боевом положении. Дух закончил свое волшебство, как Гассан еще не успел полностью сделать оценку воссозданию храма. Но ему тут же захотелось окунуться в бассейн. Когда они спустились во двор по широкой лестнице из восстановлен-

ного шатра с площадки ведущей к огромным многочисленными колоннам и внутренним меж ними залам с восстановленными малыми строениями, одно из которых Гассан просил восстановить по своему усмотрению, попали на открытое место, оказавшись на самом солнцепеке. Гассан кратко посмотрел на принцессу, но той некогда было замечать на себе его вдохновенный взгляд, она была впечатлена преобразованием ансамбля Фив.

– Севет тар ави анис бав[15], – произнес зачарованный Несер на своем родном языке.

С раскинутым великолепием мог разве что теперь сравниться лик Нефертатонптах. Красочные росписи стен и статуй вдохновляли Несера на признание, вырвавшееся из его уст. Девушка услышала египетского скитальца, слова приятно поразили ее, но признавая в себе гордость царственной особы, она не подала виду. А Гассану не терпелось искупаться.

– Давай за мной в бассейн, охладимся там, после думать будем. – Прежде всего Гассан приглашал принцессу.

Но после того, как вслед за путешественником двинулся ее земляк, девушка последовала за мужчинами.

Гассан, вернувшись к бассейну, остановился, завороженный. Перед его взором было то, что он упустил, ведь, как оказалось, по оживленному бассейну здесь были фонтаны. Как разветвленные серебристые пальмы виднелись они из-

---

[15] Каким было прекрасным древнее место.

далека, рассыпаясь струями в основании квадратного ребристого ограждения, служившего резервуаром. Теперь он понимал, зачем мифические звери расставленные по округе, как бы неполноценно представляя архитектуру, даже портили ее вид, из которых уже вырывались водяные струи.

– Ребята, можете пока прогуляться туда, а я еще окунусь, – с вниманием он подошел к стеле жука-скарабея, скинул халат и, оставив на себе обвязанные бархатным туеском поношенные штаны, кинулся в прохладную воду. От него тут же пошли волны. Одна из волн включила механизм, имитирующий волны прибоя.

– Хох, ух ты! Ух ты, хорошо! – Филистимлянин был вне себя от счастья, ему захотелось себя еще чем-то порадовать, он тут же передумал отдавать девушку своему товарищу.

– Нефертатонптах! – выкрикнул Гассан.

Друзья оглянулись.

– Давай ко мне! – Он махнул рукой, поднимаясь на искусственной волне.

Его конечности едва доставала дна, но очередная волна, подхватывая его, вновь поднимала. Но девушка не спешила присоедениться к своему другу. Она посмотрела на Несера, а тот не отрывал взгляд от нее. Наследница царства Верхнего Египта на его удивление допуская в нем скорей египтянина, нежели жителя родом из древних ханаанеев, взяла его под руку, и они направились вдоль аллей к насаждению кустов, где на их впечатление появлялись разные плоды.

– А, ну ладно. У-ух как, ха-ха-ха, – радовался Гассан.

Солнце стояло в самом зените, и скорей это был солнцепек, к которому Гассан, проведший свое детство среди лесных насаждений, еще не привык, что нельзя было сказать о его друзьях, родившихся в стране пирамид и большого Сфинкса.

Наплескавшись, Гассан поднялся по лестнице бассейна, выжал одежду, убедившись по сторонам в отсутствии других лиц, довольствовался жизнью. За время его путешествий на лице появилась небольшая бородка и усы. Почувствовав внезапно приступ голода, он решил устроить пир, как вдруг ему навстречу из одного из столбов прямоугольного двора окруженного крытой колоннадой с примкнутыми местами стенами появился жрец Атдеп. Завидев Гассана, он ускорил шаг, направился к нему и, приблизившись, стал с ним говорить на своем языке.

– Подожди, подожди, старейший. – Человек выглядел на сорок лет старше его. – Не семени так. Я тебя все равно не понимаю. Ты вон туда, – Гассан показал рукой в сторону исчезнувших из вида его друзей, – к ним обратись, а потом ко мне.

Жрец поклонился и направился дальше, выискивая остальных.

– Погоди, погоди, скажи там им, что пора бы подкрепиться, старче. – Остановил его филистимлянин.

Тот кивнул и продолжил путь.

– А, все равно ничего не понял, придется опять думать, самому все решать, – сказал Гассан вслух.

Убедившись, что остался один, он решил, что с оживлением города сюда кто-нибудь проберется. Взяв халат, он направился на поиски заведения, которое бы походило отдельно для трапез, однако, оглядевшись по сторонам, у него возникла другая мысль. Он вызвал джинна и попросил перенести всех к нему. Джинн исполнил его просьбу. Перенос его друзей к водоему шокировал лишь священнослужителя. Жрец долго оценивал ситуацию, с тщетным поиском ответа в лицах людей каким образом они перенеслись. Здесь для Нефертатонптах и Несера уже находился заказанный стол с различными яствами и фигурными скамьями.

– Ну что молчишь? Как рыбина надулся, – обратился Гассан к священнику.

Ему однажды пришлось наблюдать вздувающихся рыб, когда он некогда принимал участие в ловле рыб в Невкусном море, пока не сошел на берег в Яффе.

– Говори, что хотел, чего искал-то? – Кивнул он в сторону своих доброжелателей.

И только когда филистимлянин махнул на молчание жреца, направляясь к столу, то оживился.

– Госпожа, – начал он, – приехала гвардия из деревни во главе с Масура Хаб Ини со множеством всадников и солдат, и велел передать, что желает видеть принцессу Нефертатонптах, как и то, что народ, если постигнет, что она и в самом

деле дочь великого Тутхепера, то присягнет ей и изгонит из Таниса и Мемфиса самого Сусакима и жрецов его во главе с Абду иль Харми из иль Магриба, – сказал жрец храма Птаха.

И тогда девушка поняла, что она теперь полностью зависит от Гассана или, точнее, от его магического духа. От этого известия мысли ее были смятенны. Отныне Несер для нее просто хороший, но…и лучший друг. Она кротко посмотрела на него, словно сожалела, что выбрала этого соотечественника в мужья. Но, как оказалось, она поспешила. Несер, глядя на нее, не знал, о чем она думает.

– Вскоре нужно будет известить жителей сохранившихся окрестностей, ваше величество, – подсказал жрец, что еще больше сосредотачивало принцессу обращения за помощью к Гассану.

Нефертатонптах направилась с гордым взглядом к филистимлянину, нельзя было подводить людей.

Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб благодушно принялся за еду, в первую очередь откусил сочный плод, затем обратился к жаркому. Заметив, что за столом никого нет, обернулся, его рот был уже в жире от жаркого.

– Вы что… я для кого тут?.. – На его лице была досада. – Несер! – обратился Гассан к мимо идущей Нефертатонптах.

Замеситель строительных растворов понял товарища и пошел вслед за девушкой к столу. Жреца волновало три вещи: наместник государства, еда и позовут ли его к столу, о силе магии, он уже знал. Не замечая смущения на лице егип-

тянки, Гассан продолжил трапезу. Но после того как принцесса присела за стол, так и не притронувшись к еде, Гассан заметил.

– В чем дело? – спросил он девушку.

Он уже заканчивал прием пищи. Нефертатонптах рассказала ему о причине.

– Так! Это надо было тут же решать! – Обратился он к жрецу: – Старейший, иди к людям, что были там где аллея сфиксов, да скажи, что к ним выйдет принцесса всего Мисраима!

Жрец на удивление Гассана тут же направился прочь.

– Он что, понимает меня? – спросил он скорей самого себя. – Ну, хорошо, друзья, э… – Гассан заполнил серебряный бокал с выгрированными на нем божествами Египта, – выпьем.

Он поднял кверху бокал.

– За Мисраим! – сказал и выпил.

Его поддержал только Несер. Нефертатонптах воздержалась, держа кубок в руке.

Отчасти Гассану льстило, что судьба его друга в каком-то смысле, как и многочисленные толпы людей, могла зависеть от него. Но являясь простым обывателем Филистии, он относился ко всему легко, да и не желал принимать для себя факт ответственности. Но есть такая Нефертатонптах, девушка красивая с деловым подходом и неписано требующая постоянного нахождения при себе партнера, такие особы нрави-

лись Гассану Абдуррахману ибн Хоттабу, однако семейными узами молодой человек в ближайшем будущее не спешил себя связывать. Впрочем, рассчитывая помочь принцессе Ташемау, был не против построить с ней отношения, конечно, если это не навредит его другу Несеру, чьи отношения с принцессой становились все явней.

Однажды взглянув на своего друга, замесителя растворов, филистимлянин задумался, что же принцесса нашла в нем, грубо подстриженные немытые волосы, пухлощекий, и если, конечно, ему не питаться той едой, что время от времени приносил им джинн, Несер выглядел бы как бедняк. Филистимлянин не мог стерпеть ожидавшей его с наполненным чаром в руке Нефертатонптах выйти к людям и быть с ней в качестве поддержки.

– Ладно. – Он стоя допил из медного бокала вина. – Пойдем к народу. Но речь, дорогая, – Гассан слегка захмелел от сладкого напитка, – будешь толкать ты.

Девушка ничего не сказала, она считала, что ее судьба вот-вот перейдет в решающий момент. Они прошли сквозь крытый колонный зал, Гассан еще раз подивился архитектурам ранним мастерам.

– И где наш друг, зодчий Соломона? Вот он бы подивился этим столбам… – произнес Гассан мысли вслух.

Стены, ожившие красками, представляли подробные рассказы в виде изображений. Они прошли через главный вход дворцового храма, попав на террасу, обвитую растениями,

где Гассан ощутил знакомый приятный запах цветов. Пройдя через следующие огромные стены, дойдя до усеченных башен, они вышли к обзору аллеи садов и малых сфинксов. Гассан и тут был поражен множеством финиковых и мандариновых деревьев, казалось, их было тут не счесть, а искусственные фигуры дворцового парка были настолько ярки, что были словно живые. На площади широкой лестницы по бокам огромных стен у входа стояли человекоподобные статуи с головами птиц. В руке одной из них было копье, у другой – джед, из серебряного древка, как предположил Гассан. Но колоссальный их вид внушал, что они сейчас сойдут и направят свое оружие против чужака. Спрятав в себе свои воображения, Гассан обратился к людям, с почтением взирающим на него с низу парадного марша Масур Хаб Ини, два лучника и Атдеп. Заметив за Гассаном принцессу, лучники присели на колено, опустив головы, солдат третьей квадриги, приложив кулак к груди, согнув голову в знак приветствия и вновь обратился взором на Нефертатонптах.

– Моя принцесса, единственный и последний наследник фараонов меж царей, наставник всемогущего Ра и Птаха Ра, народ города городов Та-шемау приветствует тебя! – сказал воин и снова на какой-то момент приложил руку к груди, опустив голову.

Нефертатонптах в детстве не имела терпения изучать придворный этикет, сейчас она сожалела об этом. Но что-то помнила. Она подняла руку ладонью к народу, в руке у нее

должен быть медальон власти, о месте хранения которого она не знала, но и пустая ладонь означала пожелание народу здоровья и процветания, а также что он может расчитывать в поддержке на только что взашедшего на трон монарха, собственно, для привлечения внимания. Но такой жест был для случая, и многие из граждан о нем не знали, и только Атдеп прислонил ладонь после ее жеста к груди, склонив голову. За ним повторили как за верховным священником. Но далее Нефертатонптах не знала, что делать, а главное, что сказать подопечным. Она уже решила обратиться к Гассану, чтобы тот понял ее беспомощность и скорей что-нибудь предпринял. Гассан ожидал, что дальше произойдет. Филистимлянин сам терял терпение в затянувшейся безмолвной паузе, и он бы не вытерпел, но тут Несер незаметно подошел к нему.

– Думаю, они ждут именно тебя, мой друг, – шепнул он ему на ухо.

Не надо было гадать, кто ждет его помощи на самом деле, но для Гассана египтяне не были его народом, и когда-то даже противниками евреев, преследовавшие их в незапамятные времена фараоном до Красного Моря, но зарождением дел его новыми государями Мисраима или Дома Птаха из своих друзей был лишь он.

– Давай, иди и скажи им, что у них все будет хорошо. – Но слова Несера пролетели мимо Гассана.

Как вдруг ему на выручку и облегчению поспешила их подруга, истинная принцесса трона. Она начала речь. Несер не

обращал внимания на свой внешний вид, одежда крестьянина никак не вписывалась с выступлением Нефертатонптах. Но у нее не было выбора, он ей был необходим.

– Люди Дома Птаха Ра, – произнесла она, – мы долго путешествовали, и вы знаете, – дочь Псусеннеса I не знала что говорить, – что жрецы-идолопоклонники похищали меня, чтобы вновь нести бесчинства и ересь и разрушить вековые справедливые традиции нашего благожелательного народа.

Лучники с восхищением взирали головы, Нефертатонптах подала знак, чтобы они приподнялись с колен.

– Город городов и город между двух путей вновь оживет, – говорила она.

– Да! – воскликнул возница колесницы, лучники еще не смели говорить.

– Мы вновь возродим наши былые города древнего Мисраима, пашни будут принадлежать народу. Человек не будет бояться своих господ, все мы будем жить на процветание и радость народа безмерного Дома Великого Строителя [16].

– Да! – не выдержал воин.

Атдеп также радовался возрождению царства.

– Молодец, Нефа, – радовался за нее Несер.

Нефертатонптах не молчала.

– Мой муж, – продолжала она, даже не зная, откуда появлялись у нее такие мысли, она все придумывала на ходу, как и на удивление самого Несера, стоявшего рядом с ней, –

---

[16] «Птах» переводится как «строитель».

Несер Сим Хор Басра, родом из коптских царей, приветствует вас, подданные Та-шемау! – продолжала девушка.

Такими словами ее соплеменник был просто удивлен, ему хотелось воскликнуть, но Несер едва сдерживался. «Вот это да!..» Уже мечтал заключить девушку в объятия, он и не догадывался, что все будет так чудесно.

– Мы прошли много путей сквозь ветра и дожди, возвращаясь обратно после преследования меня непристойным Ибашем, приспешником чернокнижника из Магриба, – продолжала принцесса.

– Его теперь нет, принцесса, земной дух поверг его в пучину и забрал его душу с собой! – вскрикнул воин-возница.

Его потертое обмундирование блестело на солнце, когда он двигался.

– Совершенно верно, воин. – Она забыла его имя.

– Меня зовут Масур Хаб Ини, я представляю, принцесса, всю волю народа и являюсь истинным слугой царей всего Мемфиса, – не скромничал солдат.

Воспользовавшись молчанием принцессы, он продолжил:

– Сам я из рода казначеев, сын достопочтенного Хаб Ини Сат, государыня, из города Акимы. Лучники, – вспомнив о двух стоящих рядом с ним людях, – сыновья лучшего из купцов Акима. Мои братья и люди давно ожидали прихода государя, иначе и быть не могло. Восстань против жрецов, принцесса, которые изживают народ, – говорил возница тем самым представляя о ситуации в царстве. – Большие горо-

да превратили в малые, – говорил Масур, – а там, где были лишь поселения, гуляет ветер, царица, люди покидают Ташемау, Марес – страна тростника – теряет свое предназначение, крестьяне уходят к владыке Себеку великоподобному, что у бассейна Красного моря. Верни, принцесса, порядок в Мисраим, возроди храм Амона Ра, повелителя яркого небосвода и неземного пространства.

Нефертатонптах услышала их, пообещала, что выступит перед народом, попросила назначить ей помощников, возглавить конное войско и пообещав о походе в сторону Тамеху и объеденить Мисраим повернулась в сторону высоких пилонов. Там, за большими стенами, она уже ожидала найти для себя покои. Здесь расположенного в Фивах в городе Но Нефертатонптах жила в детстве.

Гассан проводил взглядом удалявшихся поданных, только Атдеп поднимался, чтобы шествовать за принцессой.

– Постой, старче, ты что, понимаешь, что я говорю? Только не отрицай, пожалуйста, —Гассан негласно определив для себя жреца советчиком, заметив выполнение его просьбы, во время трапезы у бассейна с друзьями отослав его за местными жителями и теперь, он решил сделать из него культурного просветителя ранней жизни забытого храмового дворца.

Но жрец снова сделал вид, что не понимает его.

– Старикашка, ну, погоди у меня, проучу я тебя, – без злобы пробубнил ему вслед израильский камненос.

День близился к вечеру. Заходившее солнце, проникая

светом сквозь величественные преграды центрального входа дворца посвященного единому божеству словно рассекал пилоны, попадая прямо в зал с многочисленными колоннами. Там лучи заката, отражали самоцветы, выявляя картину не меньшего восхищения, постепенно выявляя одну из разрисованных историй ранних времен.

Но об этом Гассан еще не знал.

Некоторые люди из гильдии священников оставшиеся при храме, вполне которые уже считались вновь призванными, и чьи дети помогавшие им, носили посуду, утварь, обустраивая быт допустимых новых правителей Верхнего Егтпта. Следя за освещением, в зале Гассан, пройдя несколько колонных рядов, попал в другое крытое помещение с площадью в несколько больше бы численности его комнат в Гиввефоне, что у дяди Равена, там, расположились его друзья.

– Так что, друзья мои, неземные правители, и друзья жителей неба и солнечного диска Ра? – Гассан с порога отдавал шутками наследникам Рамсеса, задержавшись для совместного приема пищи с друзьями, в изучении древней культуры по местам стен.

Присутствующие не знали еврейского языка. Уже успев отужинать, Несер сидел, развалившись на по-царски фигурной скамье.

– Что делать будем? – Удовлетворенный осмтром достопримечательностей архитектурного зодчества и парковых аллей, он был еще сыт и безучастно посмотрел на заставлен-

ный яствами стол.

Он желал себя занять, но не знал чем.

Взор у Нефертатонптах также был вопросительным, казалось, в ней мало осталось от той доброжелательной уступающей девушки, теперь ее взгляд был точным, более не свой, но даже властным, теперь она принимала руководство над Несером.

– Мы решили пожениться, – сказала она.

Филистимлянин ожидал этой новости. Оставляя их на пару среди придворных он только приближал их взаимоотношения. Задерживаясь, он попал на одну из ответвленных дорожек парка, позабавившись над найденым в зарослях попугаем передразнивая его, попав туда из зала расписанных стен, понаблюдал за крокодилом, случайно замечанным ползающего у основания дворцовой террасы в тени, тут же готовым применить волшебный амулет в случае его атаки.

– Поздравляю, когда свадьба? – без энтузиазма спросил Гассан.

Представители династии правителей посмотрели на него, Несер, довольствуясь судьбоносным переворотом, наступившим для него, оперевшись на спинку рукой, поддерживая голову.

– Мы бы хотели у тебя спросить, дорогой Гассан. Денег у нас нет, как такого и жителей, моя жена… – Он посмотрел на Нефертатонптах. – Я и не думал, что так скоро буду женат… – Несер влюбленно посмотрел на принцессу, затем на

друга, – …у меня, дорогой друг, денег нет.

Нефертатонптах молчала соглашалась с женихом.

Гассан же выполнил свое обещание – спас ее, приведя в дом предков.

– Пока бродил, я, знаете, что исчерплал из древних писаний? – сказал Гассан. – Здесь некогда было море, ну или что-то побольше этого, где купался я. Так вот, солнце высушило его, и Ра спустился, взял воду всю и отнес ее в другое место. Представляете?

Он сам был удивлен открытию, он попросил джинна о даре распознавать древние знаки и символы, на что магический дух ненадолго наделил его таким талантом.

– А этот бассейн – это то, что оставил, и жук, мол, его охраняет. Зачем он это сделал? – Гассан ждал ответ.

– Да, и зачем? – не вытерпел Несер, он был заинтригован, даже выпрямился.

– Та бессмыслица, там было переделано все, и части писанины нет. Ах да, там что-то о потопе, или был, или будет, не помню…

Но все, что рассказывал Гассан, никого не интересовало.

На улице темнело, огни из маленьких сосудов, расставленных по стенам, продолжали иногда колыхаться от воздуха. Гассан прошел, уселся на свободный стул.

– Хорошая мебель, не то что у нас дома, – сказал он. – Что же, давайте хоть танцы посмотрим, государи. У вас есть развлечения какие-нибудь? – шутил он.

Он понимал, что судьба Несера и Нефертатонптах зависит от него. Он знал также, собственно, читая их мысли, как учил его дядя Равен, что стоит задать ему вопрос «чем я вам могу помочь?» или «ну, план таков…», они тут же заинтересуются всем, что Гассан предложит, ведь он единственный владелец тайных сил Соломона. Собственно, филистимлянин знал, кто всерьёз желает изменить свою жизнь, а также своего народа. Это принцесса. Но в последнее время его друг и жених Нефертатонптах желал быть с ней, и его намерения были искренни.

– Ладно, я вот что задумал, – сказал Гассан, – но я так скажу: новое царство не должно проявлять раннего устоя, или что-то там, законы. Надо сделать переустановку в народе, а то опять, жители уйдут, а местные переселенцы перевернут все.

– Ну, так ведь ты не собираешься нас покинуть, Гассан? – удивился Несер.

– А что, я свободный человек, мне двадцать три года, я мало еще узнал мир. Наконец, я построил храм для самого Соломона! – сказал Гассан.

Он заметил направленные на него взгляды, дополнил:

– Мы сделали, но теперь у вас семья, новые обязанности, вы преемники наследия Египта, не подведите, пожалуйста, вашего прадедушку, Нефертатонптах, Рамсеса-строителя. Это я прочитал о нем на стенах, он правил двадцать четыре года, сохраните и вы тот статус, друзья мои!

– Что предлагаешь, Гассан? – спросила его принцесса.

Филистимлянин с вожделением и грустью обратил на нее взгляд. Она была красивой девушкой, которую он зачастую возжелая принимал как свою судьбу.

– У меня есть один друг, его зовут Гомер, он из Смирны, это далеко отсюда, из других земель, со своими героями и божествами. Он любитель изучать свою эту… ну, про предков, думаю, он может многому вас научить. Он дядька неплохой, но чудаковатый, весь Мисраим называет Хекиптом, то есть домом Птаха, по-своему. Правда, он немного знаком с вашей историей, но речи у него что надо, по полочкам. На его родине живут свободолюбивые люди, которые все чаще стали прибывать к нам из места под названием Кипр. Та-меху они все больше называют Южным Египтом, не знаю, правда, почему. Я был там сегодня, меня джинн туда переносил. О! Там намного свежее. Постройки, правда, поскромнее, у вас зодчие, что называется, строили на века, – говорил Гассан.

Его слушали.

– Ну, надо же мне было позаботиться о вас и по-поразмыслить над тем местом, где я оставлю своих товарищей, – шутливо оправдывался Гассан.

– Гассан! – Нефертатонптах все поняла.

Она бросилась к нему на шею в объятия и дружески поцеловала.

– Ну, ну, не стоит, – Он взглянул в черные девичьи очи.

Несер нисколько не ревновал ее, он ожидал подобного

действия как от нее так крутых перемен в своей судьбе. В прошлом работник стройки египтянин ныне вопрос дней муж будущей царицы подошел к ним, отчасти был готов принять высокопоставленный пост, а в таинстве стать ответственным лицом Нефертатонптах.

– Ну и что ты намереваешься делать, Гассан? – поинтересовался замеситель растворов. – Ты что, нас таки оставишь?

Но Гассан, не отвечая на вопрос, отойдя от них, вызвал джинна, произнеся волшебные слова, и сделал магический жест. Дух появился моментально.

– Джинн, перенеси сюда грека по имени Гомер, он нам сейчас нужен, – сказал Гассан.

Джинн, как только филистимлянин произнес просьбу, выполнил ее. В помещении появился мужчина тридцати пяти лет с густой порослью на лице, в изодранной одежде, а сам он будто от кого-то отбивался. Во внезапной смене обстановки, он принялся внимательнее изучать новое место , но, узнав Гассана, обрадовался, отряхнулся, они поздоровались, обнялись, филистимлянин представил своих друзей.

– Да ну… принцесса?! – удивился греческий историк. – Настоящий последователь египетской династии?

Он немного был знаком с коптским языком, но с трудом переводил для себя их речь, некоторые слова были неразборчивы, поэтому Нефертатонптах пришлось с трудом понимать их идиш.

– А что, и такое может быть! – Улыбался Гассан.

Вскоре Гассан Абдуррахман все объяснил греку, и он и его друзья решили ввести некоторые изменения в строй жителей государства, приняв в Фивах основным город Но.

Гомер по своему согласию остался жить при храме Птаха и зачастую рассказывать небылицы, которыми удивлял и самого путешественника Гассана ибн Хоттаба.

Во время его пребывания остались те же религиозные взгляды, в учебных группах появились такие занятия, как поэзия и философия. Такую науку как история так и не ввели по религиозным соображениям, но появилась отличительная черта обновления прогресса – в письменность на папирусах стали входить обозначения под названием «цифры», иногда заменяемые рисунками.

Филистимлянин поселился в одном из одноэтажных жилых строений, решив начать новую жизнь, создать семью и самолично, без помощи волшебства, достроить свой дом, как полагалось местным жителям, при увеличении семьи. Этим все реже встречаясь с друзьями новоявленными правителями древнего престола, где речи шли о политике, развитии, врагах, о беременности жены Несера. Но лишь однажды уделив больше времени разговорившись с Несером, ставшим царем, замеситель растворов завел разговор о прежних моментах, проведенном на строительстве храма на холме Исайя. И вскоре, конечно, как полагалось, любопытного филистимлянина желание познания мира вновь тянуло из нового дома. Он так и остался путешествующим филистимляни-

ном, владельцем кольца Соломона.

Осий

Стоял теплый по еврейскому календарю день – начало аяру, следующего месяца после праздника Песаха, в первом месяце нисан от исхода завоевания и освоения евреями Ханаанской земли. Традициями, происходившими от поколения к поколению, с периода гонения евреев из Египта, когда тысячу лет назад этот народ обрел дом на Ханаане, назвав его Израиль, и ныне наступало начало третьего месяца от окончания строения храма Соломона в Иерусалиме.

В это утро Осий Израэль Ефреемейский из Беф-Орона, в прошлом камненос, под крики петухов в самой черте города проснулся окончательно. Крики домашних птиц в государстве были повсюду независимо от мест проживания жителей Израиля как собственно за его чертой, что едва ли чем отличавшиеся от других племен, не вошедших в это царство, но по-прежнему граничивших друг с другом на общей Ханаанской земле. Со своей культурой, бытом с отличием от Израиля, в котором более технологий, как телеги, упряжка животных и правовая форма образования. Внутренний контроль, внешняя политика. Царь Израиля вел не только отношения с граничившими около Израиля племенами, но и более развитыми государствами по своей структуре и промышленности, как Египет, Северная Месопотамия, Финикия, также путешествия к Аласии – части земли, зарождали новое государ-

ство, как от влияния и других царств.

Осий, недолго прожив с отцом, вновь собрался к Иерусалиму, где его ждала новая жизнь.

Попрощавшись с родными и близкими, юноша отправился в путь. Прибыв в Иерусалим, он пришел прямо ко двору царя Соломона, где встретивший его цесарский караульник не знал о нем ничего, а именно то, что он был одним из первых помощников царя под руководством Хирам Абифа, главного архитектора государя.

Хирам Абиф после возведения храма за Иерусалимом, являвшимся в прошлом тайным местом поклонения Всевышнего как Создателя Всего Мира, остался на службе у царя, где и продолжал свои труды.

Хирам Абиф был рожден в Финикии, затем был призван на службу к отцу Соломона Давиду. В раннем детстве он оказался в семье племени израильского колена Неффалима потомков еврейского народа, попав к вдове одного из служителей первого царя, но погибшего в войне с племенами, некогда разделявших границы Ханаанской земли, расположенными между поселениями и племенами царства Израиля.

Слухи о том, что строителей храма на возвышении Исайя за Иерусалимом было семь человек, уже разлетелись по всему царству. Впрочем, их имена никто не знал, взамен этого распрстранялись слухи, что на постройку того храма призывалась часть жителей всего Иерусалима из числа колен из-

раилевых, кроме колена Иуды, отличившись тем, что отказывались принимать участие в строительстве, тем и прославившись у жителей всего Ханаана вплоть до берегов Невкусного моря.

Храм был построен, но на сан ведения служб в нем еще никто не был назначен. Царь, зная об этом, словно ожидал прихода ефремлянина. Осий вошел во двор дома всех домов. В то время посторонние здесь никогда не появлялись, хотя каких-либо ограничений к разросшимся парковым аллеям жителям государства не было, они были ни к чему. Каждый знал, что здесь обитание самого царя с его свитой, а попытки встретить главу царства, останавливал страх перед необратимым наказанием, распространенным по слухам, о том, что двор стерегут два крылатых высоких охранника в ярко-светлых одеждах. И мечи их были в рост человека, и светлые ниспадавшие до плеч волосы стражей могли осветить любого пламенным светом, отчего можно было потерять воспоминания о самом лучшем из своих дней, что происходило с человеком за всю его жизнь, оставляя лишь мрачные воспоминания.

Перед ефремлянином открылся дивный сад, такой ухоженный, который Осий никогда не встречал. Мраморные веранды вмещали в себя фонтаны. Разноплодные деревья были богаты плодами. Выложенная гранитным камнем дорога разветвлялась в разные стороны. Легкий ветер, колыхавший покошенную траву, которая едва могла скрывать щиколот-

ки ног, и листву уложенных кустарников, успокаивал любого вошедшего. На одной из троп террасы появился мужчина в белом подпоясанном одеянии, таком же, какое было у Хирам Абифа под его халатом, на ногах сандалии.

– Вам что-то нужно, дорогой житель? – спросил он, не представившись.

– Меня зовут Осий, я сын Израэля из колена Ефремова из города Беф-Орон, прибыл к царю. Я недавно работал на строительстве, посвященном его храму на возвышении холма Исайя, – сказал Осий.

Для встретившего его человека израильтянин был одним из тех многочисленных безымянных людей Иерусалима, которые принимали в строительстве участие. Выражение лица караульника было спокойным, но лишь с небольшим удивлением: что здесь делает этот простолюдин, если только он не лжет и не является одним из чужеземцев? Все же задумавшись, он попросил оставаться ефремлянина на месте, а сам направился на доклад к вельможам царя.

Осий тем временем решил лучше оглядеть палисад и внешние стены дворца, показывающиеся в зарослях листвы деревьев. Не послушав встретившего его дворцового служителя, продолжил изучать местность. Вскоре не успел легкий ветерок сменить свое направление, как впереди на вымощенной дорожке он заметил человека, напоминавшего ему одного знакомого. К нему навстречу спешил Соломон. Едва поравнявшись с израильтянином, царь протянул к нему руки

и, приблизившись, обнял его дважды.

– Осий! Дорогой! Как я рад нашей встрече! Признаюсь, ждал! Знаешь, – Соломон убрал от него руки и его вид стал более серьезным, – мне нужно тебе много о чем поведать. Ну, пойдем скорее внутрь, – сказал Соломон, заметив непонимание на лице ефремлянина, предложил ему, положив по-дружески свою руку на его плечо. – Осий! Тебе многое предстоит сделать. И в первую очередь это касается самого Израиля. Да, да! Только ты должен многое для него сделать.

Они вошли внутрь одноэтажного здания дворца Иерусалима, на крыше которого было еще несколько малых построек.

Во время проживания Осия во дворце несколько дней Соломон знакомил его со многими науками.

В одной из верхних пристроек находилась астролябия, в другой сам Соломон занимался какими-то изучениями, касающимися материализма и происхождения материализма. Царь называл эти дела наукой, подразделяя ее на математику, физику, химию и изучение земного формирования, чем весьма удивил Осия, который был уверен в своем представлении о космогонии, плохо умещая в себе новые представившие царем труды как изучения творений всевышнего создателя. Но ко всему этому он еще не знал, что ему самому придется познавая трудиться над всем этим, продолжая работы государя.

Другая примыкающая частью к дворцовому зданию полу-

круглой формы из целого камня пристройка с внутренним помещением выходила на двор. Там царь был творцом литературных дел. Там же Осию больше всего нравилось находиться в последующее время. Просторная комната, обдуваемая с двух сторон из небольших окон, создавала уют для размышлений. Но, впервые оказавшись в этой комнате, Осию казалось, что там был хаос. Папирусы, другие твердые тонкие полотна лежали на полу и столе на нем также стояли фигуры, изображающие ужасные гримасы на лицах. В одном из углов помещения была сложена пара в половину человеческого роста масок, изображающих ужас и страх. На стене находилась третья небольших размеров маска, изображающая беспристрастность. Другие фигурки на столе были причудливого вида в виде коробочек на колесиках, напоминавших по виду те, которые он видел и теперь смутно помнил что с ним происходило, находясь в образе джинна, бывая в ином мире. Среди них также было два небольшого размера кувшина для перьев. Косточки, чашки с черной жидкостью.

И позже, остановившись в доме царя, изучая все, чему учил его Соломон, Осий, создавая свою книгу о житие правителя, включил упоминание о миссионере Израиля пророке Исайи и мыслях Моисея, уведшего его народ от тягла египетского царя на земли Ханаана. Отдельная книга его включала послания всевышнего творца сынам Израиля, как и всему будующему поколению человечества, для почитания его, предложив законы о мирном сосуществовании, где Осий их

обозначил как заповеди Всевышнего.

Истинные приключения Гассана

В один из утренних дней Гассан проснулся раньше, чем обычно. Рядом с ним в шикарной спальне, теперь уже не на той деревянной лежанке, которой была у его дяди в Дане, но посреди мягких одеял и перьевых подушек из гагачьего пуха спали две девушки, и посередине их был Гассан. Его щетина вызывала неопрятность, а вот щедрость по отношению к его подругам была без границ. На них были лучшие украшения.

На его правом запястье красовалось кольцо – подарок царя Соломона вместе с другим схожим дубликатом как хитрость. Единственным различием между кольцами, которое знал сам Гассан, это металл, из которого они были изготовлены. И на каждом из них были разные символы. На ненастоящем кольце были слова на иврите «Венец всему», на подлиннике, на древнем иврите были слова: «И печати Соломоновой я подчиняюсь».

Поблагодарив нежно своих подруг, Гассан, одевшись в халат великого везеря – важный чин, придуманный и названный им самим в честь отделения камненосов, некогда набранного при строительстве храма Соломона в Израиле. Прославившись великими делами, Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб, наслаждаясь жизнью во всей ее мере, довольствовался своим положением, не так часто вспоминая о своих коллегах, входивших в тот состав.

Три года назад судьба завела его в Ассирию, царство иной культуры с более бедственным положением народа, который назывался крестьянами. Простые обвыкшие люди подвластные своей доле. Ибо за свои места проживания они расплачивались дорого, той, большей частью, что сумели собрать за весь год. Земледельчество, был их единственный способ существования. Великий царь Ашшурдан Второй видел именно так порядок в своем государстве, как придерживались такой системе и правители городов этого царства. Поэтому крестьянам некуда было деваться, пока он оставался единоличным правителем всей Ассирии.

Девушки удалились в один из тайных проемов его опочивальни.

– Вишух А, – вдруг Гассан остановил одну из девиц.

Молодая особа девятнадцати лет откликнулась на свое имя. Втайне от своих любовниц Гассан имел к этой девушке не только желание, но и нечто, что заставляло его быть с ней до конца каждого дня. Все же по выбору своей половинки он никак не мог оставить ее при себе, простота в выборе любой из наложниц двора, в качестве жены, проживающих именно для утех высокопоставленных лиц государства, вводила его в заблуждение, и которым таким своим развлечениям Гассан намеревался положить конец.

Он взял одно из яблок в вазе, не спеша подошел к красавице. Черные очи пленяли филистимлянина, еще больше рождая в нем страсть. Вишух А и сама была весьма влеку-

щей к себе личностью. Молчаливая, она имела свое мнение, всегда понимавшая юмор везеря. В ее взгляде он словно терял этот мир. Для него никого не существовало, даже стен, и вкусных яств, и спальных одеял, набитых мягким пухом.

– Возьми, – сказал он ей, едва теряясь при наложнице.

Девушка поблагодарила за подарок и скрылась. Гассан не сразу словно приходил в себя, но, тут же забывал о своих обещаниях забросить мысли о других женщинах Ашшура. День был впереди, и Гассан уже представил, как он слоняется по коридорам и незначительным для него разукрашенным переходам дворцового здания, пустоты, как он их называл, в том числе и триумфные вещи, являя собой современный вид достижения цивилизации, представлявшие собой яркие фигуры. Определение культуры Ассирии: в виде оружия, военного обмундирования раннего царства, которые словно извещали о том, что война есть смысл жизни прошлых ее руководителей, и такие понятия, подчеркивали их изображения в виде этих статуй. Филистимлянин хранитель порядка как помощник Ашшурдана, сына Тукульти Апаль Эшара, ныне отдыхавшего где-то у берегов Ниневии, оправившись от болезни с помощью Гассана покинув страну оставил его вместо себя для укрепления царства, или попросту хозяйничать в Ашшуре как новому заместителю.

В подчинении новопоставленного везеря входила часть жреческих гильдий, но та, где господствовало язычество. И это была основная часть жителей, поклонников многобожия,

к которым Гассан относился более или менее, но с деловым подходом к этим особам. Жрецы как бы поддерживали внутренний порядок всего государства, этим Гассан и дорожил. Он неплохо стал разбираться в политике.

Не дожидаясь обходчика, главного прислужника в царских покоях, Гассан без какого-либо интереса, как в последнии дни, подошел к окну. Из него был вид самой большей части города. Этот обзор располагал к созданию планов на день. Так он считал, окинув взглядом свои владения, хорошо принималось решение, чем заняться в предстоящий день. Так было нужно ему, таким образом он принимал эти действия за некую традицию, что не зависило от того день это или другое время суток. Хотя такие мероприятия его со временем в форме властвования начинали угнетать, словно захватившей им ленью, он заставлял себя делать хотя бы это.

Обычно, когда везерь просыпался, об этом знали на кухне, и главный обходчик уже спешил по тайной винтовой лестнице в покои Гассана. Не дожидаясь его, Гассан успел одеться в бархатный легкий халат, сменив спальную атласную длиннополую рубаху, до того как подойти к проему окна своей почивальни открывавшего панораму.

На ум приходила та юная аравийка, которую он недавно отпустил. Проводив наложницу неравнодушным взором, и только потом, переодевшись, направился к окну.

В спальне было тепло. Снаружи ее стен стоял месяц сива-

ну[17], когда температура воздуха начинала прогревать Быструю реку, названную так аккадскими племенами за ее шумный поток.

Вдруг в проеме окна на границе между небом землей темная полоса озадачила филистимлянина. «Что это? Это не моих рук дело!» – подумал он, как вдруг в комнате появился обходчик.

– Ваш завтрак, господин, – тихо произнес слуга.

В этом помещении акустика была такая, что любое тихое слово звучало как обычное. При чем при развлечениях с женщинами их голоса, казалось, отскакивали от стен. Каким образом его джинну удалось создать такие стены, Гассан даже не задумывался.

– Сизиф, подойди-ка сюда, – Гассан позвал слугу к себе, его голос казался громче. – Видишь, что там? – спросил он обходчика, указав на горизонт. Сизиф мало понимал явления природы, впрочем как и не вникал в религиозную тематику. Он пожал плечами, его дело было лишь разносить еду и следить за рабами дворца.

– Прекрасный день начинается, – наугад сказал он.

Гассан посчитал слугу за несведущего человека.

– Иди, – он лишь пожалел, что Сизиф был глуп, как посчитал он.

Однако, грек по происхождению, обходчик был лишь осторожен и в словах, и в деле. Сизиф давно приметил тай-

---

[17] Май – июнь – 30 дней.

ную силу везеря, желая отгадать, какая из драгоценных вещей обладала магией. Кроме колец на руке на безымянных пальцах правой и левой рук Гассан носил по перстню, один был из чистого золота, другой – из чистого серебра, имея также свои тайные воздействия. На его груди был амулет египетского ключа с несколькими зазубринами, то есть он был действующим. Но к какому дверному замку служил этот анкх, никто не знал. Однажды об этом хотел поведать Гассан лишь возлюбленной черноволосой наложнице, но передумал.

Позавтракав, Гассан оделся, как подобает высокопоставленному человеку дворца владевшего всем сулейтанатом. На нем был расшитый узорами халат, обходчик помог надеть его, белый цвет деталей одежды с вышивкой символичных орнаментов на них, символизировал статус особого величия. Начинающийся новый день везеря не являлся выполнению каких-либо дел, как, собственно, и все остальные предшествующие дни. Он не спеша осматривал панораму города.

Из истории Гассана следовало, что он перебрался к северу от Ханаанских земель по воле судьбы, где и остался на долгое время.

Как и в Египте, получив признание общества, молодого человека манила даль. Покинув Фивы и своих друзей, Гассан направился к востоку, так ярко описанного в Египте Вавилон, и спустя время он двинулся к берегам реки Эдема в Междуречье, что следовала к храму Мардука.

Здесь он встретил третий год после возобновленного храма в Борсиппе в Вавилоне, расположенного у озера Ашу, до которого четыре дня пути со снаряженным караваном.

Все это он вспоминал, прогуливаясь по садам дворца, находящегося позади массивных скал Ашшура, размышляя о том, отчего он не в силах позабыть кареглазую наложницу Вишух А, ее смех, улыбку, волосы, пахнущие лепестками каких-то ароматных цветов, обратил внимание на мирно спящего леопарда возле мандаринового куста. Сытый зверь изредка обращал внимание на людей, прогуливавшихся по парку. Сытый, он считал человека не серьезным для закуски.

Наблюдая за диким животным, Гассан все больше желал позвать Вишух А сюда, поделиться с ней, поговорить, но то ли статус, то ли гордыня препятствовали ему в этом. Впрочем, состояние отречения, от счастья покоя меняло его на нечто созидающее, толкало вперед. И магическая вещь, подаренная Соломоном, могущественным повелителем всех джиннов, постоянно напоминала ему о его роли. А роль его заключалась в служении самому царю Израиля и его последователям.

Поставив наконец со своими друзьям храм на холме Исайя, где лишь немногие из поселян Израиля могли появляться там, не потому что им запрещалось находиться в этих местах, но лишь потому, что интереса им до воздвижения храма не было никому, и лишь особые поклоняющиеся жители Иерусалима посещяли эти бугристые, заполненные лесами,

кустарниками и травой места.

Гассан отбыл в другие поселения попытать себя в качестве пилигрима и последователя царя.

Но все путешествия рано или поздно заканчиваются на некотором пути. И теперь, находясь в собственном дворце в Ашшуре, за границами аль Машрика, в дивном палисаде, еще не выходило из головы владельца кольца Соломона явление в панорамном окне на горизонте – багровая полоса, разделяющая небо и землю.

– Танах[18], – подумал вслух Гассан. – Надо бы перечитать заветную книгу.

«Может, там что и говорится об этом?» – уже подумал про себя филистимлянин, как вдруг его охватило одиночество, и в глубокой задумчивости он, вспомнив о друзьях, не выдержав, решив непременно тут же посетить их, оставшихся в Иерусалиме.

Одним из них был Иерован ефремлянин Осий, принявший новое имя в честь верховного судьи колена израильского из мест его родины.

---

[18] Библ.

Еще немного об Осии

Осий родился в городе Беф-Орон, его матушка вела домашний уют. Отец его занимался перепродажей на рынке и вел переговоры с торговцами, где в большинстве случаев это были представители рыбацкой гильдии. С одной из гильдий однажды Хесен Бебедат, тогда еще Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб – часть имен в некоторых племенах Филистии имела дополнительные прозвания от имени своего лидера, – вступил на землю Израиля, прибыв в Яффу. Не знал, с чего ему начать. Поблагодарив своих помощников частью сбережений, что он приобрел за Лоскутика, филистимлянин в первую очередь принялся искать работодателя, а заодно и ночлег.

На побережье толпилось много народу, в основном это были рыбаки и торговцы. Здесь же предлагали и другой товар: муку, крупу, но как правило редко, потому как снабжение этим товаром на рынок израильского царства подходило отовсюду. Но то, что действительно было затруднительно в поставках для самой страны, – это строительный материал. Припасы, продукты, приправы экзотические везли с мест, где разливался Нил, как и тростниковую бумагу, изготовлением которой, собственно, и славился Египет, где царство включало название обеих этих земель, где растет тростник, или Та-шемау, и Та-меху – земля папируса.

Хесен об этом государстве вряд ли знал и мог лишь слышать о нем, живя на своей земле не имея для себя знаний о других народах. Его родина Филистия одна из частей ханаанских племен, оставшаяся со своими устоями, в отличие от народа Иерихона, который, в свою очередь, развил в себе культуру, быт, натыкалась на какие-то конфликты с соседними племенами, оставаясь со своей иерархией, ограничиваясь схожестью от других народов лишь в развитии дворового хозяйства лидера своих племен. Ныне могла едва ли сравниться с разросшимся новым государством на Ханаане – царством Израиля.

Хесен, обходя шумно обсуждающих вокруг людей, между торговцами и рыбаками заметил двоих. Один из них был ему знаком – это рыбак Евсаил, по его рассказам, когда Хесен плыл в его баркасе, тот поделился тем, что его хижина находилась у самого Большого моря. Второму общающемуся с рыбаком человеку было около сорока пяти лет.

– Не могу я тебе поднять такую цену, Евсаил, – говорил мужчина, вероятно, давно знавший его. – Ты глянь, какая мелкая. Я видел намного крупнее и за такую же цену, – добавил торговец.

– Так то же у берегов выловлена! Ты знаешь, чем они там питаются. Падалью и разными фекалиями, – торговался с ним еврей Евсаил, – человеческими, – добавил он, заметив, что торговец задумался над его словами.

– А та, что моими ребятами выловлена, вот она! Так это

мы на шесть рисов[19] вглубь от берега ходили, – приукрасил торговец рыбой.

Во взгляде израильтянина читалось, что он уже уступал по цене. Подошедший к ним Хесен ненароком подслушал их разговор.

– Да сними ты с него один гир! Пусть человек порадуется, – сказал Хесен, он знал, что от берега моря ловля рыбы с баркасов велась чуть больше чем за три риса. Евсаил был опытным рыбаком и сметливым человеком, в частности, он имел небольшой опыт и в торговле. Еврей задумался. «Один гир ни о чем, – подметил рыбак, – а клиенту скидка понравится». Идея Хесена пришлась рыбаку по нраву, но он также не спешил радовать клиента.

– Ну да, могу скинуть один гир, – сказал Евсаил.

И вместо того чтобы отдать сумму за действительную цену равной рыночной ее стоимости, Евсаил увеличил ее от своего имени на большую часть, приукрасив историей о протяженности мест ловли. Хесен же знал, а покупатель только догадывался, что рыба везде одинакова. Все же обрадованный, не подав вида, мужчина приобрел три корзины свежевыловленной рыбы. Но торговец не был бы торговцем, зная, что его надули, однако выбора у него не было, нужно было скорей спешить на продажу товара на общественном рынке, собственно, не теряя при этом ни времени, ни клиентов, он просто поднимет цену за продажу, только и всего. А рыба

---

[19] 149 м.

всегда была ходовым товаром во всех починках.

– Будьте добры, молодой человек, отнесите корзины к повозке. – Израильтянин подметил добродетель Хесена и взамен ухищрений рыбака решил проявить благосклонность к чужаку, заодно, предложив подработку.

Разместив поклажу на телеге с помощью филистимлянина, отдав ему один гир, они расстались.

– Молодой человек! – вдруг окликнул его торговец.

Хесен обернулся, направляясь уже в сторону города.

– Я бы мог вам предложить работу. Точнее, сказать, куда можно обратиться по поводу ее поиска, если вам интересно, – сказал торговец.

По виду Хесена можно было определить, что ему, как новоявленному гражданину на Ханаан, нужна помощь. Поняв, что он хороший человек, торговец решил ему помочь и в этом. И после некоторого с ним общения Хесен принял его предложение. Из разговора Хесена с торговцем по пути тот понял, что филистимлянин в срочном порядке был в поисках крова.

– А ты попытай на рынке счастья. Там, знаешь ли, много о чем можно узнать. Например, о нашем царе. Соломон, наш царь, самый наимудрейший человек, и еще о том… – Торговец понизил голос, приблизившись почти вплотную к ушам Хесена.

Хесен, обхватив двуручный тарантас, который вел вместо купца, заметив движения торговца, спешил прислушаться к

тому, что, по-видимому, не должно иметь широкую огласку.

– Что он ведает тайными силами и может разговаривать с животными на их языке. – Но после он вновь перешел на обычный разговор, и, сменив тактику, оставалось сделать вид, что он ничего не говорил. – Так что, если ты узнаешь потом больше, чем я, о чем-либо, найди меня, и мы пообщаемся. А вот по поводу твоей работы. Мой сын хочет отправиться в Израиль, туда, где-то ведется строительство. Или планируется…

Хесен не знал, что после их недолгого передвижения по колену израильского Дана путь вскоре заканчивался. Перед межпутевой обителью промышленников и обычных странствующих людей, куда они направлялись, стояла пустошь, сливаясь с колеей между населенных одноэтажных построек, которых никак нельзя было назвать просто хижинами. Дома жителей являлись по пути следования филистимлянина и купца какой-нибудь отличительной детализацией от хижин Филистии и в основном фундаментом построек. Некоторое время они хранили молчание.

– А, будет желание – заходи, так… – сказал торговец.

Хесену, ведшему тарантас, было не до любования жилыми постройками, где народ являлся не просто поселением, но городским людом. И дома, располагавшиеся вплотную друг к другу, открывали теперь между собой интервал, словно освобождая разъезды для тележек. Так соединялись между собой торговые дороги, ведшие в другие части Израиля,

начинаясь от Большого моря. Подойдя ближе к перепутному строению, где стоял лай собак и находились места для отдыха, навстречу им спешил юноша тех же лет, что и филистимлянин. Его отец познакомил его с Хесеном, порекомендовав.

– Ну, Хесен из Филистии, будешь свободен – заходи к нам, – сказал торговец своему помощнику, когда они стали распаковывать вещи с телеги.

– Ах, вот Осий, когда ты, говорил, собираешься в Израиль? – спросил мужчина.

– Позже, – без воодушевления ответил юноша.

Ему не было дела до общения, он был занят хозяйством, торговля его отвлекала. Но, заметив доверительное отношение своего отца к незнакомцу, высказал:

– После праздника дня начала царствования Соломона, – ответил Осий.

Мужчина заметил смятение со стороны Хесена, ему не были знакомы еврейские праздники.

– Восьмого швата, – добавил он.

– Где-то восемнадцатого… – поправил отца Осий, – после посадок новых деревьев в Ефреме.

– Это наше колено от заселения земли Ханаанской евреями после…

– Отец. Думаю, молодому человеку сейчас… не до этого… – остановил он торговца, – не до твоих историй, – сказал Осий, желая поскорей перегрузить поклажу с двуручного тарантаса в телегу. В их телеге имелись всякие приправы, ово-

щи, египетский шелк и теперь корзинки с рыбой. Он спешил отправиться на рынок, до которого ехать оставалось более того пути, который они прошли, где их ожидал второй брат.

Отец Осия был на рынке торговым перекупщиком. Получив товар в Яффе, он тут же отправлялся на межпутейный участок, находившийся неподалеку от промысловиков, где он менял часть товара, в этот раз у него был металл, перекупленный у горняков за чертой Иерихона, поручив свое дело сыну, кормил лошадей и затем отправлялся на своей повозке до родного города на площадь межрайонного большого рынка. Но в это утро его сын задержался, и, на приморской торговле, купцу пришлось бы, дождавшись его, выехать позже обычного. Но до этого все другие дни они с сыном вместе отправлялись за товаром к берегам Яффы. И встретить незнакомца купец посчитал за удачу, с ним время выезда до дому сократилось. Сделав Хесена помощником до мест первой торговли, не дожидаясь сына. Также, кроме торговли рыбой, Израэль – так звали отца Осия – вел торговлю съестными припасами, зеленью, приправой, скупив ввозимый товар до этого у других представителей торговых гильдий. Но морская рыба и медь были его основной торговлей.

В этот день было больше торговых предпринимателей, чем обычно, и они уже развозили рыбу по своим городам, и за ними Израэль лишь при помощнике был уверен в сохранности товара. Их место смены транспорта находилось недалеко от бухты.

– Ну, действительно, полагаю, нужно поскорей на точку. В Беф-Ороне нас ждет Варфоломей, – обратился к сыну Израэль, расплатившись с Хесеном.

Осий только успевал подготовить валовую лошадь, проверяя на ней крепления к телеге для дальнейшего перемещения по колеям Иерусалима, и, попрощавшись с филистимлянином, отец и сын отправили товар в путь.

***

Скитаясь, по небольшим улицам Дана, Хесен вышел к городской рыночной площади, где большинство домов Израиля, независимо от того, из какого колена израилевого они были, но часть из них сужалась, делая невозможность проходить между домами. Не то что проехать обычной тележке. Поэтому, проходя кварталы, Хесен приметил, что часть из них является пешеходными, другие – специально отведенными для проезда повозок, будь то с вьючными животными или малыми ручными.

К полудню, Хесен почувствовал приступ голода и пожалел, что не прибился к торговой семье. Он решил отыскать их в будущем на рынке, если не найдет здесь что-нибудь из работы. А в лучшем случае и ночлег. Однако Хесен не знал различия еврейских поселений на Ханаане, и рыночная площадь колена Ефремова, куда отправились Израэль с Осием из Дана, отличалась от прибрежной части промысловиков, и их конечный путь находился в другом городе и другой сто-

роне Израиля. И поэтому их встреча на рынке, куда бы попал Гассан, была невозможна. Впрочем, его это нисколько не расстроило. С Осием его ждала другая встреча.

***

Вспомнив о друзьях, глядя на зверя, Гассану Абдуррахману ибн Хоттабу на память пришла отчего-то египетская принцесса, ныне правительницы Верхнего Египта и замужняя женщина за его другом Несером Сим Хор Басрой. Вспомнив о них, Гассан задумался. Но, решив отвлечься от разных воспоминаний, в какой-то век он нацелился всерьез заняться выполнением своих планов. И, подняв кверху руку, сделав окружность, произнес заклинание:

– Леху мешарет абот ликрателай!

Тут же появился дым, на этот раз он был ароматнее, об этом Гассан попросил джинна. И посреди шикарного красивого палисада после рассеявшейся моментально дымовой завесы появился джинн, слуга кольца Соломона.

– Слушаю внимательно, господин кольца, – сказал джинн, опустив голову к сложенным ладоням.

– Брата хочу повидать, – коротко сказал Гассан.

Однако джинн не спешил выполнять его приказания, на что Гассан не сразу обратил внимание. Дух представил все, что мог загадать блудный филистимлянин, но отправить его к брату!..

Ему было известно о его брате и его отце, правителе сте-

пей и полесий, гор и вершин и многих народов, над которыми они имели власть, так как у них были свои джинны. И Гассан не знал о том, что его джинн если был неподвластен ифриту, главарю джиннов, то лишь потому, что был слугой кольца. То духи, чьими силами владели родственники Гассана, могли повелевать самими ифритами, и нередко его джинн знал о том, что они забавляясь, направляли своих волшебных духов на бои между собой. И в это время люди, которые жили в песчаниках или широких полях зеленых пустошей, простых землях, нередко страдали от таких затей. Поднимались песчаные бури, земля дрожала. Там, где недавно произошло природное землетрясение, поверхность раскалывалась, обрушивая поселения. А если то были озера, то высыхали, а иногда возвращались густым ливнем, где вода, сливаясь в один поток, сносила целые деревни или поселения. Джинн был обескуражен желанием Гассана, он не хотел участвовать ни в одном из этих разгулов. Вдруг этот не определившийся в жизни человек захочет и его показать перед отцом и братом? Но эль мектуб, мектуб! Чему быть, того не миновать. Он не может ослушаться кольца, давшего ему бессмертие и быть таким на века. Он все выдержит ради вечности, он еще станет человеком, пусть и далека та возможность. Но в глубине души джинн всегда недолюбливал людей, созданий того, кто создал этот мир. Но единственное, отчего желал он попасть в этот род, – это свобода, свобода действий. И уж точно он бы не стал делать того, что делают

люди, совершая ошибки.

– Джинн, – заметил замешательство Гассан.

Обычно его волшебник украшения сразу приступал к выполнению указов, но, бывало, даже советовал, как нужно преподнести правильно то или иное, подсказывая верным решением, как однажды это случилось на свадьбе Нефертатонптах и Несера. Но не в этот раз. На какое-то мгновение Гассана разочаровало замешательство, похожее на нежелание джинна помочь хозяину кольца встретиться с родней. Задумавшись, филистимлянин даже усомнился в рассказе Равена о том, что он – его дядя и брат Хоттаба. Но лишь на некоторое время. Слишком это было подозрительно для лжи. Но Равену Эленийскому незачем было обманывать молодого человека, дар управлять сознанием живого существа был у редких людей, оказавшийся в Гассане, и было бы крайним совпадением обычного мальчика из Филистии в умении владения гипнозом, по совпадению с таким умением как у самого Хоттаба. Гассан не сомневался в искренности Равена.

– Слушаю, владыка кольца, – спешил ответить джинн.

– Что ответишь? – спросил его Гассан.

– Что заблагорассудится владыке кольца, – ответил дух.

Гассан и сам не знал, что сказать исполнителю желаний. В нем были сомнения, отчего он не спешил дать прямое указание джинну и втягивать его в решение дела, отличного от других дел, являвшегося личным. Не желал, и потому, как посчитал Гассан, оно как всегда тайное не подлежит полному

раскрытию его другим, даже волшебникам. Что Соломон передал ему кольцо через Хирам Абифа, Гассан помнил. Помнил и задачу, поставленную царем и переданного устами его архитектора, достроить храм, посвященный первым царям Израиля, как и для сына его Ровоама.

Храм должен был располагаться на возвышенности холма Израиля и расположение, которого могли знать лишь посвященные, те, которые должны построить его в недолгой продолжительности при помощи волшебного кольца.

Гассан вспомнил слова Абифа:

– Выстрой храм для Соломона, и когда увидишься с ним, не спрашивай про кольцо. Оставь его себе. Однажды он вызовет тебя, и в этот момент ты должен будешь явиться к нему, где бы ты ни находился, и сделай то, что нужно будет царю! – говорил Абиф.

В то время Гассан ощущал в архитекторе поддержку как друга, осмелившись спросить первое лицо царя:

– Но чем я могу услужить царю? Я же простой человек и филистимлянин, – спросил он мудреца из колена Нефелима.

– Не знаю, но об этом мне сказал сам царь. Но отметь для себя: для него все люди равны, если они знакомы с состраданием, – загадочно произнес Абиф.

В тот день Гассан надел на левую руку кольцо, замком, соединив какой-то знак на ободе, прочитать который мог только сам Соломон, как вдруг выгравированные иероглифы и знаки на его поверхности осветились, но в то же время коль-

цо почернело, скрыв надписи, и тут же вновь проступило золотым материалом из которого оно было сделано. Это кольцо стоило бы части хижин всего Дана либо всех племен моавских. Но друзья Гассана, оставшиеся для строительства храма царя ему в помощь, не знали о его цене, они были безкорыстными обывателями, или просто ценители кочевого образа жизни, где было смешение и добродетели, и жажда наживы.

В этот момент перед джинном Гассан вспомнил еще раз о своих друзьях: Абифе, Несере, о его жене, Равене и Осии и даже приунылом кочевнике Лоте. Он захотел с ними встретиться, с людьми, которых он не видел целые годы. Но, собственно, как думал об отце и брате, о ком мало знал и даже не представлял, как они выглядят.

– Давай-ка, джинн, к отцу и брату, – сказал он.

– Слушаюсь, владыка кольца, – не замедлил ответить джинн.

И тут же под Гассаном очутилось облако, которое подняло его над городом высоко, так что он мог видеть все окраины и границы. Он едва не доставал до облаков, и под филистимлянином вслед за жилыми постройками маленьких размеров, которых, казалось, было больше, чем самих жителей, в начале полета которых он заметил с высоты, далее простирались пески. Но где-то посреди нежилого оазиса вдруг появлялись островки или другие отдельные пучки насаждений, как казались они Гассану, парящего сверху части земли, покрытые

густой зеленью. Пролетая дальше, везерь города Ашшура открывал для себя места, которые давно обходил, следуя караваном по земле до Вавилона. Теперь, парящему над землей, ему открывались другие места: покрытые песком плоскогорья, вершины скалистых холмов. Пролетая над Красным морем, Гассан, проходя когда-то через его притоки, не знал, что оно такое широкое. И далее, оказавшись над жилыми постройками и древними огромными сооружениями, уложенных в ряд их верхушки, где некоторые из них на солнце отражали своей яркостью, которые можно было заметить сверху примерно за два царских атура[20], филистимлянин узнал эту территорию. Ведь когда-то эта земля была совсем другой. Она была вся покрыта зеленью, как знал Гассан по рассказам египетских жрецов, вспоминал он, пролетая над их страной. Но с приходом других ветров и необычайной силы дрожи земли страна львов и песчаного сфинкса разделилась. Одна часть ушла на восток, другая распалась на мелкие поселения, со временем ставшие воевать за земли плодородия, пока не появилось новое царство – до сих пор существующее уже многие приливы и отливы Нила и владеющее бесчисленными землями вдоль Красного моря царство Верхнего и Нижнего Египта. Но вскоре закончились и эти земли, навевая воспоминания о стране тростника, евреи называли Мисраим Египет, где остались его друзья, ныне повелители Нижнего Египта, места, некогда славившегося изготовлени-

[20] 10 км.

ем бумаги из тростника.

И так долго ли Гассан парил над землей, того не ведал. Ветер осушивал его лицо и руки. Легкий халат из аккадской материи мог предохранять как от жары, так и от прохлады. Но, едва укутавшись, Гассан попал в низкие облака, которые ощипывали его лицо. Свежая морось тут же заставила его содрогнуться от встречного холодного потока воздуха. Гассан чихнул и вдруг стал падать. Падая, он внезапно потерял волшебную силу, испугавшись, он начал махать руками, но на свое облегчение был вновь охвачен дымовой завесой джинна. Вскоре, продолжая летный путь, Гассан продолжал наблюдать за земной поверхностью. Появившиеся редкие леса, невысокие холмы, ниспадавшие с них реки менялись с пейзажами песочных барханов. Отражающаяся гладь Невкусного моря Египта, по цвету напоминавшего гранатовый сок, давно скрылась за горизонтом. Так, пролетев еще одни барханы, Гассан, увлеченный видом земли, не заметил, как начались поселения с полями с разными угловыми фигурами, пашен и виноградников, где как, оказалось, редко встретишь в землях Аль Магриба, место, где заходит солнце. Спустя еще некоторое время Гассан наконец почувствовал спуск. И тут он опустился на веранду какого-то здания, сверху приметив, что от балкона до земли оставалось еще шагов сто – сто пятьдесят.

Перед ним оказался проход с угловой аркой, как оказалось, это был выход на террасу, куда он совершил посадку.

Гассан решил пройти внутрь. Внутри помещения он ощутил приятную прохладу, после перепадов давления и температуры в небе после спуска его кожа быстро ощутила нагрев от солнечных лучей. Оглядевшись, он заметил, как зачастую в его апартаментах здесь была пустота. Но тут у стен стояли диваны с никогда не встречавшейся филистимлянину мягкой обивкой. В отличие от его комнат для отдыха с расставленными напротив друг друга диванами здесь напротив одного в пяти шагах находился позолоченный комод из красного дерева. Рядом с другим диваном был фигурный стол, ножками ему служили выгнутые звериные тела с женскими лицами, чьи волосы обвивали кайму всего стола. Одна из частей стола состояла из квадратов, поделенных на бесцветные и черные цвета. Гассан играл однажды с кем-то из придворных у себя во дворце в Ашшуре в подобную игру. Суть игры – переставлять по правилам фигуры. По забаве он тогда проиграл напарнику и послал его на конюшню, после, передумав, велел дать ему ведро серебряных монет в обязанности тому жениться и купить себе осла, чтобы тот помогал по хозяйству новой семье.

Гассан, знакомясь с обстановкой, не знал, что в этот момент в другой части дворца Хоттаб праздновал свой день рождения.

Осмотрев несколько комнат заглядывая в их открытый проем, гадая, для чего они предназначены, ведь каждая из них была пуста. Такие помещения обычно были как гости-

ничные номера и закрывались шумоизоляционными шторами или занавесками из бамбука или служили для общественных встреч развлекательного или делового характера. Но пара из них, заметил Гассан, на входе была выделена специальным украшающим орнаментом.

Пройдя под арку со скудными иероглифами, разделяющую такой же ничем непримечательный коридор, Гассан заслышал звуки музыки. Вдруг навстречу ему по коридору вышли двое в начищенных латах и сандалиях с замками – часть военного обмундирования старшего ранга. Гассан поклонился им, подавая любезность незнакомцам. Они оказались воинами ведущих полков Хоттаба и были отправлены с пира на службу. Военные, оценив одежду высокого чина Гассана, не ожидали встретить здесь вельможу. Всех гостей мероприятия они знали как в лицо, так и по имени. Но более, чем удивил их Гассан, что высокоблагородный гость, каким он являлся для них, оценив филистимлянина по одежде, приветствует их. После того как филистимлянин прошел дальше, один из них все же выдвинул предположение:

– Наверное, ряженый. На развлечение сулейтана направился, – предложил главнокомандующий.

– Болван! – сказал другой. – Что же ты сразу не додумался и прогнулся ему?!

– Сам болван! Кто знает, что у сулейтана там, в закромах, еще может быть? Не удивлюсь, если у него там находится змей с головой с барабан!

– Скажешь тоже… змей… – ответил ему второй.

– А что, ты не слышал? Да он, сказывают, так просто крутит духами, которые все тысячную армию заменят. Зачем ему мы? Только на потеху, – рассуждал вслух первый военачальник, удаляясь с товарищем вглубь коридора.

Гассан, разойдясь с ними, свернул влево по коридору, оказавшись в небольшом проеме, который тут же выходил в большой зал. Перед ним открылась панорама трапезующих людей. Двадцать больших расставленных столов, и за каждым можно было бы разместить до ста человек. В момент, когда филистимлянин зашел, из труб в виде рогов, расположенных на высоком потолке и стенах, выскочили пламенные языки огня, тут же исчезнув. Зрелище напугало гостей, но никто не осмелился высказать ничего по этому поводу.

И вновь заиграли остановившиеся музыканты, расположенные по правую руку от Гассана чуть дальше от стола.

Вдруг один из присутствующих людей за одним из столов поднялся на него. Он был изрядно пьян и принялся шествовать по столу, раскидывая носками обуви все, что попадалось ему на пути: объедки жаркого, студней и закусок. В некоторые он просто ступал ногами. Все это он делал под улюлюканье гостей. Остановившись посреди стола, Хоттаб развел руками.

– Други мои! – громко произнес он.

Музыка перестала играть.

– Я решил пойти к границам Аль Машрика!.. В сторону

восхода солнца!.. – выкрикнул он.

Пирующий народ подхватил его.

– Потом я пойду на север! Я стану сражаться с Мардуком! – говорил он под одобрительные выкрики. – Чей народ заселил всю Вавилонию! – Хоттаб мало был знаком с народом, унаследовавший шумерскую культуру и всех божеств раннего царства, которых он почитал за новых правителей. – Я поведу войска в степи! За Глубокое море! Я!.. Я буду властителем всех земель! – хвалился он. Гассан, слушая его, не выдержал, не зная о том, что это его отец, решил поправить оратора:

– Уважаемый, царство культа Мардука находится на востоке, – сказал Гассан, сделав пару шагов, чтобы убедиться, что высказанное им услышат.

Он хотел еще добавить, что ему предстоит сделать храм в Вавилонии, но остановился. Хоттаб, завидев остановившего его, обратив взор в его сторону, едва не слетел со стола, поскользнувшись о чью-то миску с остатками свиного окорока. Медленно подняв подвернувшийся ему окорок, закинул за спину, не задумываясь, в чью сторону полетит остаток свинины правителя.

– Ты кто?! И как смеешь указывать?!

Гассан уже собирался представиться, поняв, что перед ним самый главный на этом пиру и, без сомнения, влиятельную персону, как вдруг заметил другого человека, молодого, поднимавшегося с края другого стола. Это был Омар Юсуф.

Позже Гассан осознал, что ему повезло. Обычно не понравившегося Хоттабу человека внезапно охватывала липкая сеть. С разных сторон зала появлялись пауки ростом с человека, и вспоминать дальше не хотелось гостям, наблюдавшим за таким зрелищем, что происходило с тем типом. Но так случалось редко. Сейчас Хоттаб был не настолько пьян, чтобы ему захотелось таких развлечений, что могло его расшевелить, удивить. Этим дивом уже оказался Гассан.

– Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб! – представился он.

Его выбритое лицо скорей напоминало державшего себя в аккуратности иудея, но скорей даже филистимлянина-энтузиаста, жителя своего племени, что любит держать себя в строгой аккуратности. Таким семь лет назад и был Гассан, имевший имя Хесен.

– Что?! – Хоттаб сделав вид, что не понял его, чтоб почувствовав, более оскорбленным себя чужаком.

Воцарилось молчание.

– А докажи, что ты Гассан Абдуррахман, сын великого султана, наставника всех великих жрецов, властителя всего Магриба! – выкрикнул кто-то. Но Гассан не спешил дать ответ. Он был готов ко всему, ведь у него на руке было волшебное кольцо, подаренное самим царем Израиля, повелителем всех джиннов. Он хотел, чтобы отец Гассан догадался, кто перед ним стоял на столе, сам признал его. Интуиция, которую раскрыл в нем его дядя Равен, подсказывала, что у того будет возможность это сделать.

– Гассан! Брат! – внезапно отозвался Омар Юсуф.

Хоттаб продолжал всматриваться в гостя, пытаясь сконцентрировать себя, услышав пришедшего, напрячь память. Он, медленно продвигаясь по столу, остановился. Замер. У него не было слов. Он пытался наладить порядок в охмелевшей голове. Омар ибн Хоттаб вышел из-за стола и направился к брату. Приблизившись к нему, не отводя своего взгляда, стал осматривать Гассана. Хоттабу принялись помогать слезть со стола.

– Ты действительно являешься сыном Хоттаба и моим братом Гассаном? – спросил Омар, стараясь войти в его сознание.

– Да, – ответил Гассан.

Между людьми возникло некое поле, которое вот-вот соединит их в едином доверии. Их отец, понимая, что происходит что-то интересное и важное для него обнадеживая себя потянулся к ним. Едва удерживаясь, продолжал не отводить свой взгляд от прибывшего сына.

– Равен Эленийский рассказал мне об этом, когда я… – Гассан не договорил.

– Брат! – Юсуф на удивление и тут умиление Хоттаба обнял Гассана. – Дорогой! Мне рассказывали о тебе, но только однажды. Что тебя пришлось оставить нашему отцу в лесах каких-то диких племен. Но и что так было необходимо! – Глядел брат на брата, положив свои руки ему на плечи.

– Да, я знаю, Равен рассказывал мне об этом. Я ничуть…

Гассану вновь не дали договорить.

– Сынок?! – наконец признал сына Хоттаб ибн Назарея.

– Отец! – Гассан поспешил обратиться к Хоттабу.

– Дай я тебя обниму! – расчувствовался на хмельную голову мужчина.

В последний раз он видел сына, когда тому было три года. Преследователи египетского царя заставили оставить его и его жену с ребенком у едва знакомой им женщины, кузины жены, жившей в поселении Ханаана вместе с гонимыми в ту пору несколькими иудеями. Но это было давно, так что в суете времени и дел все забыли об этом инценденте. Но Гассан, узнав о родной семье, тешил себя тем, что у него есть выбор. Покинув Филистию, он поставил перед собой цель когда-нибудь и что-нибудь разузнать о своих родных, и вот отец и сын обнялись.

– Но… как же?! – Хоттаба опять одолели сомнения. – Как?! Каким образом?!

Вопрос о его появлении здесь на лице его брата Омара также возник немой вопрос, но в ожидании ответа лишь скорей для уточнений, дополнительных доказательств родства самому Хоттабу.

– Ну… у меня есть джинн. Мне эту власть подарил израильский царь Соломон.

– Кто?! Соломон?! – Такое известие у Хоттаба проявило скорее бешенство, чем удивление. – Это же… Но, сынок, он нам является не тем, кем мы являемся тебе, мой сын! Он

с нами в ссоре, – поделился Хоттаб, посмотрев на Омара в знак того, что тому также известен тот факт.

– Да, – поддержал отца его сын.

– И мой совет: ты не должен поддерживать с ним отношения, он нам… – говорил Хоттаб, стараясь быть менее откровенным. Но, опьяненный напитками, он желал высказаться.

– Отец! Думаю, не время сейчас вспоминать о царях. Давай лучше пригласим нашего… гостя, твоего сына и моего брата, к столу, – предложил Омар Юсуф.

– Точно! А ну, наливай бокалы! Несите еды, напитки, к нам достопочтенный… сын… как ты себя величаешь? У тебя есть величие какого-нибудь дипломатического статуса, сынок? – спросил Хоттаб.

– Везерь, отец. Везерь города Ашшура, – ответил Гассан.

– Ашшура?! Ты что, холоп трусливого Ашшурдана?! – удивился Хоттаб, не зная значения неизвестного ему слова.

– Не холоп я, там порядок, если честно, навожу, а он сейчас где-то у Быстрой реки отдыхает. Я его, считай, от болезни спас, – похвастался Гассан. – Бредил он, потел часто, бедняга. Сны кошмарные ему снились, с вскриками просыпался. Сейчас в себя приходит.

– Ах, вот что! Так ты, сынок, даром времени не терял?! Всем поприветствовать везеря Ассирийского из Ашшура! – приказал Хоттаб присутствующим.

Зал взорвался гулом оваций. Внезапное пламя огня, вырывавшееся из рогов, расположенных под потолком, пооче-

редно ошеломляя но после привыкших не преломляя дух ликования сидевших за столом гостей, огонь, и восторжествование публики подхватили музыканты. Хоттаб проводил нашедшегося сына к себе за стол, он был бесконечно рад Гассану. Столы пришлось перестроить, Омар присоединился к ним.

К Гассану ибн Хоттабу со стороны отца и брата было много вопросов, как и у него к отцу и брату, и во всем их общении находились причудливые шутки, фразы, огорчавшие или наоборот, еще больше веселившие хмельную пирушку. Таким образом веселье продолжалось до самого утра, удлинившись с прибытием нового величественного гостя. Разговорившись с родными, Гассан все же не желая беспокоить заходившие между ними разговоры о царе Израильского царства, замечая ярость на лице Хоттаба об его упоминании. Гассан старался поддерживать менявшиеся темы разговора на приумножение земель Магриба, о захвате ближних стран, об открытии новых путей, о путешествиях в неизведанные части света, о скорейшем их соединении, о чем больше упоминал отец Гассана. Другие из собравшихся, пришедших поздравить и почтить именинника, среди которых были и женщины, и мужчины, не только сидели и о чем-то шумно разговаривали, народ не забывал прославлять, вспоминал великого сулейтана и о себе, пускаясь в пляс. Люди пили, ели, снова пили, ели, снова пускались в пляс. Но тут произошел момент редкого случая среди этого застолья, один из гостей попла-

тился собой, вылетев из окна с помощью стражи. Тут же собравшиеся люди вспоминали о его жизни, о том, что он, оказывается, был хорошим человеком. Это действие стражников повлияло на других гостей их желание продемонстрировать себя, заставило следить за своей речью, пусть и с трудом сопротивляясь расслабленному состоянию в связи со много выпитого ими вина или солодовых и хмельных напитков, кто, что употреблял. Но всему приходит конец. Так и увеселению, которое, казалось бы, могло длиться без конца. Люди утомились и в конце концов завершили гулянье.

Спустя сутки, отъевшись на следующий день по-новому и восстановив организм, Гассан чувствовал себя в хорошей форме, обещая себе, что ни за что больше не прикоснется к опьяняющим напиткам. И только на второй день он поднялся с кровати изножья и изголовья ее опор которой представляли собой неизвестных диковинных зверей, он вспомнил о Вишух А, пожалев на короткое время, что ее нет рядом.

Выйдя на балкон своей опочивальни, схожий с тем, на который он спустился с неба, Гассан вновь обратил внимание на багровое зарево на горизонте, которого стало больше. Составив себе план поинтересоваться об этом феномене у отца с братом, потянувшись, он решил отправиться на поиски своих родных. Солнце уже давно стояло в зените. Горячий, нагретый воздух гнал Гассана внутрь помещения, где было весьма прохладно. На столике рядом с кроватью находился медный кувшин с прохладным освежающим налитком из ки-

зила. Кроме того, тут же на медном в фарфоровом блюдце красовался манящий к себе пирог среди остальных расположенных на этом подносе. С трудом Гассан вспоминал, что происходило во время пира. Выйдя из комнаты, он обнаружил коридор без комнат с единственным выходом посередине, пустой, без каких-либо фресок и орнаментов, не было здесь и ни одной раскраски, лишь скудные, из песчаника серо-зеленого цвета стены.

– Ау. – Хотел привлечь к себе внимание Гассан.

Ответа не последовало. Тогда он направился к единственному в коридоре проему, но, заметив у края винтовой лестницы поднимавшегося слугу, остановился. Слуга, заметив везеря Ашшура, также замер.

– Ваше величие. Наш господин Омар Юсуф ибн Хоттаб просит вас присоединиться к охоте его величия. – Смотрел слуга снизу вверх.

– Какой охоте? – спросил Гассан.

Слуга повторил.

– Ты хоть что-нибудь знаешь? – попытался узнать истину везерь у раба.

Тот только повторял.

– Ладно, ладно, поняли мы тебя… – съязвил Гассан, прервав его на полуслове, поняв, что нового он от него ничего не узнает. – Давай, веди меня к брату.

– Прошу, ваше величие, следовать за мной, я покажу… – сказал слуга.

Гассан снова поспешил остановить его. Ему было не интересно, что он там лопочет. Единственное, что он хотел узнать, – что это еще за охоту придумал брат. Уж не охота ли на зайцев или лис? У него не было никакого интереса до убивания зверей ради забавы. Но, подумав, что тот лишь начнет повторяться, вероятно, действительно из-за того, что он ничего не знает, подивившись неосведомленности дворни, указал чтобы тот продолжил свой путь.

– Веди давай! – скомандовал везерь.

Фивы

Город Но являлся столицей Долины Тростника Та-шемау, городом двух древних колоссальных статуй, как еще его называли про себя люди, жившие в других землях, бывавшие в Мисраиме, путешествуя там или бывая по необходимости.

Утренний пейзаж дворцового здания, переименованного в Сим Бэб Хакхор Ра в этом септе, имел внутренние большие помещения с коридорами, разводящимися в разные стороны, заканчивающиеся комнатами.

Солнце освещало огромные расписанные цветами наружные колонны здания, словно пытаясь пробиться в темные проемы залов. Поспевая за ранними лучами, словно радугой переливались красками разные самоцветы, выложенные на стенных рисунках так, будто рассказывая каждое утро одну и ту же историю о древних прародителях египетского народа.

Таким образом свет, попадавший на ладонь нарисованного Септ Птаха, первейшего божества Египта, державшего на руках цветок с лучепреломляющим александритом. Направляя лучи от утреннего солнца, он передавал свет по другим самоцветам: гранатам, сапфирам, турмалинам или бастнезитам, а те, в свою очередь, под лучами наступающего диска солнца – другим драгоценным камням. Заканчивали панораму небольших размеров шпинели, представляя тем самым истории о сотворении мира. На изображении фрески во всю

стену Птах передавал жизнь своей жене, а та, в свою очередь, определяла смысл бытия, тем что, разделяла огонь на свет и для жилищ, обозначая это на панораме людьми занимающихся своей деятельностью как наследием.

В это утро редко кто появлялся на террасе. На колоннаде террасы были установлены блоки с выгравированными на них орнаментами с символами и рисунками. Спустившись по широким ступеням, которых насчитывалось пять штук, открывлся обзор аллеи с многочисленными фигурами из песчаника или гипса. В основном это были статуи баранов и издревле выстроенных здесь сфинксов, которые сопровождали шедших вдоль них по прямой дороге аллеи, которая, в свою очередь, разбивалась на пути, ведущие к другим парковым сооружениям, бассейну, паркам, к культовой оранжерее.

Нефертатонптах в это утро первой появилась на террасе здания.

Еще два года назад она не знала, как ей забрать трон у жрецов. Сейчас, во время третьего месяца восходов, как никогда лучше она им владела, повелевая Верхним Египтом обоснованного с давних времен областей, как и теперь, сохранившимися древними городами с его административными делениями. Ныне при правлении Нефертатонптах и ее мужа, септы называли номами по направлению от эллинистического нового прагматизма. В память, отдавая дань своему покровителю Гассану Абдуррахману ибн Хоттабу, изме-

нившему их и свою жизни.

Солнце восходило на востоке, с Машрика, места, обжитого разными племенами, в том числе и теми, которые предпочитали кочевой образ жизни, зачастую весьма не спокойный характер.

Нефертатонптах спустилась по лестнице навстречу восходящему диску солнца в культовую часть ассамблеи парка. Сейчас ее мысли были заняты не политическим анализом об окружающих в ее царстве, а тем, кому она поклонялась в действительности. Атон единственный бог был в ее представлении. Но скрыть поклонников своего предка Аменхотепа Четвертого, посвятить себя единобожию она не решалась. Много препятствий могли бы учинить ей жрецы и поклонники многобожия. Это каста, у которой руки были еще свободны на ее новое царство и ее власть. Но, не имея большей силы, что была прежде до гибели их главного жреца. Однако Нефертатонптах понимала, что держать все царство Египта ей одной просто не в силах.

Среди жителей Нила нашлось бы свыше многих тысяч недоброжелателей и завистников. Царица была сдержанна в своей воле. И все же сейчас, выйдя на террасу, где тишина сливалась с вдохновением рождающегося дня, этому короткому моменту времени она предпочла мольбам Атону, когда тут сотни лет назад так же поклонялась ему ее прабабка Нефертити.

– Мой господин, – едва шептала она, – благодарю тебя за

возможность мне вновь управлять государством. Без твоей помощи мне бы ни за что…

Ее молитвы прервал голос мужа:

– Нефертатон… госпожа моя, что ты там делаешь в одиночестве? Молишься? – позвал ее царь, также поднявшись рано.

Нефертатонптах остановилась, но на ее лице было умиротворение.

– Несер, почему так рано встал? – спросила она.

– Да крики Шешонка никак не дают уснуть, – зевая, ответил ее муж. – Я тут вспомнил, как там Гассан, наш друг и великий чародей? Давно что-то не заглядывал к нам. Уж третий период времени засухи наступил…

– Да, муж мой! – слегка повернув в сторону голову, ответила ему Нефертатонптах. – Третий период засухи без твоего друга переживаем мы.

Несер подошел ближе к жене, обнял ее за плечо.

– Грустно как-то без него, дорогая. Помнишь его чудачества? – спросил он ее.

Нефертатонптах ласково поглядела на него.

– Да, Несер, помню… – Задумалась царица.

– А потом почему мой?.. Он и твой друг, – спросил правитель Фив Нефертатонптах.

– Ну, вы же с ним еще и коллеги бывшие, – заметила его жена.

Несер, глядя на женщину, не мог ничего добавить.

– Мудро, – сказал он и поцеловал ее.

Он любил ее, ранее, до рождения сына, относившись к ней больше как к подруге или своей женщине. Но во время половодья, принесшего разлив Нила, как и рождение их ребенка, полюбил ее как единственную женщину.

Вдруг он заметил, как горизонт от поднимавшегося солнечного диска осветился пурпурным цветом. Нефертатонптах не знала, что происходит за ее спиной. Она прижималась к груди своего мужа. Несер, наблюдая за явлением, едва заставил себя оторваться от него, решил поделиться об этом с женой.

– Что?! Что это? – зачарованный, спросил он скорей Нефертатонптах, чем самого себя.

– Что? – женщина посмотрела вначале на своего мужа, затем обратила взгляд назад.

Нефертатонптах, отпрянув в изумлении от Несера, также стала гадать, отчего солнце становится красным. Но больше изумления появилось у них, когда они, подняв головы на звук сверху, обнаружили там парившую над ними стальную птицу, направленную в сторону восходящего светила, вскоре провожая ее, удалявшуюся, все меньше издававшую громоздкий гул. Наконец первым от удивления отошла царица.

– Ну и что можешь мне на это сказать, Несер? – Она серьезно глядела на своего мужа.

– Что? – не понимал он ее.

По ее взгляду он пытался понять, о чем она его спраши-

вает.

– Это был Птах. Единоцелый бог, создатель всего целого. Я… – Не могла сознаться Нефертатонптах. – Я только что молилась ему.

– Что? – Не удивился, скорей испугался за нее Несер, понимая свою жену. – Ты понимаешь, что бы было? Они тут же разнесли бы весть об этом всему Египту, и хорошо, если нас просто выдворят из дворца. Я думаю, и Гассан бы нас не спас снова. Ты понимаешь, как ему пришлось нелегко уговаривать Ибаш Хиль Атеса?

– Ты думаешь, он уговаривал этого негодяя?!

Несер пожал плечами.

– А что?.. Где он сейчас? – спросил Несер. – Наверное, выдворен из государства и находится за пределами всего Египта, – предположил он, не зная, что на самом деле случилось со жрецом Амона.

– Я думаю, его уже не существует, – едва слышно, но утвердительно произнесла Нефертатонптах.

– О чем ты?.. Нефа! Жена моя! – Несер направился за женой, которая явно уходила от ответа, удалялась вглубь дворцовой террасы, в покои дворца.

– Нефер? – У Несера вновь появились вопросы, ведь о чем-либо ему всегда хотелось поговорить. Но, как оказалось, было не с кем. В отчаянии он побрел за своей женой.

А вопросов появилось много именно в этот момент. Первый – почему солнце стало красным? Что это за штуковина

пролетела над их домом, похожая на стальную птицу и до которой можно почти было достать рукой? Да и, в самом деле, где этот жрец, который в действительности его мало интересовал?

Вернувшись в свои покои, убедившись от слуг, что с Шешонком все в порядке, он подозвал к себе «отмечающего», придворное лицо, занимавшееся записыванием указов или писем, или просто ведшее какой-либо дипломатический учет.

– Ак Кэфейл! – Несер позвал отмечающего.

– Да, господин? – сказал царский служитель.

Еще недавно выпрямленный как столб, ожидая возле входа, сгорбившись, словно раб, поспешил он к царю. Должностное лицо долго не смел тревожить царя пока тот размышляет и не позовет его.

Несер, расположился на удобном диване из редкого дерева, покрытого золотой краской, с подушками на нем и мягким покрывалом из льна с птичьим пухом внутри.

Словно вспомнив о служителе, Несер позвал его к себе, и когда тот поспешил, царь наконец уже придумал, что поручить этому человеку.

– Мое повеление, Ак Кэфейл, – произнес царь Верхнего Египта.

– Да, мой повелитель. – Письмоводец был во всем внимании.

– Мое значимое слово, – продолжал Несер, – такое: во-

первых, разыщите мне Гассана Абдуррахмана, израильского царедворца, с доставкой к нему из моих слов.

– Да, – Ак Кэфейл был во всем внимании.

Соглашаясь, он подытожил, что понимает своего царя, отмечая тем самым готовность к выполнению указанных пунктов.

Несер поднялся. Так ему легче было сформулировать мысль. До этого он делал какие-либо указы, став царем Ташемау, редко покидая опочивальню, трапезную или развалившись, отдыхая после купания в бассейне, разморенный от жары в дни периода засухи.

– Дорогой друг, прошу тебя объяснить мне то значение, когда над нами пролетела птица Рок. Теперь она была надо мной и моей женой Нефертатонптах. Жду твоего приезда. Второе…

– Да, – подтвердил Ак Кэфейл.

– Э-э… – Несер задумался.

Он знал, что повсюду могут быть шпионы и предатели, хотя особого внимания этому не уделял. Поэтому у него с другом Гассаном было что-то вроде кодированных слов при отправлении одного из них другому в посланиях. Несер давно не использовал таких слов, поэтому, соблюдая осторожность, он придумывал их на ходу, зная, что друг его поймет, там где было личному обращению он оставлял пометки шифром используя иероглиф, отсылая письма на иврите имея тайное послание, повествующее о какой-либо важной

помощи или совете.

– Не могу объяснить, отчего вода может мутнеть в бассейне, возможно, там появились пресноводные животные. Все.

– Да, – подтвердил Ак Кэфейл.

– Отправить немедленно и доложить об ответе! Тут же! – дал указание Несер.

– Да, – сказал Ак Кэфейл, но не собираясь покидать царя, пока тот не укажет ему это сделать.

– Что? – спросил его Несер, заметив задержку слуги.

– Позвольте, господин, поправить из-за благонадежности вашего духа и здравия тела, – советовал служитель состоявшего в личном аппарате служителей царя.

Несер терял терпение, теперь в его голове витали совсем другие мысли. Его беспокоило красное солнце, но не этот худощавый и весьма неприятный на лицо тип.

– Вода в бассейне кристально чистая, вы можете принять ее, когда захочется вашей милости. А насчет пресноводных…

– Иди!.. Иди уже, – открылся в своем негодовании к нему Несер, но, спохватившись, что его нетерпение к египтянину может навлечь на него подозрения на не любовь к своему народу, остановил его: – Ак Кэфейл?!

Тот, не успев удалиться, поспешил развернуться к остановившему его царю.

– Да, небоподобный и всемилостивейший. – Он обрадовался, что тот его окликнул.

– Спасибо. Иди… – сказал Несер.

Ак Кэфейл был вне себя от счастья.

– Это моя служба, – произнес он сквозь потаенную радость.

Выпрямившись, он удалился.

К полудню царская чета, обычно прогуливаясь перед обедом в дворцовом саду, на этот воздерживалась от каких-либо разговоров, ненароком все чаще обращая внимание на багровеющий солнечный диск. Нефертатонптах, в который раз обращала внимание на него, веруя, что это предзнаменование возвращения ее бога. В последний раз всерьез задумалась, вглядываясь в солнце.

– Ты это замечаешь, Несер, но вроде как диск Ра становится красным? – спросила мужа Нефертатонптах.

– Да, дорогая. Да, ты права. – Царь молча стал вглядываться в ту же сторону, как и его жена. – Знаешь, отправляйся к сыну. Я буду держать тебя в курсе всего, что происходит, – предложил ей Несер.

– Знаешь, давай-ка лучше я займусь этим, а ты ступай к Шешонку, – предложила его жена.

Не сразу, но Несер согласился.

***

Они спускались. Гассана интересовало только одно: кто принес его сюда, в его комнату? «Вероятнее всего, я оказался здесь не без помощи колдовства», – предположил про се-

бя Гассан и тут же ухватился за руку. Кольца были на месте. Ключ оставался на груди. Это означало, что отцу и брату можно было доверять. Однако сию минуту единственное, что его смутило, – это почему они не интересовались им все эти годы. Впрочем, вероятней всего, они были заняты и в ближайшее время все равно бы ринулись на его поиски, успокаивал себя Гассан. Они спускались не так долго, но столько, сколько Гассан мог поразмышлять и об образе своего отца, и похож ли он сам на него, не переставая искать сходство.

В своей келье города Ашшур с кроватью и шторами он заимел небольших размеров вещь с отражательной плоскостью в виде небольшого овала, в котором он мог видеть свое отражение. Отражавщее его образ стекло окаймлял обод, украшенный драгоценными камнями. Такие обрамления являлись планируемым подарком для Вишух А.

Гассан, продолжая следовать за слугой по винтовой лестнице, вспомнил свое отражение на глади и образ отца. Обросший короткой растрепанной бородой, он напоминал юноше свое отражение в «отображенице», как называл он маленькую вещицу, но если бы тот был в молодости.

Именно для Вишух А он украсил вещицу. Но как сделать так, чтобы она получила ее случайно, Гассан не придумал. Он улыбнулся от удовольствия, представив сцену, как девушка дается диву – собственному отражению в стекле. «Это принадлежит тебе, Вишух А…» – скажет он ей, когда

вернется обратно. И вначале Вишух А изобразит неподдельное удивление штучке, через отражательную вещицу бросив взгляд на него. Как ему нравился этот взгляд, удивительный, независимый, чистейший, наивный и преданный. «Мне?!» – произнесла бы она. Но вдруг мысли Гассана прервал вид приемной комнаты, куда они наконец попали со слугой.

Огромная зала со множеством декоративных светильников, свисавших с потолка, с множеством свечей выставленных на их ободах. После их спуска в помещение Гассан, не заметив исчезновения проводника, разглядывал детализацию внутреннего убранства. Да и ему было не до слуги. Он вспомнил о своем спутнике, лишь когда стены вдруг по обеим противоположным сторонам стали расходиться в разные стороны, проявляя тем самым незаметные врата. Скульптуры, поддерживающие потолок, или другие фигуры, создававшие образ каких-либо из своих действий, казалось, сейчас сойдут со своих мест – так реалистичны они были. В одном из открывшихся проемов Гассан заметил льющийся свет. Казалось, он открывает потайной путь или тоннель в неизведанный мир, или дорогу, ведущую прямо в сад Эдема. Как вдруг из расступавшихся стен выбежал конь с головой и торсом человека. Создание, заметив Гассана, внезапно замерло. Растопыренные на бегу руки по-прежнему оставались в таком положении, но его лицо выдавало замешательство. Но тут же человек-конь посмотрел в сторону, откуда прибыл, вновь ринулся вперед, позабыв о Гассане. Кроме того, что

филистимлянина смутило, это места за межстеньем, он не решался пройти внутрь.

Наконец приняв решение в связи с тем, что ничего далее не происходило, Гассан сделал шаг вперед, как вдруг тут же остановился от изумления. По верху, едва не задевая хоросы под потолком, пролетела огромная птица с человеческим лицом. В лапах у нее что-то было, но что, Гассан не разглядел. Его привлек ее лик, похожий на женский. Он вновь не решался идти дальше. Птица издала вскрик, похожий на птичий. Так обычно кричат птицы, возвещая, что поблизости беда, или перед атакой.

– Варшак! – выкрикнула она.

Ее лицо было агрессивно, как заметил филистимлянин.

Вскоре, спустя какое-то мгновение Гассан преодолел себя и решил направиться в правый проход. По тому выбору, что кольцо Соломона находится на правом запястье его руки, и, тем наиболее вероятно, что справа находился проход, предвещавший более внушающее ясности. В открывшемся проходе что то яркое мелькнуло в левую сторону скрывшись во тьме но далее внутри прохода являло что-то светлое, хоть и занесенное туманом.

Пройдя несколько шагов, Гассан, окунаясь все дальше в туман, оглянувшись, уже потерял из виду вход. Но тут же взял себя в руки перед неизвестностью. Он помнил о волшебном кольце, которое поддерживало его дух. Посчитав, что не стоит пока понапрасну вызывать джинна, решил про-

должить путь.

Пройдя вперед, не зная, куда он двигается, но стараясь не сворачивать и словно представив тоненькую нить, шел по ней, чтобы при случае вернуться назад по прямой дороге. Наконец туман стал рассеиваться, или это Гассан вышел из него, но перед ним возникло подобие сада из деревьев, чьи кроны выглядели как шары – так искусно они были ухожены, и некоторые из них отдавали очертание фигур существ. Деревьев было очень много. Вдруг он заметил появившегося из-за деревьев небольших размеров человека. Он вступил на дорогу, рядом с которой, как оказалось при рассеивании тумана, находился филистимлянин. Гассан уже стоял на ней.

– Приветствую тебя, мой друг! И посетитель этого великолепного сада! Раз ты здесь, значит, что-то привело тебя сюда.

Мужчина был средних лет, с широкой улыбкой, пышной рыжей кудрявой шевелюрой, больше чем его голова. Его одежда представляла собой что-то вроде рубахи с вышитыми узорами, так что казалось, что они были из золотых нитей. Его куртка до пояса капустного цвета навевала на отображение летней прохлады, которой в Египте часто Гассану не хватало. Штаны похожи на те, что носил филистимлянин, весьма легкие. На ногах незнакомца сандалии явно были сделаны из золотого сверхлегкого материала, но крепкого, и пальцы выглядывали из открытых носков обуви. Гассан ибн Хоттаб хоть и догадывался, что говорит человек, на вид которому,

как он определил, где-то лет тридцать, не понимал его слов. Но незнакомец, заметив промедление с ответом прибывшего, тут же понял его молчание.

– О! Так ты филистимлянин? – спросил он.

Заметив удивление юноши, человек радовался своей правоте, вновь растянув улыбку, делился своим добродушным настроением.

– Сварог, – представился незнакомец. – Я, можно сказать, владелец всего этого великолепия!

Он развел в сторону руки, в одной из них он держал посох, на конце которого был какой-то символ в виде креста с загнутыми концами в круге. Таких символов Гассан еще не встречал.

– Предлагаю прогуляться по моим владениям, взглянуть на мир, который еще не придуман! – загадочно сказал Сварог, перейдя на ломаную речь племен Филистии.

– Почему не придуман? – удивился Гассан.

Впередиидущий человек вдруг обернулся и остановился. На его лице появилась свирепость. Знак его посоха засветился.

– Люди! – сказал он. – Люди не понимают, зачем они здесь! И считают себя правыми во всем! Из моих желаний помочь им они только все портят! Они создают свои религии и поклоняются земле и кускам деревьев, делая из них своих божеств! А я, дорогой мой человек, принимал непосредственное участие в создании этого великолепия! Мой сад –

начало всех времен и дорог. Здесь! Появились первые люди. А я в свое время должен был следить за ними… Но…

Сварог принял безмятежное выражение лица, что немного успокоило филистимлянина. Но сначала ожесточенное выражение лица попутчика напугало его. Он едва не дал дёру от страха, но удерживало его то, что, чтобы скрыться куда-либо от него, он не знал местности, на миг забыв о волшебном амулете.

– Что-то пошло не так… – сказал Сварог, но вновь повеселел. – А знаешь, так даже хорошо. Я теперь могу вмешиваться в дела людей! Конечно, в самом деле влияя не на них, но на их желания. Тело бренно, но что находится внутри человеческого тела?.. Дух. Он не зависим ни от каких-либо внешних факторов, кроме самого человека. Это биомеханика. Она мне мало известна. Да и внешняя сторона тела мне… просто. Мне до него не досуг. Но гром и молния…

Мужчина то ли хвастался, то ли действительно был настолько заточен в своем одиночестве в этом парке, что представившийся случай, встретив здесь пусть даже обычного человека, поведать ему о своих достижениях и возможностях, тщательно скрываемых для простого смертного, заставлял его делать это.

– А знаешь?.. – Сварог замолчал, дав время филистимлянину осмыслить сказанное им.

– Гассан, – догадался молодой человек.

– Гассан… – повторил задумчиво его проводник.

– Да? – Гассан уже принялся не без опаски от того, что ему может стоить неприятностями, выслушивать откровения волшебника.

Сварог вновь оживился.

– Там, где я могу владеть природой, есть место, кроме этого сада. Здесь я так… Я здесь только слежу за порядком. Но в местах Дарполя, что на севере, я могу делать все, что захочу! Представь себе, если ты захочешь, то летом пойдет снег!

Гассан не знал, что ответить, да и не было необходимости в этом. Проводник сам продолжил за него, разворачивая свою мысль.

– А зимой наступит лето?

– Впрочем, насчет зимы я поторопился, но сила моя в том, Гассан… – Сварог искал слова, но каждая затянувшаяся попытка найти подходящее словно угнетала его. Человек менялся в лице. Оживленность его сменялась понуростью.

– Да что я обманываю себя, вот мои владения – вот мой дом, а там… – Выбросил он руку назад. – …все поменялось, когда Нил переменил свое течение.

Общаясь, путники то двигались вперед по выложенной кирпичом дороге, то останавливались, но окружающий их вид по-прежнему оставался таким же, каким был при знакомстве. Их путь-дорога, ведущая в неизвестность, деревья и кустарники, одни из которых для филистимлянина имели какие-то фигуры из подстриженной зелени, другие находились нетронутые в своем естественном образовании. Гассан

оглянулся. Позади него продолжал находиться сгусток тумана, если бы он возвращался, то никогда бы не нашел выхода из этих мест. Но Гассан Абдуррахман, сын великого заклинателя джиннов Хоттаба ибн Сулеймана, ни за что не рискнул бы зайти так глубоко, как не был бы он лучшим работником у самого Сулеймана ибн Дауда, царя Израиля, имея волшебную силу, при которой он, собственно, и попал в этот дивный мир.

Филистимлянин следовал за Сварогом, который позвал его вперед и у которого, казалось, никогда не угасает жизненная энергия, он выглядел бодро и казался своим. Но сейчас божество Дарполя и его людей словно приуныло. Его народ жил на земле, где были постоянные холода и явления, покрывавшие землю, называемые снегом, сменявшие зеленую траву, были нередкими, но лишь когда во времена потепления в период в Египте наступает сезон конца времени засухи под начало времени половодья. И народ его звался названием, как ни странно, схожим с божеством поклонения солнцу, именуемым в сочетании с египетским пантеоном небесного диска Ра как снежным народом Рас. Сам Сварог за последние времена редко появлялся в тех местах, о которых рассказывал Гассану, из-за случившегося там раскола племен.

Люди, именуя солнце Рас, разделились, перешли на созвучное ему имя Рос, а у племен хлебопашцев и общества косарей светило стало именоваться Рус. Так и появились у них из-за имен разные взгляды о божестве, поклоняясь то-

му, которого, в самом деле нет, а также причисляя его брата Перуна услужником непонятному для братьев идолу, что сердило его брата.

– Мой брат Перун, – говорил Сварог, – очень добрый, хотя кажется очень дерзким, но скорее он ворчун, – рассказывал ведущий по дороге среди зарослей деревьев и кустарников, трав и мхов новый товарищ филистимлянина.

– Он стал таким, после того как люди тех земель начали забывать о нем и обращаться к другим идолам. Несуществующим. Эх, – вздохнул, шествуя впереди, Сварог, – придет время – забудут и меня, и…

Он остановился.

– И все то, что касается сверхъестества. Но ведь так вроде бы пока не забывает наши возможности человек!

В его речи ощущалось воодушевление самим собой. Гассану не оставалось ничего, кроме как посочувствовать приятелю. Но, имея возможность получить новые знания, а также хоть как-то поддержать его оптимистическое настроение, обратился к нему с вопросом:

– А кто такие «мы»? – спросил он.

Сварог продолжил движение, за ним последовал и его компаньон.

– Кто? – Сварог сделал вид, что не понял, о чем ведет речь филистимлянин.

– Ну, ты говорил «нас забудут». О ком ты говоришь, кто они, как и ты? – пояснил Гассан.

– А.… Да так, оговорился, но…

Сварог снова продолжил путь.

– Скажу только, Гассан, что нас много, – сказал Сварог.

Гассан не стал допытываться, что скрывает его сопроводитель. Единственное, он желал узнать, что это за место, где они находятся сейчас, и как выбраться отсюда, не применяя магию. Впрочем, он всегда имел возможность вызвать джинна, как только потеряет желание продолжать путь или почувствует подвох со стороны этого божества людей Дарполя.

Освещение парка было несколько иное, чем на земле. Здесь солнца не было. Гассан не приметил, но, быть может, оно было незаметно из-за верхушек деревьев, гадал он. Но с каждым просветом вершин, где должны были просвечиваться лучи солнца, было только небо.

«Потом все разузнаю», – подумал Гассан, желая уже воспользоваться кольцом Соломона, но тут они вышли на поляну. С одной из сторон открытой местности шел мелкий дождь. В этой части поля едва виднелись столбы с преломлением света красного, оранжевого и желтого цветов. Гассан остановился, чтобы подивиться такому явлению. В противоположной стороне ему высматривать было, в общем, нечего, кроме на слегка покрытые колосья высокой травы легкого снега, темного затянувшегося неба и, казалось, бесконечно падающих белых хлопьев, отдававшие холодком, продолжая покрывать эту часть местности. Со стороны, привлекавшей Гассана, наоборот, веяло теплом, небо было чуть темно-

вато-голубым, но в его сторону плавно переходящее осветленной частью, куда они со Сварогом продвигались по дороге, ставшей уже узкой тропой, скрывавшейся в колосьях пшеницы или ржи, Гассан не знал точно. Она вела прямо ко впереди стоявшему одноэтажному строению, совершенно не похожему ни на один из домов, где бывал филистимлянин. Даже в родном его поселении и в других поселениях Филистии, граничивших, и иногда участвовавших набегами на их хижины, весьма отличались от этого дома. Отдельная труба на крыше была еще понятно тем, что служила дымовыводом печи, но более тонкая в диаметре труба из жести, выходящей из стены, прикрытой конусом, заставила задуматься путешественника. Отделка наружных стен строения была чем-то похожа на грубую отделку хижин Израиля, но здесь она была более гладкой и светлой. Но немного грубее, чем облицовка египетских пирамид, выстроенных некогда задолго до царства возле Нила, хранивших и поныне свою принадлежность в разрушенном пару столетий назад центра в Египте Мемфиса в области Та-шемау. Тут на пороге, дома обращенном со стороны ниспадающего снежного покрова, появился человек. Спустившись, он пошел навстречу путникам.

– То мой брат Перун! Погляди, Гассан. Он приветствует нас, он рад тебе и мне. Значит, мы сегодня попробуем медовухи! – радовался Сварог.

– Ме… до… что? – не понял его Гассан.

– А!.. Сам поймешь. Вещь! Брат! – проводник Гассана вы-

крикнул, раскинув в стороны руки, по-прежнему держа в одной из них свой посох.

Они приблизились к дому. Встречавший их человек выглядел совсем неестественным, для того чтобы его называли божеством и уж тем более поклонялись ему. Это был средних лет мужчина, хотя из-за прямой неряшливой бороды до пояса трудно было определить его точный возраст. Белая рубаха, расписанный золотыми закорючками пояс, которые Гассану ни о чем не говорили, каковых он решил определить просто узором. Однако что они были просто красивой вышивкой, филистимлянину с трудом представлялось. Брюки, схожие как у Гассана, вздутые, из весьма удобной материи, годились бы при любом погодном условии. На ногах то ли тапки, то ли повседневная такая обувь, выделанная из толстой травы или коры деревьев. Густые брови мужчины придавали ему грозный вид. Впрочем, если у Перуна оставить, представив из волосяного покрова лица лишь шевелюру, образ его был бы весьма приветливым и означал бы «так-так, гостюшки?! Ну! Милости просим друзья!», но тут взгляд, казавшийся исподлобья и затерянный в бровях, выдавал другой ошибочный: «Ну что, еще?!» Впрочем, приветствие человека совершенно изменило негативное восприятие его у Гассана.

– Мой друг и брат Сварог! Ты опять с новым другом? Ну, милости просим! Медовуха давненько уже сварена.

– И ждет тебя! – дополнил хозяин дома.

– О! – воскликнул Сварог.

Братья, поравнявшись, обнялись. Сварог представил Гассана. Перун долго рассматривал филистимлянина.

– Сын самого ибн Хоттаба, значит?! – сказал Перун.

Гассан слегка подивился знаниям незнакомого ему человека о его отце. Но так как он был неким божеством для кучки племенных родов, оставил вопросы о знаниях своих родственников, коротко подтвердив его слова.

– Ну, давайте в дом, – сказал Перун.

В горнице было просторно и светло. Отдельная часть убранств внутреннего строения составляла печь. На столе находился чайный прибор. В плетеных вазах была сдоба на любой вкус. На полках возле одного из окон рядом со столом стояли блюдца с желеобразной густой массой с ярко-золотистой коркой.

– Прошу за стол, – пригласил Перун.

Внезапно из одной из комнат Гассан услышал крик, переходящий в клекот, сменившись плавным мелодичным звучанием.

– Это свет-птица, – пояснил хозяин дома, заметив волнение гостя. – Сейчас она нам ни к чему – в горнице светло. Но как только Рас изменит свое направление, тут мы ее и посадим.

Перун показал на шест, стоявший рядом со стеной, с обмотанным на нем шероховатым кушаком. Древко заканчивалось деревянной рогаткой, напоминая чьи-то рога.

– Задхрынь! – позвал кого-то Перун.

И тут в большой комнате появился странный зверь с шерстью бурого цвета, при движении он косолапил, держа в лапах бочонок.

– Молодец, Задхрынь! – поблагодарил хозяин дома зверя, отлив из чаши с золотистой желеобразной вязкостью в одну из чашек, стоящую на столе, и отдал ее зверю.

– Кушай, дорогой! – сказал Перун.

– Стой! – вдруг остановил он Задхрыня. – Отнеси-ка сыночкам бубличков.

Перун снял одну из связок плетеных баранок с металлического сосуда с высокой трубой, стоявшего на столе, и передал сдобу зверю. Животное прокричало что-то на своем зверином, поблагодарив Перуна, и скрылось в том же проеме, откуда Гассан слышал звуки свет-птицы.

– А что, Задхрынь не отдыхает? Сегодня лето? – спросил Сварог брата.

– Нет, Сварог, сейчас только начало оттепели, – пояснил Перун.

– О! Так еще не все потеряно! А какое сейчас лето у людей с того дня, как мы согласились помогать нашим подобным человеческим существам? – поинтересовался Сварог.

– Сейчас лето четыре тыщи и триста тридцать второе от дарения Велесова угодия на оплодотворения вечныя.

– О! Так я тут и за этим. А, да нет, не за этим. Вот Гассан… Я встретил человека, моего друга, и обратился к тебе,

мой брат. Я долго ждал этого времени, сколько лет прошло со времени нашего уговора? – подметил один брат другого брата.

– Не много, – подумав, ответил Перун, – и ста лет не прошло…

– Точнее? – растянувшись в улыбке, добивался от него ответа Сварог.

– Точнее, шестьдесят два лета, – ответил Перун.

– Вот! Живут еще росы от упоминания Велесова! И будут!..

Было заметно, что Перун не был особо взаимно рад брату о соблюдении памяти людей о нем, следуя своему обратному собственному внутреннему убеждению. Он разлил, черпая из принесенного животным ведра, декоративно обработанным ковшом жидкость по бокалам, выглядевшим совершенно не такими, как посуда Египта, Финикии, Израиля или мест, являвшихся его родными, где чаши из глины являлись единственным видом приспособления для распития. Раньше застал Гассан те времена, когда они черпали воду из котлов или самодельно выделанной посуды из деревьев, здесь же сосуды были легки и изготовлены просто из твердой коры. Сварог, не мешкая, осушил тару. Получая удовольствие от напитка, казалось, он застынет в блаженнстве надолго. Но тут, очнувшись, принялся самостоятельно под одобрительным взором своего брата наполнять берестяную чашу.

– Гассан-филистимлянин не гладынь, он не бывал в засне-

женных землях подолгу, и структура его физики немного не такая, – загадочно для Гассана сказал Перуну брат и выпил медовуху.

Гассан же, распробовав напиток, отметил, что в нем есть вкус, похожий на лучшие вина Филистии и из мест Ашшура. Отметив в напитке вкус вина, то разлитую медовуху он выпивал лишь в солидарность гостеприимству. Осушив свой сделанный из коры стакан, не придя в едином выводе о его вкусе, и, вновь употребляя его раз за разом, когда после третьего стакана он, все же приняв приятную сладость, как дарящую легкое опьянение, поднимавшее настроение, желая на удивление его новым друзьям испить медовухи еще и еще.

– Но он человек! Как у нас был уговор. – Сварог был серьезен, но также не хотел давить на брата, в уголке его рта появилась едва заметная хитрая ухмылка.

– Ни Полетница, ни конь-человек, ни рептилия с задом жвачного животного, ни человек… с головой птицы, ни собака, никого из другого и более редкого существа. Первый из пожелавших войти в твою горницу! Отвали мне теперь полный бочонок медовухи! А?! Хе-хе… брат…

– Да, оно так. Тогда выпьем за филистимлянина! – предложил Перун.

– Употребим… – добавил Сварог.

Все трое осушили бокалы из бересты. Для Гассана это была четвертая порция, которая явно заставляла поинтересоваться, что за свет-птица находится в другой комнате. Но, не

дожидаясь ответа, собственно, Гассана самого повело в другую комнату.

– Фуить. Свет-птица, покажись… – крикнул басом Перун.

Его голос был настолько громким, что Гассан задумался, правильно ли он поступает, хозяйничая в чужом доме, даже гостеприимном по отношению к нему. Но поразмышлять ему не удалось. Как он тут же прикрылся руками, съежившись. Над ним ярким светом пролетел, казалось, огонь, так что на миг Гассан подумал, будто объят пламенем. Но, не ощутив запаха гари своей одежды, он, оглядываясь с опаской, опустив руки, поднял взор, еще больше зажмурившись от яркого пылающего света. Птица, влетевшая в горницу, устроившись на шесте, что-то гаркнула, сложив свои крылья, и ее свет стал заметно слабеть. Она вновь что-то гаркнула. Гассан, сориентировавшись на месте, сказал на своем языке «ну и дела», употребив к нему короткую фразу ругани, состоящую из родного диалекта, высказав мысли вслух. Братья, в свою очередь, наблюдая за действиями Гассана, улыбнувшись друг другу, предложили еще употребить гостю напиток причудливых стаканов, чтобы ему успокоиться.

День, казалось, здесь никогда не закончится. В трех из окон свет дня озарял горницу. Но когда Гассану захотелось выйти наружу по нужде, вместо уборной, расположенной в самом доме, он направился к выходу. Его привлекал снег, такой пушистый, как суфле из сладостей Вавилона, но холодный и очень безвкусный. Оказавшись снаружи, Гассан заме-

тил, что начался поздний вечер или даже ночь. Вокруг по обе стороны открытой местности было темно, и лишь заснеженные пустые просторы и звезды, ярко светящиеся с одной из сторон поля, навеяв о чем-то печальном, заставили юношу вернуться в дом, где было тепло. Тут же встретив во входе Перуна приняв его предложение лечь на печь отдохнуть, сделав так, Гассан отметил про себя, что напиток не только опьянял, но и клонил в сон.

Внутри дома через окна стало заметно темнеть, как будто день только сейчас заканчивался, несмотря, что снаружи за стенами Перунова дома была глубокая ночь.

В печи потрескивали дрова от разжигания свет-птицы. Птица, забравшись в топку, чудом разведя внутри огонь, вышла из нее, взлетев, уселась на свой шест. Тело Гассана овеяло приятным расслаблением. Это ощущение было намного приятней, чем в Гиввефоне. Печь дяди всегда топилась во времена, когда солнце практически редко показывается в небе на сезон в месяцах шват и адар, в ночное время оно затягивалось серыми тучами над всем Израилем. Тогда требовалось топить печь каждый день, как для обогрева жилища, так и для приготовления пищи, что было редкостью в доме Равена, чтобы ощущался домашний уют. В таком порядке случилось жить лишь при появлении в хижине принцессы Нефертатонптах.

Гассан, вкушая блаженство на согретом устройстве Перуна для обогрева дома, выложенном каменной кладкой и в

опьяненном состоянии от хмельного напитка, в последний момент перед сном вспомнил об оставшихся в Египте друзьях, решив, что обязательно… их посетит.

В самом деле, находясь ныне в неизвестном месте, до этого оказавшись на дне рождения своего отца, на его землях, Гассан не ведал о том, что ныне в его город Ашшур прибыло известие из Египта со многими вопросами к нему, и с одним «как дела, дорогой друг?»

означавшее, что нужна помощь.

Проснувшись, Гассан не знал, утро сейчас или день, но было светло. Он вспомнил вчерашний затухавший свет солнца, когда снаружи за дверью уже стояла глубокая ночь. От печи веяло теплом и сном. Хотелось задержаться на тепельке, как назвал Перун устройство обогрева дома, но филистимлянин все же заставил себя оставить уютное место. Но что всерьез толкало Гассана Абдуррахмана ибн Хоттаба отбросить желание понежиться, продолжить сон, так это желание вновь увидеть Вишух А, и, спрыгнув с печи, тотчас он решил провести ритуал по вызову магического духа.

– Прошу великопочтенно отпотчевать гостя к столу, – произнес Перун, поднеся ко рту блюдце с напитком, заваренным из душицы.

Божество Дарполя сидело за столом с чистой скатертью и шарообразным медным изделием для кипячения воды с высокой трубой, наполненным древесным углем. Совсем другой способ подогрева воды в Ашшуре. По утрам Гассану в

его опочивальню приносили утренний напиток из тонких заваренных листьев уже готовым в сохранявшем теплоту чайнике и горячую подслащенную воду, и он смешивал эти растворы в отельном бокале с ручкой. Чем подслащивали воду, Гассан не интересовался, но знал, что такая водичка была доступна лишь ярчайшей знати Междуречья. Менее же зажиточные люди употребляли напиток с халвой или другими продуктами, такими как мед или томленый сок кокоса. Во времена проживания в Израиле Гассан иногда смешивал разогретую воду в котелке с молоком коз для вкуса. В Филистии, родине Гассана, воду грели, разбавляя ее заваренным из цветков с освежающим и бодрящим эффектом.

Пригубив предложенный Перуном заваренный напиток, перед этим смешав его с водой из самоварного прибора с трубой, Гассан, вспоминая вкус других утренних напитков, отметил про себя, что ему больше по нраву пригубленный в Египте «красный чай». Приготовленный из трав ярко-красного цвета, вымоченный специальным раствором для придания ему сладковатого привкуса, сочетаясь с его кисловатым вкусом, выпивал он который часто по утрам после празднования дня рождения Несера, но уже после того времени, когда они с Нефертатонптах заняли трон Верхнего Египта, объявив древний город государства Мисраим в новоэллинском названии.

Гассан, поедая одно за другим душистые мучные изделия за столом Перуна, узнавал в их содержимом приятный вкус

плодов, неизвестных ему. В разговоре поделившись этим с идолом Дарполя, узнал названия ягод: клубника, смородина и ежевика.

– Да, да, вот эта как будто кислит, напоминая утренний чай… – Гассан, увлекшись завтраком, забыл, зачем поднялся так рано. Или не рано…

– Есть такой чай из красных лепестков и есть такой один фрукт… – У Гассана внезапно возникла другая идея отплатить за гостеприимство хозяину дома, расположенного в странном месте, где непонятно, где ночь, а где утро. – Который можно добавить в заварку… Давай мы его сейчас и добавим? А все это, ну, твои пироги, я заберу с собой в Ашшур. А потом мне снова надо встретиться с отцом, Перун. Он замыслил какую-то охоту. Вот потеха! Я только сейчас вспомнил! Уж как больно хорошо я проспался на твоей теплой лежанке, что все мысли отлежал, – делился гостеприимством Перуна Гассан. – А у нас в доме дяди уют стал проявляться после появления в нем Нефертатонптах… Равена…

Внезапно образ добродетели Перуна стал меняться. Гассан отметил, как едва заметные морщины на лбу даже не изменились, но Гассан почувствовал от них некоторую напряженность или даже нарастание гнева. Черты лица домовладельца также принимали вид суровости или скорей окаменелости. До этого момента личность Перуна, располагавшая к себе, стала вдруг прохладной, но более как отчужденной.

– А где Сварог?.. – решил сменить тему для лучших вза-

имоотношений.

– Я так думал, что добром все это не кончится. Однако остается узнать, кто ты сам. Такой гость?! Или же все-таки…

Перун начал приподниматься, его и так могучее тело, казалось, стало еще большим, Гассан почувствовал себя букашкой, как когда-то замечанной не раз на разостланной ткани лежанки в Гиввефоне, набитой годовалой соломой.

– Задхрынь!! – позвал Перун медведя, не спуская взгляд с Гассана.

Выпрямившись, хозяин дома положил руки на пояс, расправив плечи. Филистимлянину оставалось гадать, куда бежать в случае атаки на него идола староверов.

Главное, чтобы он не узнал о его волшебном кольце. Гассан был готов применить его при любой возможности. Но сейчас, решил он, перед верзилой лучше руками не махать.

– Сгоняй за Сварогом! Он в хлеву! – приказал Перун зверю.

Задхрынь прорычал в знак исполнения указания и отправился в комнату, откуда еще вчера явилась к ним свет-птица.

– Поспрошаем, кого нам тут состряпатель привел. Человека! Или маскарад нам тут решил устроить?!

Гассан попробовал привстать, не отводя немигающего взгляда от божества россов, но, не осмелившись этого сделать, продолжал ждать момент, чтобы произнести заклинание.

«…может, просто позвать джинна? Но как нашептать

кольцу? “Джинн, приходи”, что ли?..» – гадал филистимлянин, но вдруг решил расслабиться и залить кипятком из самоварного изделия заварку, приготовленную не так давно, во вторую чашку. Как ни странно, при этих действиях Гассан не ощутил ни страха, ни ненависти от домовладельца, наоборот, ему также хотелось предложить наблюдавшему за ним здоровяку продолжить с ним трапезу, как вдруг наконец в горнице появился Сварог.

– Что? Что случилось? – Его взгляд был удивленным.

– Ты глянь, кого ты к нам привел! Но если бы я вчера спросил его, а не тебя о том, как он оказался в наших местах?! – сказал Перун.

Его голос казался более громким, чем вчера.

– Он же сказал: прибыл из дальних краев, оттуда, где есть великолепный город, целая цивилизация с бескрайними полями виноградников, величайшими… – продолжил Сварог, но остановился.

– Ты знаешь, брат… зачем он здесь? Ты знаешь, кто его отец?! – спросил Перун.

– Хоттаб, владыка и повелитель всех джиннов. и сам Джирджис ему служит. – Не понимало гнева своего друга божество руссов.

– Они с папашей хотят устроить тут охоту. На наших поселках и всех его животностей! – пояснил Перун другу.

– Что?! – Тут Сварог перевел взгляд.

Его доверчивый взгляд, остановившись на нем, было вид-

но, едва справлялся с недоверием к словам Перуна. Как вдруг его посох засветился. Тут Гассан не выдержал, вскочив из-за стола, не допив из чаши с ручкой напиток, вскинул над головой правую руку, при этом как можно так, что придать убеждение тому, что действия его намеренны, растопырил пальцы руки.

– Джинн! —убедившись, что ему никто не мешает, Гассан сделал круг. – Появись!

В суете он позабыл правильность выполнения ритуала, но, отметив, что ничего не происходит, тут же убедившись в том, что его знакомые, властители душ Дарполя, дают повторить ритуал, Гассан вспоминал действия, вызывающие слугу кольца. Переделать все правильно. Сделав круг правой рукой, он наконец произнес волшебные слова:

– Леху мешарет абот ликрателай!

Однако по-прежнему ничего связанного с магическим появлением духа не происходило. Гассаном овладела настоящая паника. Он схватился за левое запястье, кольцо-подделка было на месте. Гассан отказывался принимать неудачу. Им овладело оцепенение с осознанием того, что в глубине души он надеялся, да и не мог допустить, что идолы, с которыми он так недавно задушевно выпивал настоянный душистый мед, предадут его и сделают с ним немыслимое. Но тут, однако, наконечник посоха Сварога, символизирующий вечность и богатство, стал останавливаться, теряя при этом свое свечение, как вдруг тут же всю комнату заполнил дым без

присутствия какого-то ароматического основания, и в нем, к радости Гассана, начал угадываться силуэт слуги кольца Соломона.

– Джинн! – выкрикнул филистимлянин, как будто это был его лучший друг. – Забери меня отсюда к прямо к Вишух А, а я тебе целого быка подарю и пряностей! Только отнеси!

Гассан Абдуррахман не знал, что на всем поле, покрытом белым холодным покровом снаружи хижины Перуна, как и внутри дома, мощь амулетов царя израильского не имела силы. Джинн безучастно взирал на владельца кольца.

– Джинни?! – Не понимал его молчание Гассан. – Слуга кольца, вытащи меня отсюда!

Сцена недоходчивости филистимлянина продолжалась бы долго, пока Сварог не пожалел незадачливого сына Хоттаба, сына Назарея, жизнеописание которого уходит далеко к безначалию Магриба. Отец отца Гассана занимался менем верховенствовом при жизни, но более мирным.

– Успокойся, Гассан. Твой дух не властен только в доме Перуна, здесь идет согласие между эфирными крайностями. Здесь хаос приобретает баланс между плотью и духом, – сказал Сварог.

– Охватывающа духом плоть, разделенная область начинается здесь, – Сварог пытался объяснить значение его с братом мира, – где приостанавливается и последний путь человека. Здесь грань, где взвешиваются его ошибки и дела. Как и дела его благожеланий.

Сварог был как никогда серьезен в словах и внушителен.

– Мы позволим тебе с братом… – Сварог переглянулся с Перуном, – перенестись туда, куда ты желаешь, но ты должен усвоить одну нашу просьбу.

Гассан был весь во внимании. Недаром повелители дум казались совершенно безобидными и лучшими собеседниками, но сейчас в них ощущалась великая мощь без единого намека на иронию или забаву.

– Всему кто пытается показать истину, скрывает свои собственные желания, тому не верь. И неуточняй дела преждевременно, – загадочно произнес Сварог.

После того как он так сказал, перед Гассаном все исчезло, и только умиротвореный взгляд Сварога словно сейчас начал исчезать, выветриваясь из его памяти.

Гассан очутился в том помещении, куда они спустились со слугой Хоттаба, – в разномировом подземелье, которое сам отец филистимлянина давно не посещал и не решался. Здесь, Гассану казалось, ничего не изменилось, даже можно было предположить, что людей в этом месте за тысячу лет или даже больше не было. Так безмолвно выглядели стены и безымянно все, что там было. Статуи являли собой словно застывших когда-то на века людей. Но выбор перед Гассаном встал вновь он включал единственный и точный, проход, который находился слева. Это другие открытые ворота, ведшие в темный мир, выдавали большее пространство, отталкивая от себя, взамен проступающему страху перед неиз-

вестностью ожидавшему оттуда подвоха, что являла собой зияющая тьма. Гассан аккуратно, словно крадучись, продвинулся посередине помещения, так что оказался напротив каждого края из врат, чтоб ненароком не попасть под чьи-то лапы, или ноги, или крылья. Остановившись, поджидая для безопасности какое-то мгновение кого-нибудь из двух этих туннелей, посчитал, что если повернуть направо, то он опять попадет во владения Сварога. Впрочем, подумал Гассан, это было бы его правильным выбором, насчет которого его предостерег Сварог, употребление хмельного медового напитка может привести в конце к непредвиденным последствиям, но в этом уже не было бы опаски на неожиданные обстоятельства если рядом друзьям, нежели увеселения с не приятелями. Заодно будет возможность без проблем познавать остальные тайны владений идолов Дарполя и Перуна. Но, приблизившись аккуратно, словно подкрадываясь, к по-прежнему открытому проему, филистимлянин вдруг услышал свое имя:

– Гассан! Мальчик мой, вот ты где! Наверное, уже заждался, мой дорогой сын?! – Это был его отец Хоттаб.

Гассан оглянулся. Встретив отца больше его не пленяли действия по выбору, куда ему отправиться.

– Отец, что это? Что это за вместилище, и куда это твой слуга привел меня? – спросил Гассан отца, чтобы быть готовым ко всему.

Хоттаб, раскинув в стороны руки, желал заключить сына

в свои объятия. Но остановился. Ему было необходимо рассказать сыну, о чем тот спрашивает, и предупредить о его дальнейших действиях и своих планах. Позади него, ожидая свое время, находился Юсуф, и у Гассана складывалось мнение, что он также знал об этом зале, но сам здесь никогда не был.

– О! Это древний склеп Лаэр Эна. Так его называли атолиэндичи.

Гассана удивило новое слово, вероятно, название какого-то поселения или цивилизации отдельного древнего народа.

– Двести сотен и десять веков тому назад, – рассказывал Хоттаб, – когда против нас в небе находилась другая земля… Да, да, сын, наша земля – она как полусфера, и могущество ее в том, что она не дает людям улетать за пределы, туда, где живут духи и другие существа, невидимые для нас. Но тем, которые же не могучи, вмешиваться в наши дела. То ли им кто-то не позволяет, то ли кто-то не разрешает. Но однажды, знаешь, я уяснил одно, сынок! Здесь людям позволяют делать все, что заблагорассудится! А также есть такие штучки, которые придают еще большую силу не только над людьми, но и над мочами природы, которые нас делают могущественными!

Хоттаб настолько был убежден в своей правоте и всевластии, что его лицо для убеждения сейчас, казалось, выпадет. Но этого не случилось. Хоттаб продолжал:

– Но тебе, наверное, совсем не интересно знать о твоем друге, сын мой, достаточно иметь у себя на руке амулет, что сильнее самого гроша! Самого потопа!

Гассану, конечно, не хотелось увлекаться сейчас древними историями, но желание узнать о царе Израиля, как он догадался, на кого намекает Хоттаб, заставляло его прислушаться к отцу. Впрочем, лучше бы это было не здесь, в некогда запущенном месте, а, например, в каком-нибудь другом более благоприятном для беседы, например, на прпространстве балкона его апартаментов в Ашшуре.

– Ну, он просто… не просто царь евреев, царь Израиля. – Гассан чувствовал недоверие к царю Израиля его отца и пытался проникнуть в его дружбу Хоттаба, чем сейчас их отношения казались для Гассана скорее отношения как работник и работодатель. – Отец. Соломон дал мне подарок за хорошую работу, вот и все, – поделился сын с отцом.

– Отлично! Сын мой, тебя повысил сам царь Иудеи!

Хоттаб принял позу высокомерия, однако, растянувшись в улыбке, посмотрел на сына. Омар Юсуф, младший из сыновей Хоттаба ибн Назарея, понял, что подразумевается под дружественным сарказмом их отца, также улыбнувшись, тем самым как бы одобряя рассказ о правителе Израиля.

– Нет, Гассан, он теперь твой друг да, быть может, и наставник, и смотри, как бы он не обратил в свою веру, – сказал Хоттаб.

Как вдруг его лицо стало серьезным.

– В те времена, – начал Хоттаб, – когда тебе исполнилось всего три года, второй из царей евреев имел большое влияние в основном над Ханаанской землей, издревле владевшей тогда многочисленными войсками! Многочисленные армии собирались и разбивались на многие поселения, образовывая новые колонии, новые племена. В те времена люди могли свободно ступать из одного места в другое, где теперь же эти места разделяет граница! При твоем царе!

Гассан хотел поспорить с отцом по поводу границ, потому как, побывав в окрестностях Израиля, понимал теперь, что не было бы такого государства, не было бы централизованной культуры и сохранение богатств, а также обмена и торговли в отношении с другими государствами. Если прежние грабежи и насилие до сих пор потрясают сознание поселян плодородных земель Большого моря. Богатеи бы своевольничали, приведя человечество раствориться, как о том слышал Гассан от Хирам Абифа о разрушенных городах у берегов Невкусного моря.

– Но не волнуйся, сын мой! Ты мой найденный сын и можешь иметь дружбу с кем пожелаешь, даже с самим Джирджисом! Но ты должен простить меня за то, что я даже и не подумал искать тебя. У меня появился новый сын. – Хоттаб умиленно глядел на старшего сына и перевел свой взор на Омара Юсуфа.Хоттаб вновь растянулся в улыбке, представив Гассану второго сына. – И я был рад его появлению.

Во время пира Хоттаб уже открывался своей любовью к

матери Гассана. В опьяненном состоянии и с появлением за многие годы сына он желал без меры поделиться с ним, во время рассказов все же отвлекаясь на воспоминания своих завоеваний, истории, связанные с волшебством и неизвестными никому существами. Теперь, в подземелье он старался не повторяться, но часть слов, забытых в охмелевшем угаре, пыталась прорваться, чтобы дополнить его рассказ.

– Но я тебе говорил уже пару дней назад, когда ты… – он хотел сказать «случайно», – неожиданно прибыл, и как раз в день моего рождения! А?! Сынок, признайся, тебе кто-то выдал тайну даты, когда я появился на свет?! – с опаской о правоте своей догадки узнать имя их общего знакомого.

Как подумал Хоттаб что речь вновь зайдет о забытом своем друге, а быть может, и враге и, стараясь успеть не получить от Гассана ответ, прочитал в его мыслях, не желая знать больше ничего о том, как и где жил его потерянный сын.

Где-то в глубине души он ощущал вину перед покинутым Гассаном и более не желал вспоминать о том, дабы не делиться с ним, упадая в томления воспоминаний и объяснения, не выносимые для него самого, Хоттаба ибн Назарея. Единственное, чтобы уцепить в сыне значение к отцу, хотя Гассан в этом и не нуждался, решил поделиться с ним некоторыми замечаниями из своей прошлой жизни, не приступая к силе гипноза. Причем его воспоминания содержали весьма неприятные моменты.

– Нам пришлось с твоей мамой покинуть ханаанские пле-

мена, – делился Хоттаб, – точнее, то, что от них осталось.

– Да, отец, ты рассказывал, вас преследовали, – напомнил Гассан, предлагая тем самым уйти от воспоминаний, которые, как казалось ему, отдаляли его с Хоттабом.

– Пророки Валаама, разделявшие некогда эти племена, были пленены царем Мисраима, ныне, как говорят, Египта?

Гассан подтвердил название древнего государства.

– Но не Рамсес был виновен в том, что ваши племена стали неугодны воле египтян. Они знали многое, вот, в частности, Валаам, сын пророка Илии, сына Моисея, который, кстати, и увел из Египта евреев, знал многое. Он знал, как повелевать бурями, вспахивать моментально поля, и так, чтобы в дикой пустыне появлялась вода. Целые озера! После того как евреи прибыли на плодородные земли, кстати, удивительным способом. Они прошли через Красное море, пока часть его отступила, и полнота воды их дороги была не больше, чем толщина моего пальца. – Хоттаб показал мизинец, сам притворно изображая удивление.

Гассан также был удивлен таким чудесам, но больше его поражали чудные дела в долине Перуна.

– А часть египетской конницы, нет, вся конница, преследовавшая пророка с евреями, пала в пучину. После прохода беглецов море вновь затянулось. Так вот, часть мудрецов, соединенных общиной, отданной в память пророка Валаама, разделилась. А после того как Давид, отец Соломона, царь народа иудейских хананеев совмещенного из соития арак-

меев и финикийцев, единолично сокрушил последнего высокого человека из племен северных гор, пошли очередные внутренние разногласия. Прошел даже один мятеж, поднятый финикийцами против соединения границ с племенами, образованных из сыновей Иакова язычниками, которые впоследствии все равно примкнули к родам израилевым. Кто затем отдельными племенами Филистии правил, я не знаю, да и нет на то у меня желания знать. Теперь главное – ты, сын, со мной. Но те, кто не желал оставаться в землях холмов, как и мы, были вынуждены скрываться и биться с иудеями, как и с племенами богини Аастры Междуречья и Баалы! Им не нравились наши устои, сражайся или умри. Нас, промысловиков, не разделявших религию морского царя, было мало, мы не вынесли напора. По благоволению свыше осталась не тронута одна деревушка, где нам с твоей матерью удалось укрыться. Но ненадолго. После возведения на пустоши разделивших нас и филистимлян боевых острогов вынудили нас бежать в места аль Машрика в Мисраим. Но вскоре и там ваш царь установил свое правления, дал о себе знать. Он женился на одной из дочерей фараона, тем самым укрепив свои силы. К нам истинного числа амореев вновь приняли обложение и гонение. В ту пору Омару Юсуфу исполнилось два года, но мать ваша уже не могла следовать за мной. Но до последнего момента я оставался с ней!..

Хоттаб остановился, задумавшись, но продолжил:

– А тебя мы оставили дальней сестре твоей матери. Она

очень любила тебя, Гассан Абдуррахман, как свое дитя, своих у нее не было, – сказал Хоттаб.

Омар Юсуф ибн Хоттаб словно впервые слышал эту историю, так же внимательно слушая отца.

– Мой дальний брат Равен, кстати, видимо, неплохо тебя подучил, сын мой, раз ты вот так хорошо справляешься с волшебным браслетом. Даже можешь не стараться скрыть от меня, на какой он у тебя руке. Я прекрасно знаю, – похвастался своей интуицией Хоттаб. – А знаешь, сынок? – вдруг увлеченно спросил отец Гассана. – Я давно ожидал достойного соперника для своих игр.

Хоттаб для Гассана после таких слов стал выглядеть не больше, чем его отец, но скорее как просто заинтересованное деловое лицо.

«Занятно! – подумал Гассан, гадая. – Уж не ту ли охоту хочет навязать мне отец, которой так опасался Перун?»

– В твоих мыслях нет ничего зазорного, сынок, что скрываешь. Я о твоих новых друзьях, о которых ты еще мало знаешь. Открою секрет, сын мой. Омар Юсуф, твой родной младший брат, не унаследовал магию внушений, но лишь часть интуиции от своей матери, дочери ханаанских калиодов, – сказал Хоттаб, поясняя тем догадку о Перуне, но далее не стал посвящать вновь обретенного сына в семейные таинства, посчитав, что, если это будет нужно, Гассан сам все разузнает. Сейчас его больше привлекал азарт игр, планируемых в местах, где энергия планеты концентрировалась

больше, где совпадали грани разных миров тайного и видимого, где большая часть секретов волшебства хранилась под образованием созданием космоса, часть не позволяема для открытия человеку.

– Около ста веков не открывались эти ворота, – пояснил Хоттаб Гассану, обнаружив в мыслях Гассана вопрос, где же они находятся. – Ну, хорошо, сынок, расскажу тебе еще кое-что. В аль Магриб мы перебрались, конечно, не от удачи и везения. На то повлияла та же магия иного мира, собственно, та же, что и привела тебя сюда. Но более я должен упомянуть…

Немного подождав, Хоттаб был не в силах сдерживать эмоции.

– Сынок, хвала Каилу! Сейчас ты рядом со мной! – Казалось, Хоттаб вот-вот растрогается.

Но, обняв наконец сына, Хоттаб заговорщицки прошептал:

– Ну, мы тут развлечемся, Гассан!

Он похлопал по плечу совего сына, улыбнувшись. Омар ибн Хоттаб, в действительности не зная о планах отца, но ему было известно одно: его отец сильнее Гассана, но не тем, что он был его отец, а тем, что у него есть могущественный амулет, владея которым, обладатель его мог управлять самым главным из джиннов, и никто с ним не мог совладать. Омару не досталась власть ни над одним из волшебных духов. Однако еще с раннего возраста он, как мог, старался, скры-

вал в себе желание также обладать этой силой, и, со временем научившись управлять самосознанием, он так это умело скрывал от Хоттаба, что тот поверил в то, что Омар свыкся с мыслью о своем рождении без шансов на обладание в будущем магическими вещами. Просто Омар тщательно скрывал свои навыки, тая в себе, зависть к отцу.

На безымянном пальце правой руки Хоттаба Гассан заметил большой перстень, точь-в-точь который представлялся ему в мыслях незнакомца в проулках Израиля. Прощупывая его сознание, пытаясь его контролировать, тогда Гассан изучал свои способности. Филистимлянин узнал камень в перстне. Это был ан ха калаг тура камень бело-лунного цвета, который искал тот мужчина.

– Так вот зачем он… – Гассан оборвал мысль, чтобы не узнали его тайну, но все его соображение уже было поймано его отцом.

– …холоп альтотимских князей. Альтотимы, сын мой, это отголоски хамшинов, простолюдины всегда в поисках чего-то этакого, – с долей надменности и важности от своих познаний повествовал Хоттаб.

Видимо, он гордился своими редкими, но точными познаниями о людских племенах.

– Особи поселений, собранных невесть откуда, охочие на какую-нибудь безделушку с раздутой, дополнительной, ничего не значащей историей.

Гассан внимал словам Хоттаба и корил себя за то, что

вновь дал возможность войти в свой разум иному читателю чужих мыслей. Но тут он заметил, что тот, поймав его мысли, ощутил подъем духа, еще не понимая о начавшейся в нем игре Хоттаба ибн Назарея. И теперь, он уже умело блокировал проникновения в свои мысли другому думопросвечивателю и тем более управлять ими.

Как вдруг Гассан почувствовал тяжелый установившийся на нем взгляд Хоттаба Саидшарифа ибн Назарея.

– Ощущаю, что ты теперь в игре, Гассан! – значительно произнес Хоттаб.

На самом деле, несмотря на его грозный вид, Хоттаб был доволен без какого-то либо воинственного расположения, скорей оттого, что ему лишь приходится вести интересную борьбу с тем, кто был бы ему равным. Хоттаб восторгался своим сыном как достойным противником, которого так давно у него не было, даже зная, что Гассану не хотелось участвовать в подобных забавах своего отца. И первым просчетом магистра Магриба было то, что старший сын не мог устоять перед его вызовом, к тому же не зная о том, что Гассан Абдуррахман был уже подготовлен к волшебному состязанию. Однако и первому просчету для Гассана была занижена сила могущества его отца. Хоттаб ибн Назара, словно схватив что-то в воздухе, сжав кулак, подводя руку к себе, вызвал на удивление Гассана своего духа.

– Вызываю раба Джирджиса!

Это было так просто, а для вызова джинна Гассана требо-

вался целый ритуал.

– Леху мешарет абот ликрателай! – спешил Гассан, уже гадая, чем он сможет удивить отца, едва уже не сдаваясь властителю джиннов.

После действий рукой сделав в воздухе окружность перед Гассаном появился его джинн. Он был, как всегда, немногословен.

– Слушаю тебя, господин владыка кольца, – прозвучало из уст необыкновенного духа.

Почти в мгноновение среди людей появились существа с телами внешне схожие с человеческими, но принадлежавшие магическим вещам. Гассан стоял напротив отца, его дух появился рядом с людьми, зависнув чуть выше их голов. Непоколебимое выражение лица исполнителя желаний было по-прежнему безучастно, но в то же время джинн был готов к выполнению любых указаний Гассана. Его торс был крупнее тела человека, но менее массивным против повелителя джиннов, уже ожидавшего указания своего руководителя позади Гассана. Чьим видом филистимлянин был поражен, но оставался непоколебим! Однажды Гассану пришлось, как сейчас, однажды испытать чувство выдержки, когда впервые он, оказавшись один на один со своим наставником и одновременно противником Патоном, соплеменником родной деревни.

Гассан случайно обратил внимание на лицо Омара, глядевшего поверх него, Хоттаб в его сознании ощутил ка-

кую-то неприязнь, но не страх. Гассан обернулся. За ним возвышалось нечто. Он узнал образ ифрита, повелителя всех джиннов. На холме Исайя Соломон, магической силой управляя духами, упрятал таких неприятного вида существ. Обличие ифрита напоминало укороченное рыло крокодила, черное тело. И против джинна Гассана темный сгусток витавший возле тела джинна Хоттаба рассеиваясь, снова и снова проявлял себя. Его торс едва был схож с человеческим, более массивным, отличаясь телом джинна Гассана и тем, что был покрыт хаотично расположенными волосами. Далее ниже торса тело, как и джинна Гассана, терялось в туманном сгустке.

– Чего требуешь, хозяин?! – спросил повелитель джиннов после появления другого духа.

Гассан успел произвести ритуал и произнести волшебные слова.

От громогласного голоса у Гассана возникло ощущение, что он уже проиграл. Но азарт тут же взял верх. Будучи филистимлянином, Гассан на играх своей деревни был лишь запасным игроком. Но за время постройки великого храма на издревле плодородной земле Ханаана, возведения нового царства в Египте, провозглашения себя наиглавнейшим статусом в величественных плодородных и благочестивых, насыщенных благодеяниями людей земель Междуречья, Гассан был просто не вправе отказаться от сражений. Даже со своим отцом, чье родословие уходило в далекие века, отда-

ленные от воинственного направления. Вдруг в нем возникла главная мысль, проявленная ужасом от облика верховного из джиннов, подведя как можно быстрее к самообладанию, была озвучена Гассаном:

– И… что мы будем делать дальше? – спросил Гассан отца.

Хоттаб, однако, не ожидал такого вопроса. Он сложил руки на груди, довольствуясь слугой своего перстня. У него были другие планы. Прежде чем вступить в охоту, затем устроить соревнования между джиннами, Хоттаб предполагал вначале показать сыну возможности слуги волшебного украшения, конечно, скрывая все средства магического духа.

– …так, приступим! – сказал Хоттаб.

Хоттаб убрал руки с груди, настрой его был серьезным.

– Джинн… – Но вдруг он остановился, украдкой посмотрев на реакцию Гассана. – Начнем с темного мира.

– Выполняю! – произнес так же громогласно слуга перстня Хоттаба.

И тут же все трое из людей очутились в другом месте.

На какой-то момент их обуяла тьма. Но тут же рассеялась, и перед Гассаном сменилась картина. Теперь вместо древней, но хорошо сохранившегося подземлья, в некоторых местах затянутой паутиной, их окружал хвойный лес. Столько деревьев, кустов и трав филистимлянин еще не встречал. Разве что в лесах своей родины, где они с тем окружением ребят, что сейчас можно было бы называть «названые бра-

тья», с кем он учился жизни, принимая участие в разных кругах обязанностей, или же поддерживая юмор, смеялись с ними над нелепыми шутками. Как, было это однажды одному случаю. Засидевшись в очередной раз в патруле, ожидая, когда сработает охотничья ловушка, разведя костер, ребята рассказывали друг другу забавные истории из былин, конечно, связанных с героями или об иноверческих завоевателях во главе с мудрейшим, все же не доброжелательным царем к своему народу, расположившихся по соседству Филистии. Подходя к концу историй с отчасти ироничным комическим итогом.

– Разве это история? – хвалился однажды Холаэф, юноша тринадцати лет. – Вот я вам сейчас о таком происшествии расскажу!.. – говорил их товарищ, когда они, коротая время, ожидали появления в ловушке кролика.

Гассан вспоминал о своем товарище, находясь сейчас в мире, не являвшемся в действительности его домом, но так схожим лесами с его родиной. Холаэф был на год старше Гассана, но он уже стоял на той ступени, позволявшей вступать в соревнование, когда другим мальчикам его деревни разрешалось только после четырнадцати лет.

Мимолетная грусть заставляла Гассана вспомнить еще один момент из детства.

Во времена, когда команда юных охотников дежурила на ловушке кабана, упустив качество ее установки. Из неглубокой ямы, лишь поранившись о расставленные внизу колья,

сумев выбраться на свободу, разъяренное животное пронеслось мимо Гассана, когда он едва успел спрятаться за ствол одного из массивных деревьев.

На случаи прорыва дикого зверя охотникам не гласно предписывалось предупреждать команду. Разделившаяся группа юных охотников, пытаясь забить животное камнями и кольями, не ожидала выносливости кабана, пустилась в разные стороны. Но кабан побежал именно туда, куда бросился Холаэф. Юному Гассану нужно было предупредить своего напарника, так как он первый заметил опасность, чтобы его товарищ был более внимательным. Но Гассан застыл. Он испугался, посчитав, что зверь повернет и направится в его сторону. Однако кабан, в самом деле, как встревоженное дикое животное, от удавшегося спасения и шума только увеличит свой бег, дабы спастись. Гассан забыл об этом. И Холаэф спасся от настигнувшего его зверя только благодаря удаче. Зацепив ногой корень дерева, вылезшего из земли, споткнулся как раз в тот момент, когда боров настигал юношу. Кабан проскочил, оттолкнувшись лапой об упавшее тело Холаэфа, скрылся.

После этого эпизода никто из ребят не обратил внимания на нюанс истории о скрытии Гассаном, об умолчании им об опасности со стороны появления дикого животного. Напротив, Холаэф много раз рассказывал, гордясь, как хряк использовал его как опора для своего бегства. Зверь едва доходил ему до груди. В сравнении с Гассаном Холаэф был

на голову выше соплеменника, чем и отличался от него по физическому строению. Оба юноши не имели атлетического сложения, за исключением Арноэфа, отрока, который в свои тринадцать лет мог состязаться и со старшими ребятами. Но тот мало с кем водил дружбу из своего поселения, все больше сближаясь с детьми из другого племени.

В следующие годы у Гассана, сына могучего Хоттаба страны Хаб Амахтзир, ко времени подготовки игр поселений появился свой наставник Патон, который был старше его на год, как и Холаэф. Родом из другого образованного поселения – города Ашдод – с другим миропониманием, где предпочитали иные взгляды к идолопоклонничеству Бала, идола борьбы и развития.

Сейчас, находясь в окраине, похожей на его родные места, Гассан пытался вспомнить оращение Патона, служившее назиданием в игре, как вести ее без потери контроля над соперником.

– В дальнейшем, наблюдая за ними, ты будешь распознавать их правила ведения борьбы. Твоя задача – научиться это делать быстрее, и тогда исход будет на твоей стороне! – Вспоминал его слова Гассан.

Однако из-за своего характера Гассан никогда не прислушивался к тем, кто был старше его, считая свои достижения и навыки приобретать личным путем, постоянно проигрывая в ходе боевых забав. И желания у него вступать в подобные стычки было все меньше и меньше. Наконец, пока Хесен

Аквиинский в прошлом, как Гассан ныне, сын своего настоящего отца Хоттаба, величайшего магистра Хаб Амахтзира, той части земли, куда заходит солнце, не ощутил себя взрослым, повстречав однажды девушку, которая приходила ему даже во сне, по имени Маруанна. С этих переживаний и начались его скитания, собственно, благодаря чему он и нашел своего отца.

Гассан, оглядывая местность, краем взора обратил внимание на Хоттаба. Тот, также оценивая обстановку, рассматривал все вокруг, уже представляя себе всю ширь и полноту местности. Хоттаб, заметив на себе взгляд Гассана, тут же проник в его сознание. Не найдя в его мыслях ничего подозрительного предложил свой план.

– Вот туда, – указал он, сверкнув на пальце перстнем с удивительным камнем, – там есть озеро. Вот там-то мы, сын, и начнем меряться своими силами, – сказал Хоттаб.

Волнению Гассана перед джинном отца не было предела, он тщательно скрывал свои ощущения. Сам Хоттаб ибн Назара был отчасти уверен в непоколебимости сына и его готовности к сложным ситуациям. Тем самым еще больше довольствуясь о достойности своего соперника.

В чаще не было ни птиц, ни животных, ни даже легкого ветра, который бы шевелил листья густо разросшейся зелени. Все выглядело неестественным. Не было зноя, жары, как, например, в местах, где теперь жил Гассан, или как Египте, как и никакого холода здесь не ощущалось, как в поле, засы-

панном белым морозным пухом, как назвал его Перун, порошей.

«Запорошен лес, дома на людских землях,
Все покрыто мерзлой каплей изо льда…
Там не найти края», —

говорил как-то идол россов, народа, населявшего места, где силам магических духов в мире людей было остановлено. А те, кто остались, живут среди людей. Чародейным сущностям в помощь людям в наказание за то, что, когда-то увлекшись в своем собственном бестелесном состоянии до освоения тех мест человечеством, развлекались тем, что мешали им жить, приобрели плоть, обязанные теперь так прожить многие века, со временем не старея, но уменьшаясь в размерах и в конце своей жизни, с последним выдохом, могли исчезнуть навсегда. Когда другие из их остатка вынуждены ожидать своей участи до времен, пока земли, ныне скрытые под белой порошей, и моря, покрытые льдом в краях тех народов, вновь откроются после своего оледенения, и земля вновь не начнет, трескаясь, извергать пламя, тем самым пропуская духов в другие миры.

Гассан, его отец и Омар Юсуф недолго добирались до нужного места. После заросшей деревьями чащи они прошли через небольшую поляну. Нигде не ощущалось легкого дуновения ветра. Гассан заметил, проходя меж веток деревьев: травы поляны колыхались лишь при касании тел прохожих, отклоняясь, возвращаясь в свое положение.

Пройдя через легкий лесок, они наконец прибыли к большому озеру размером чуть менее водоема в Фивах друзей Гассана Несера и Нефертатонптах. Не спеша филистимлянин, поразившись чистотой водоема, направился к нему, не думая об остановившихся позади него путниках.

Первым отреагировал его отец, с ехидной улыбкой Хоттаб Саидшариф остановил последовавшего было за Гассаном Абдуррахманом его брата рукой.

– Пусть первым узнает лик бессмертного владыки. Если что… Мне же придется спасать его… – с притворным сожалением сказал Хоттаб, предвкушая в себе ошибочное мнение о возможностях Гассана. Омар Юсуф ибн Хоттаб послушался отца. Однако ему также хотелось вступить в их игры. Хоттаб прекрасно знал, о чем думает его сын, но также знал, что один он вступать с невиданным врагом без помощи отца не станет.

– Я не знаю будущего, об этом может лишь сказать тетка Икриша.

Омар посмотрел внимательно на отца. Он некогда слышал это имя не с лучшей из сторон о некой женщине из легенд.

– Лилит?! – предположил он.

Хоттаб посмотрел на сына, затем вновь перевел взгляд на отошедшего Гассана.

– Сирина, – произнес он. – Особа не из приятных, – Сказал Хоттаб, продолжая, не отрываясь, наблюдать за сыном. Гассан дошел до озера. Хоттаб пытался сконцентрироваться

на мыслях Гассана, продолжая рассказывать Омару:

– Ее душа до сих пор, я слышал, вселяет трепет. Думаю, она по-прежнему блуждает между мирами людей и духов.

Хоттаб не успел договорить. Он прервал речь из-за взбудораженного даже его разум явлением.

– Дагон!.. – лишь прозвучало в его устах.

Хоттаб Саидшариф поспешил отнять руку, запрещавшую Омару идти вперед, и был готов применить силу одного из сокровищ повелителя земли папируса Сусакима. Когда Гассан Абдуррахман, оказавшись у краев зачарованного водоема, едва прикоснулся носком своей в краях Израильского царства модной туфли, нарушил легким волнением неподвижность глади. Камненос никак не думал об неожиданном проявлении в бассейне естественного образования, но, как верующий в действительную силу магической вещицы на его руке, он мог бы задуматься о подозрительном спокойствии в неизвестной ему местности, как могло бы повлиять на него то, что он оказался также магическим путем в этот мир. И как только Гассан ибн Хоттаб заметил нечто, поднимающееся из-под воды, тут же приготовился вызывать своего помощника.

– Леху мешарет абот ликрателай! – произнес он и описал в воздухе круг.

Как только он успел это сделать, перед ним из воды стало проявляться нечто, похожее на голову очковой кобры, с несколькими щупальцами, торчавшими вдоль тела. Морда

чудовища была схожа с собачьей, что можно встретить в любом из сел, но и небезобразным это рыло все-таки назвать было нельзя. Позади образа расстилался змеиный капюшон с парой очей по обеим его сторонам. Из ноздрей выходил зеленоватый легкий дым, что-то вроде отдельного подбородка от нижней челюсти сливалось с телом. Размеры монстра, казалось, росли и росли, пока он, поднимаясь из воды, наконец не застыл, глядя сверху вниз. У филистимлянина все сжалось от страха, но Гассан, не подавая виду, оставался уверенным в слуге кольца.

Чудовище, оглядев осуждающим взглядом людей, перевело одно из своих очей на джинна Гассана, другим оно наблюдало за непрошеными гостями, разглядывая то Гассана, то ожидавших, что произойдет дальше, поодаль филистимлянина остальных прибывших.

– На Факишшар лэ аамашши…[21] – произнесло чудовище, обращаясь к джинну, обратив внимание на людей вторым оком. – Лми йерешши?[22] – спросил монстр, обращаясь к джинну, не обращаясь в его сторону.

Отец Гассана, как и его сыновья, не знали, о чем говорит змееподобное существо, но он сделал попытку проникнуть в его сознание, тут же найдя в нем только тьму, объятую пламенем. Едва спасшись от объявшего его ужаса, который умело скрыл, поспешил покинуть его голову. Мыслями из

---

[21] А, Факишшар эль Аамаши…

[22] Зачем беспокоите меня?

пламени трудно управлять, к тому же очи его были не пропорциональны друг другу, чтобы сконцентрироваться в его взгляде, нежели как человеке или другом существе, чей разум подчинялся легче. Хоттаб мог бы управлять сущностью идола, но не в этот раз, дух существа, казалось, состоял из едкой пыли и газов.

– Севашши Ашу мулех![23] – продолжил монстр.

Страшила с головой аспида показывал свой раздвоенный язык при каждом шипении. Никто из людей не понимал, что говорит огромная очковая змея. Однако у Гассана и его отца страх понемногу затихал, но появлялось другое ощущение – что аспид вновь скроется под водой и в следующий раз вызвать его будет делом кропотливым и опасным. Змей вновь обратил одно крутящееся око на джинна.

– Ми йефлехлу Факишшар?[24] – обратилось чудище к джинну, ведя наблюдение за людьми одним оком.

Джинн Гассана продолжал молча наблюдать за Нечто. И, вдруг, идол города Ашдод начал исчезать в отражающей небесный свет глади водоема, пока не скрылся вовсе.

Гассан оглянулся, но отец дал понять взглядом, что ему вновь стоит заняться левиафаном. Гассан начал понимать: это и есть часть игры Хоттаба, в которой, вероятно, в первую очередь ему бы предстояло разузнать язык чудовища. Гассан, глянув на джинна, перевел взгляд на водоем. Он решил

---

[23] Слушаю вас, люди!

[24] Что они хотят, Факраш?

сам разузнать таинства подводного существа. И все же каменносу, отчасти как обычному человеку, никак не хотелось тревожить существо. Где-то в глубине себя он ощущал его вполне безобидной тварью. Но игра есть игра, и отступать было некуда. Позади ожидал его решительных действий отец как игрока и как старшего сына.

Гассан Абдуррахман снова дотронулся носком до воды. Легкая рябь, однако, никак не действовала на появление левиафана. Тогда Гассан усилил действия. Но и в следующий момент ничего не произошло. И филистимлянин стал решительней. Бросив взгляд, на своего джинна, убедившись, что тот на страже, топнул со всей мочи по воде, омочив каплями воды свой халат. Тут же из воды появилось чудовище. На этот раз не медля, своим появлением выкинув часть тела из водной глади, обрызгав Гассана Абдуррахмана еще больше. Очи аспида, казалось, пылали яростью так, что человека могли испепелить, не говоря уже о его пасти, могущей проглотить любого. Как вдруг джинн, слуга кольца Соломона, вдруг увеличившись до размеров аспида, прикрыл своим телом владельца магического амулета. Огромная кобра, застыв, не ожидала такого действия джинна. Выпучивая все свои крутящиеся в разные стороны очи, с удивлением аспид обратился к джинну:

– Ми нвот Факишшар?![25]

Но, не получив ответа, тут же продолжил:

---

[25] Ты что, Факраш?!

– Инешши гведанивошшиво нашшеви?[26]

Аспид пытался взглянуть из-за тела джинна на людей.

– Веши онди ведажж?..[27] – спросил аспид.

И тут, казалось, чудовище, наполненное яростью, внезапно сметет магического духа вместе с ним, если поспеет от некоторого момента застывших от ужаса людей, ожидавших поодаль человека, нарушившего его покой. Однако оба мифических существа словно понимали друг друга, застыв, глядя друг на друга, словно гипнотизируя друг друга. Вдруг неожиданно для всех джинн принял обычный вид.

– Свои ижжи чуваточин ичветаль[28], – сказал Факраш аспиду, уже глядя на него снизу.

– Кешшим жжилис неву[29], – прошипел аспид и скрылся в воде.

И джинн, словно выполнив свои обязанности, тоже исчез.

Первым нарушил тишину Хоттаб ибн Назара.

– А твой джинн умен, однако! – сказал он.

Гассан обернулся на голос направлявшегося к нему Хоттаба. Его брат отправился следом.

– Я думал, у них тут будет состязание! – как мог поднимал себе настроение взамен сожалению о несостоявшейся баталии Хоттаб. – Но на этот раз будем считать, что никто не по-

---

[26] Так это твои друзья?

[27] Или же один друг?..

[28] Люди здесь в игры играют.

[29] Тогда понятно.

бедил. Филистимский див. Я бы не стал в особенности беспокоить его в знак памяти о нашей прародине, сынок.

Гассан пытался понять слова отца.

– Это был Дагон?! – не скрывая удивления, поинтересовался его старший сын.

– Да, – коротко ответил Хоттаб.

– Это и есть воочию божество Большого моря, филистимляне трех городов поклоняются змее! Пресмыкающемуся.

«Так, значит, оно существует!..» – задумался Гассан.

Но действительный вопрос, который интересовал его, он озвучил перед отцом, полагаясь на его знания.

– А о чем они говорили, отец? – спросил Гассан Хоттаба.

Хоттаб Саидшариф задумался.

– Не знаю. Но… у твоего джинна есть имя, – сказал Хоттаб, довольный тем, что может удивить соперника.

Гассан Абдуррахман не настолько был устрашен видом дива, сколько поразился словам отца. Сам Хоттаб был также несколько удивлен такой новостью. Ему было известно, что имен у джиннов нет. Впрочем, часть легенд гласила о магических духах, имевших прозвания по их заслугам. Но это он решил скрыть, заинтересовавшись в призвании джинна с именем, тем самым проявив желание лучше изучить дар Соломона, когда появиться на то огромное желание, то выведать истинное предназначение владение им Гассаном.

Хоттаб Саидшариф ибн Назара в последнее время во всем стал больше проявлять сомнения. Испытывать на прочность

свои догадки, как и людей, он начинал делать с детства, что, собственно, удаляло его от общего мира замыкая в себе.

Конечно, Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб рассказывал отцу суть кольца Соломона, но многое упустил на вечеринке, больше уделяя внимание его рассказам и хвастовству правителя Хаб Амахтзира.

– У него есть имя?! – спросил Гассан.

– Факраш. Я понял по выражению, когда они разговаривали между собой.

Хоттаб усмехнулся.

– А знаешь, что в голове у твоего джина? – спросил Хоттаб.

Гассан отрицательно повертел головой.

– Бесконечное пространство голубой дали и никаких мыслей. В его голове полный хаос. Люди, дома, крики, драки, – увлекся Хоттаб.

– Да я знаю, – вспомнил Гассан о человеке, искавшем драгоценный камень в Дане, – вполне возможно.

– Ну, вот, ты все знаешь сам об этих странных, похожих чем-то на людей существах! Я слышал, некоторые из них прежде были людьми, но затерялись как-то и остались между мирами в облике так сказать послушания. Об этом мне как-то раз поведал Джирджис ибн Реджмус, как я понял тогда, ему самому от кого-то стало известно. Один, как он слышал, из джиннов служил людям. И, выслужив свой срок, обещано ему было стать человеком… или же служить в наказание

свое…

Задумался Хоттаб над правдивостью рассказанного ему предания.

– Как твой ифрит, папа? – спросил Гассан.

– Нет. – Хоттаб все знал о своем демоне. – Это повелитель джиннов, он никогда не был и не станет человеком. Такие превращения редки, и то, я полагаю, всего лишь выдумки содержателей душ. Даже внук проклятой тетки не станет выкладывать все! Может, потому что еще жив и выглядит вполне здоровым его последний предок. Вот только следы истории теряются на самой Сирине потомства Полиса…

Задумался Хоттаб, но тут же продолжил:

– Джирджис подарил мне этот перстень за одни дела! – Хоттаб благодушно поделился с сыном, все же скрывая от него часть истории о приобретении волшебного амулета. – Он поделился со мной и тем, что им не было встречено ни одного духа из заговоренных амулетов с именем. И я думаю, это миф, – поделился своим мнением Хоттаб, – не более. Джирджис Реджмус, великий заклинатель! Он овладел своими знаниями, когда Мисраим был еще маленьким поселением. До Большого Сфинкса. Те края тогда еще не были покрыты песками, но всюду уже росла полынь-трава. Деревья стали редки. Но шум, по рассказам, от них доносился не как здесь! – усмехнулся Хоттаб.

Гассан, когда речь зашла о месте, где он оставил своих друзей, решил использовать возможность больше узнать о

Египте.

– А почему, отец, стало так, что там теперь один песок? – спросил он.

– Почему? Почему? Откуда мне об этом знать?! Я историей не увлекаюсь. Это вот вопрос скорей к твоему братцу, он больше копается в мифах и легендах.

Оба мужчины посмотрели на рядом стоявшего молодого человека. Омар Юсуф, понимая, о чем его хотят спросить, слушая их, все же не мог дать какого-либо ответа на их взгляды.

– Да мне мало о чем известно, – ответил Омар.

– Вот видишь! Нам остается только заниматься развлечениями. А историей пусть занимаются специальные на то люди! Омар?

Хоттаб перевел взгляд с Гассана на младшего сына. Омар Юсуф ожидал указаний отца.

– Готовься поработать палкой!.. – произнес Хоттаб, украдкой подмигнул Гассану, укрывая довольную ухмылку, подталкивая тем самым к очереднму развитию игры. Ход был за Хоттабом. Хоттаб Саидшариф вызвал ифрита как в прошлый раз, словно захватывая воздух в кулак, блеснув золотым ободком перстня, опоясанный бриллиантовой каймой драгоценный камень.

– Вызываю раба Джирджиса!

Магический безобразный дух появился, произнеся условности подчинения.

– Чего требуешь, хозяин?! – спросил повелитель джиннов.

– Достань мне скипетр Ра! – приказал Хоттаб.

И тут же перед повелителем джиннов в воздухе появился египетский жезл фараонов.

Появившийся посох после рассеявшегося дыма опустился в протянутую руку Омара Юсуфа. Глядя на всех сверху, ифрит мог лишь догадываться, для чего людям требуется символ египетской власти.

– Ну, сынок, твоя очередь! Ты знаешь, как владеть уасом! – сказал, подбадривая младшего сына, Хоттаб.

Омар, глядя на отца, не обращая внимания на старшего брата, вскинул жезл вверх. Подняв его перед собой, произнес заклинание:

– Ни пач, ах кхин кхак! Пак суцх так![30]

Жезл тут же вылетел из рук Омара. Из раскрычевшегося вокруг своей оси уаса в центре направленного вверх с концом виде незамкнутого кольца, направленное в высоту выше деревьев струей, выплеснуло пламя огня, ожидая дальнейших указаний.

– Цуц, наль че![31] – произнес Омар.

В вытянутой руке, выставив указательный палец, направил им огонь на кроны деревьев.

Скипетр мгновенно повторял движения его руки. Огонь охватил все вокруг: листья деревьев, низкие кустарники и

---

[30] Я выбираю жреца огня! Формировать палицу факел!

[31] Зачищать место деревьев!

даже верхушки растений в виде удивительных цветков.

– Ч хам! – приказал он палице.

Омар словно наслаждался своим делом. С исступлением наблюдал он за своими деяниями, руководя послушным жезлом.

– Ого! Угу-гу! Сынок! Ну, ты и задумал! Все испепелить?! Я думал, ты покажешь Гассану лишь часть того, на что способны вещицы Сусакима! Ты ж прямо вояка! А?! Ха-ха… – сказал Хоттаб, восторгаясь делами сына, кратко наблюдая за Гассаном. Гассану Абдуррахману едва было не по себе от проявившей себя части его родни. Он был готовый ко всему, но не ожидал лишь того равнодушия по отношению к природе от родственников, что его мысли принимали очертания недопонимания. «Что же они могут сделать с людьми?!» – хотел предположить Гассан, но вовремя оборвал свои рассуждения. Гассан опасался, что отец прочтет его догадки. Представление младшим братом скорей не внушало страх Гассану, но ужасало это чудо тем, что умерщвление чужой природы не являлось для него великолепием магии. Он силился чтобы не вызвать джинна помешать бесчинству. Тем не менее показывать свою добродетель Гассан не спешил, он знал, что чем будешь лояльнее ты, тем более слабым тебя сочтут.

Гассан не заметил взгляда Хоттаба на него. И когда пламя разошлось более, чем оно было, охватив водоем, отражая свои языки на зеркальной глади, у Гассана в голове возник-

ли чьи-то голоса: «надо всколыхнуть воду…» – и тут, не выдержав, филистимлянин произнес заклинание, вызвав джинна. Он обратился к нему, на мгновение захотев назвать того по имени, но остановился, посчитав, что это может рассчувствовать и замедлить выполнение джинном приказа. Ведь друзьям, а именно у джиннов с именем могут возникнуть доверительные отношения к их владельцам, как посчитал Гассан, не зная истинной природы магических духов, которым также свойственно вступать и в споры.

– Джинн, погаси пламя, я тебя умоляю! – не выдержал Гассан, выдав свое возмущение к затянувшемуся хаосу.

Джинн увеличился в размерах и огромной рукой схватил жезл, изменившись при этом в лице, сделав суровый взор. Пламя из жезла, скрывшись в ладони джинна, тут же прекратилось. Но откуда ни возьмись появился ветер, еще больше разгоняя оставшийся огонь среди полыхающего леса, не трогая по-прежнему островок с людьми. Джинн, продолжая службу, разжав яростные кулаки, раскинул руки, как вдруг небо разверзлось громом и молнией. Почерневшее небо стало сгущаться над пожаром, и из него пошел мощными струями дождь. Таким образом вызвав ливень, джинн исчез, словно его не было, а с ним и символ власти египетских царей.

Понимая, что по удивительному составлению магии Гассан заметил, что на его одежду и одежду его компаньонов попали лишь редкие капли дождя. Впрочем, после Гассан ничему больше не удивлялся, но если лишь по редким дета-

лям развития его дальнейших приключений.

– Ого! – снова не лишил себя возможности поострить Хоттаб Саидшариф ибн Назара. – Какова мощь твоего джинна, сын?! Затушил весь лес! А где посох? А? – без каких-либо притязаний заявил он, ожидая оправданий Гассана. Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб не знал, что ответить.

– Не расстраивайся, сынок! – утешал Хоттаб Гассана, заметив его сердитый взгляд.

Он не желал делать сына своим настоящим врагом. Подыскивал он слова, считая, что зашел далеко, подтрунивая над казавшимися малыми возможностями Гассана, располагая в запасе возможности ифрита, как предполагал он, невообразимыми силами против отражающейся силы Факраша. Причем в действительности еще не представляя действительную мощь помошника его наследника.

– Ты хорошо проявил себя. Не растерялся. Но и дал Омару оттянуться! Он постоянно хотел выкинуть что-нибудь в таком роде. Из своих забав у него только игры с наложницами, игрища. Чей лучше скакун. Кто победит этого…

– Фурата, – подсказал Омар отцу, удовлетворенный своей новой забавой.

– Вот! Да, борьба. В общем, детские забавы… и все. Магический перстень принадлежит мне! Он заговорен на меня! И Омар все равно бы не мог воспользоваться им, если бы и захотел. Потом у меня много стражи, которая меня охраняет.

– Отец…

– Что отец?! – Вдруг шутливый взгляд Хоттаба изменился. – Да шучу! Неужели ты, мой сын, Омар Юсуф, осмелился бы поднять руку на своего отца?!

Хоттаб притянул к себе сына и обнял его. Омар любил отца. В самом деле, он вполне довольствовался безмятежной жизнью Хаб Амахтзира, воздвигнутого многие поколения назад свободолюбивыми мужами и по сей день объявленного так собой владений частью земли, песка и пыли. Дальше него располагалось освоенное государство Сусакима фараона Нижнего Египта, под властью которого была до какого-то времени и северная часть Мисраима. Охраняемые свои места независимого царства от царства Израиля. Соломон после своей женитьбы на дочери Сусакима приобрел часть своей волшебной силы, так как большими знаниями в магии обладала дочь фараона Надиам. Вследствие некоторых соглашений южная часть земли пыли и песка Мариб осталась за филистимской Иудеей под покровительством Израиля. Но всего того, что находилось далее к югу и за разливом Большого моря горные места уходившие в неизвестные дали, Хоттаба по их завладению не интересовало.

По преданию, подземелье Хаб Амахтзира являлось нечто началом истории ведших со времен древних пророков, где, по поверьям легенд, существовал некий кладезь всего сущего, что имело власть над землями, народами, знаниями, как иметь власть над идолами, с одним из которых игроки уже встретились.

Оглядевшись, Гассан заметил, что все после творений младшего брата являлось не чем иным, как неприятным зрелищем. Испепеленные стволы деревьев и земля, некогда покрытая густой травой, посыпалась теперь темными сгустками пепла и угля. Но вид, составлявший хаос состязания, было заметно, неприятен был и самим его виновникам.

– Да, папа, в этом поединке вы справились!.. – заметил с иронией Гассан. – Спалить весь лес вместе с живностью. А кстати, что это за место такое? – вдруг поинтересовался Гассан. – Ни птичек, ни зверей не слышно. Да и ветки, я заметил, даже от ветра не колыхаются.

Хоттаб ибн Назара словно ожидал этого вопроса. Ему самому многое не было известно об этом мире. Но в пространстве, который он собирался пройти, являясь этим миром, Хоттаб еще не ведал о том, что в действительности ему это будет не под силу.

– Ты удивлен? – ухмыляясь, спросил Хоттаб, не зная, что ответить сыну. – А я нет! Мир Изумруда, или Просветительства, в прошлом был создан задолго до появления пророков, – начал рассказ Хоттаб, – но, знаешь, все когда-то было. Не здесь, не под землей, в глубине чертогов. А снаружи! Великое землетрясение тогда заставило первых творцов Книги Созидания покинуть поверхность. Пророки – лишь просто продолжатели тех времен. Сейчас я даже не знаю, живы ли они. Но когда-то мир был иным.

Хоттаб задумался.

– Люди обладали такими знаниями!.. Что сейчас таких нет! – продолжил он. – А все, что осталось от пророков… Магистров, что ли… как их еще назвать… это исполнители желаний. Они им являлись, как полагается… стражниками, что ли, или слугами… точно мне неизвестно…

Хоттаб едва не проговорился, что одним из последователей по владению знаний древних пророков и единственным их хранителем являлся ныне царствующий государь одного из городов Ханаана. Но все же часть мысли просочилась в сознание его сына, и Гассан тут же пытался ухватиться за нее. Умения Хоттаба скрывать и владеть гипнозом не позволили далее узнавать его мысли. И все же Гассану хватило одного имени, которое он сумел ухватить.

– …Сулейман, – домысливал он исчезнувшую мысль отца, – ибн Дауд… Соломон, сын царя первого из истинных правителей Израиля Дауда, – вдруг догадался он. – Царь Израиля! Именно он последний хранитель книг царств… Он все знает?! – обратился уже к отцу Гассан, и тут же у него появилось желание отправиться к самому царю.

– Не советую спешить… – предложил сыну его отец, догадавшись о его намерениях.

Гассан при всем желании скорей отправиться все же решил прислушаться к отцу, но потому что так желал сам, из уважения к родителю.

– …Впрочем, – сказал Хоттаб ибн Назара, подумав, – давай, пробуй. Вызывай своего друга! Это и будет местом все-

властия и концом игры!

Гассану понравились слова отца об окончании игрища, но, с другой стороны, насторожили. «Не может ли быть его разрешение подвохом?» – гадал, тая в себе такую мысль, Гассан. И все же он, недолго думая, вызвал джинна. «Если даже джинн и не вытащит его отсюда, и не отправит к Соломону, то я буду немного уверен в том, что и демон отца не настолько силен», – предположил про себя Гассан.

– Леху мешарет абот ликрателай! – сказал он и описал в воздухе круг.

Джинн тут же появился со словами покорности в рассеювающейся дымовой завесе:

– Слушаю внимательно, господин кольца!

– Джинн, – «как там тебя?» – подумал на мгновение филистимлянин, – Факираш, – обратился Гассан к духу, исковеркав его имя, поспешив.

Однако на удивление всегда предусмотрительного Хоттаба и скептически настроенного в верности и самовыражении магических духов Омар ибн Хоттаб джинн промолчал, услышав свое имя, но предположив в нем больше, чем слугу волшебного амулета. Не изменяясь в лице, дух ожидал указаний. И вдруг на этот момент всегда любопытный и не упускающий случая для своего самопознания Хоттаб сделал попытку, воспользовавшись замешательством сына, проникнуть в сознание джинна. Однако получил гипнотический отпор. Хоттаб сделал вид, что ничего не произошло.

– Надо перенестись к Соломону!.. – произнес Гассан, и на удивление Хоттаба Саидшарифа джинн произнес слова:

– Слушаюсь, владыка кольца!

И вдруг Гассан превратился в блестящую пыль. Направившись к проему подземелья, откуда они с отцом и младшим братом пришли, пронизывая воздух, пролетев через выгоревшие лес и луга, Гассан, точнее, то, что его представляло, вскоре попал в глубокую тьму. Проникая через нее пыльным сгустком, Гассан, то и дело меняясь, приобретал форму человека, разлетаясь, вновь собирался в сверкающую пыль, пока не вылетел из врат, куда они с отцом и младшим братом входили, и не очутился в начале подземелья с величайшими колоннами и статуями в человеческий рост, с полной детализацией фигур, словно это были не статуи, а застывшие люди. Они по-прежнему представляли собой неподвижные образа. Кто в доспехах или накинутой легкой мантии на теле. Здесь была также статуя с торсом человека, головой собаки и длинным хвостом, как щупальце.

Итак, поднявшись по винтовой лестнице, точнее, планируя разбрасывая по пути частями пыли, В конец, собравшись комкообразным полупрозрачным веществом выскочив через гостевые покои, где он остановился у отца, Гассан появился через балкон, на лету приобретя свой обычный облик, направился снова в путь. За промежуток превращения, обретя свое тело, взмывая вверх, он случайно упустил одну из туфель. Поэтому при полете по воздуху он вынужден был

прятать одну ногу под подол халата. Но полы халата Гассана болтались на ветру во все стороны, едва ли утепляя его конечности. Холодный воздух обмораживал его уши и лоб. При этом в полете Гассан пытался укрыться в одежду без всякого проявления интереса к тому, что находится внизу под ним. Он пропускал мимо своего внимания, когда облака ему открывали пустыри земель, заснеженные горы, отдельные пространства полей виноградников и пашен, он парил в небе с мыслью о скором приземлении. Появление ярких лучей солнца, которые редко показывались во время его перелета из густоты влажных сгустков облаков, давало ему шанс лишь на то, чтобы осознать действительность и привести в порядок мысли. Едва приобретая ощущение тепла от светила, согревшись, Гассан тут же, взявшись духом, решив на лету произнести заклинание, но, попадая в очередное мокрое облако, съежившись от прохлады, быстро оставлял эту затею.

Наконец пролетев кукую-то продолжительность пути, Гассан очутился в саду царя Иудеи.

Приземлившись, он огляделся. Поняв, что он на земле обетованной, и неважно, в каком из ее мест, переминаясь с ноги на ногу, принялся переодевать халат. Вскоре, привыкнув, осознав, что на земле, здесь, намного теплей, чем в небе, откинул единственную туфлю, остался босым.

– Эхе-хей! – вдруг услышал Гассан чей-то голос позади слева от себя, куда кинул обувь. Он оглянулся. Перед ним

стоял на его радость знакомый человек.

– Осий! Ха-ха, старина! Ты?! Рад тебя видеть! – обрадовался коллеге по стройплощадке Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб.

Но еврей не спешил к нему с распростертыми объятиями, в отличие от его друга.

– И я рад встрече! Гассан Абдуррахман, – сдержанно и кратко произнес Осий, но все же улыбка дружелюбия так и хотела вырваться с его уст. – Но теперь… – не успел выговорить Осий.

Гассан что есть мочи обнимал старинного друга. Еврей, придерживаясь кротости, едва сдерживал себя от радости вновь встретив друга,.

– Ну как ты?! – Гассан даже подзабыл, зачем он покинул подземный мир Хаб Амахтзира и что остался без золотых туфлей.

– Нормально. Ученым стал, – сказал ровным голосом Осий.

– ?! – Гассан не знал, что ответить.

Он оглядел некогда коллегу по строительной площадке. Радость от встречи охлаждалась в нем без казавшейся взаимной радости товарища. Сам Гассан был неизмеримо рад встретить своего товарища, сдружившись с ним на холме Исайя, нежели когда он встретил Омара Юсуфа и их отца, заклинателя долин Хаб Амахтзира. Все же, оценив вид и прочитав мысли Осия, он решил выкинуть из головы поведе-

ние сокомандника, стараясь понять его статус. «Впрочем, – подумал филистимлянин, – ефремлянин был всегда скованным человеком вопреки своей отходчивости».

– Тебе туфлю-то надо бы найти, Гассан, а то простудишься, – ненавязчиво посоветовал ему Осий.

– Да! Ерунда, на своей земле-то!.. – сказал Гассан.

Филистимлянин привык, что дела его всегда и везде несли неразрушимый, но своевольный характер, при этом, пробыв в гостях у Хоттаба ибн Назарея, он подытожил его.

– Все же … надо бы с собой ее поносить, – посоветовал товарищ.

Гассан, уже отпрянувший от Осия, но скорей из-за отсутствия поддержки своего ликования, огляделся в поисках туфли, тут же заметив ее.

– Ну да, продать… можно. Вишух А подарю что-нибудь, – задумавшись, сказал Гассан, косясь на обувь, – а переплавят нити – анкх сделаю.

Гассан посмотрел на Осия. В речи Гассана звучала обида. Его лучший друг встречает его не так, как полагалось бы давно не видавшим друг друга друзьям. Однако еврей понял свою ошибку, что показал себя надменно. Без поиска мыслей в проникновении сознания человека, как мог делать это Гассан. Осий сам изменил свое общение, исключением вопрос о знакомой Гассана.

– Это царственный сад, – сказал еврей, сняв настороженность. – Сюда, видимо, по твоему желанию джинн и доста-

вил тебя.

Как ни странно, слова ефремлянина успокоили Гассана.

– Ну да, конечно! И знаешь, мой друг… – Гассан уже забыл о казавшейся недоброжелательности своего друга. – У него есть даже свое имя! Мне отец так сказал на тот момент, когда джинн общался с Дагоном, идолом филистимлян.

Гассан в этот момент хотел о многом поведать: другу и о необычном напитке племен севера, и о чудесах таинственного подземелья, и о том, как ему удалось построить храм для народа у Быстрой реки в государстве двух рек.

– Ну что это за шапчонка у тебя такая смешная? – отвлекся Гассан. – Раньше ты носил как бы побольше размером и с маленькими такими ушками? – пошутил Гассан, интересуясь головным убором Осия.

Осий усмехнулся.

– Это, – закатил ефремлянин взор кверху, – означает купол неба. Шамаим. Означает храм, прикрывающий нас от нечисти, от всех тех, кто пытается найти истину не от творца любви и добродетели, – непонятно для Гассана ответил израильтянин.

– А… э-э, знаний? – предположил Гассан.

– Ну, знания не всегда есть любовь, Гассан, – принялся с неохотой объяснять Осий. – Истинная добродетель на самом деле в нас самих, но мы скрываем ее, выдавая за знания.

Гассан не стал настаивать на объяснении речей Осия. Его больше интересовала личная жизнь товарища, а также что

он может сказать о друзьях, оставшихся в Египте.

Осий был одет в халат, краями достающий до земли, серо-белого цвета, слегка плотно прилегавший к телу. Начисто выбритое лицо шло к рассудительному образу ефремлянина.

У Гассана за период его приключений появилась смешная, чуть вытянутая бородка.

По краям халата еврея от верха до низа шла обшитая лента с проложенными на иврите словами, о смысле которых Гассан не имел желание узнавать, поскольку ему немало хватило преобразования самого Осия.

– Хорошо, дорогой Осий, собственно, как ты сам? Хотя вижу, что хорошо! – Гассан, заметив важный взгляд друга и вспомнив о закинутой где-то туфле с загнутым вверх носком, сам ответил за друга.

Часть оставшейся обуви Гассана оказалась в трех шагах от них в траве от тропы, на которой он встретил сподвижника, с которым некогда выстраивал храм для Соломона.

Как только Гассан подобрал расшитый золотой тканью башмак, Осий словно преобразился.

– Гассан! Дорогой! Я безмерно рад встретить тебя на земле Ханаана! – сказал еврей.

Однако Гассан, вертя в руке обувь, не спешил отвечать взаимностью. Осий же понимал его обиду, из-за холодной встречи товарища по истечении долгого времени, спешил обнять его, заб о неполученном взаимном объятии друга. В конце концов, друзья были рады друг другу. Осий предло-

жил провести Гассана в палаты царя, при этом уже сам вытягивал из него рассказы о приключениях.

Наконец они подошли к одноэтажному строению, расположенному посреди удивительного сада.

– За время, которое ты пропадал, Гассан, я подолгу находился в библиотеках царя. Многое изучал, – поделился Осий.

Но не это удивило филистимлянина. После нескольких кратких сведений из уст Осия об изменениях в царстве, где Гассан отнесся к ним нейтрально, Осий поведал другу о том, что не стоило бы знать ни одному из горожан Израиля.

– И за большой период моего учения Соломон сделал меня своим помощником. И у меня теперь другое имя, Гассан, – признался Осий.

Он решил поделиться со своим старинным другом, изменившись, став тем, каким прежде его знал филистимлянин. После долгой их разлуки еврей Ханаана, как заметил Гассан, стал более сдержанным в словах, более внимательным к собеседникам, он начал прислушиваться к ефремлянину, и отчасти этичный образ товарища даже забавлял Гассана.

– Иерован, – поделился с ним Осий.

– Что-то означает, конечно? – с лукавством спросил Гассан.

В те времена дававшееся имя при рождении человека имя шло от названия какого-то действия или характера явления.

– Да, «подопечный», ну или как помощник, как я уже тебе

говорил, – ответил Осий.

– Хм, забавно. Так, значит, ты теперь на службе у самого царя? Знаешь, а я ведь как раз к нему летел… – Гассан подыскивал нужные слова, – приземлился… э-э… прибыл.

Рассчитывая на то, что Осий поймет его внезапное появление не без помощи джинна.

– Да знает царь о твоем появлении!.. – Осий вдруг преобразился и отчасти стал напоминать того беспечного юношу, которого камненос из Филистии знал много лет назад.

– Ты лучше поделись со мной тем, что ты знаешь о подземелье Хаб Амахтзира! Мне очень хотелось бы знать о запечатанном месте Пяти пророков, – поинтересовался Осий, остановив его перед лестничным маршем у входа в здание.

– Э-э… – Гассан гадал, что именно интересует друга и зачем ему знать о полевом игрище Хоттаба Саидшарифа ибн Назарея.– Где хранится книга царств? – догадался Гассан.

– Да! – Осий был весь во внимании, едва сдерживаясь перед другом.– Дело в том… Понимаешь, Гассан, – Осий положил по-дружески на плечо его свою руку, желая поделиться с ним о своей настойчивости.

Гассан ибн Хоттаб, понял его обескураженность из-за стремлении получить от него те знания, которые являлись тайными даже для Хоттаба Саидшарифа ибн Назара.

– Я пишу одну книгу. И для второй ее части мне не хватает сведений о житии Пяти пророков и их знаниях, – поделился с ним Осий.

Оба некогда бывшие камненосы, глядя друг на друга, искали у каждого ответы на свои вопросы. Гассан гадал о трепетных желаниях товарища насчет сведений древних ученых. Осий жаждал постижений. Гассан не спешил с ответом, стараясь проникнуть в глубину его сознания. Прорываясь вглубь его мыслей, Гассану открывалось многое, отчего он просто не мог оторваться, и только вопрос Осия прервал его.

– Ну? – спросил его Иерован.

Гассан, прокручивая полученные грамотности от Осия, не хотел расстраивать друга.

– Я, Осий, толком-то и не знаю, что это за книженция такая. Мы с отцом не дошли до конца игрищ, я вызвал Факраша, и мы оказались здесь, – сказал Гассан.

На лице Осия появилось сожаление.

– Может быть, вернуться? – предложил Гассан Осию.

– Нет, Гассан, не стоит. Благодарю тебя, – ответил Осий.

– Я могу забрать тебя с собой и отнести в подземелья Хаб Амахтзира, если хочешь…

Гассан уже забыл, зачем он появился в царстве. И отказ Осия избавил филистимлянина Абдуррахмана ибн Хоттаба от выполнения своих предложений. Тут он вспомнил о своем намерении встретиться с царем Соломоном.

Они по приглашению Осия вошли внутрь здания, поднявшись по мраморным пяти ступеням лестничного марша.

В зале было просторно. Потолок прямоугольной формы с подвешенным посреди зала обручем, с которого свисали

двенадцать потухших лампад. Причем «…свет от них должен был бы быть необычным…», как предположил Гассан, оглядывая предмет. В дневное время светильники отражали лучи по всему пространству. Ромбовидные окна состояли из маленьких кусков особого стекла правильной формы, отбрасывая освещение во все углы помещения приема. Но филистимлянин задержал взгляд на потолке, переведя его с люстры на изображение. И как бы ни желал он, ему не удавалось скрыть от себя ни один элемент картины. От изучения художественных мотивов его отвлек Осий, позвав, направившись в проход, ведущий влево. Коридор оказался не долгим. Белые стены вывели их в царскую трапезную, в отличие от той зачаровавшей его картины, здесь находилось на полу панно, состоящее из мозаики чередуясь краткими композициями. Вверху свисал обруч паникадило, похожего на ту люстру, что находилась в главной приемной, с отличием разве что в коляде для каждой свечи, свисавшей не так низко, и, отбросив с того внимание, Гассан не просчитал, что на нем семь штук лампад.

Осий предложил остаться здесь.

– Гассан, побудь пока за столом. Мы отобедаем, а потом, я тебе обещаю, мы отправимся к царю, – сказал Осий и поспешил оставить филистимлянина одного.

Гассан в этот момент пожелал задать ему вопрос о составителях древней книги. Но теперь же, находясь во дворце Соломона, он ожидал встречи с самим царем, немного рас-

слабившись, больше радуясь тем, что отец его в благоприятном состоянии и он нашел способ оторваться от его забав.

Гассан все же ощущал тоску. Но, взглянув на босые ноги, тут же задумался о приобретении им новых туфель, на этот раз обычных, решил он, без моды на восток. Такие, какие он носил, до того времени как стать везерем города Ашшур. Вызвав джинна и обратившись к нему с просьбой, не зная совсем о том, что объявил для народа Израиля негласно новую моду обуви с подошвой, закреплявшейся на ноге ремешками, вид обуви, принесший из Египта, предложив джинну выдумку сменив для себя устройство крепления веревкой. После по выполнении своей работы джинн испарился, когда в обеденном зале появилось двое. Мальчик пятнадцати лет и девочка такого же возраста, бросившая на джинна испуганный взгляд, она едва не выронила миску для еды и только когда перевела взор на Гассана, успокоилась, продолжила следовать за мальчиком. Дети несли атрибуты к обеденной трапезе, мальчик поднос с фарфоровой кастрюлей и из того же материала заварочный чайник. Филистимлянин после своих злоключений был откровенно рад пище. Мальчик зачерпнул большой ложкой из супницы, оставленной им на столе на подносе, суп и вылил в миску. Девочка взяла с подноса заварочный чайник и наполнила из него пустую чашу, принесенную ею в миске, при этом что-то произнося на своем языке, время от времени показывая в сторону, откуда они появились. Гассан делал вид, что понимал ее.

Насытился в одиночестве, когда слуги его оставили. Вскоре в зале появилась та же девочка, приглашая его в другую комнатку, оказавшуюся небольшой опочивальней, словно угадав мысли путешествующего. Гассан, заметив небольшую кровать, ужасно обрадованный, поспешил на ней расположиться, съежившись, едва поместившись, он моментально уснул.

Утро Гассан Абдуррахман встретил рано. Зашторенный легкой тряпицей небольшой проем над головой чуть выше его тахты, что можно было дотянуться и отодвинуть занавеску.

Потянувшись в койке на тюфяке из гагарьих перьев, как посчитал Гассан, принялся анализировать новое место. Здесь стены, должно быть, из выкладки из печной крошки путем прессовки, как в лучших домах Ашшура, решил филистимлянин, как бывший некогда работник на стройплощадке. В его же дворцовой келье стены отделаны и обтесаны были гладко и покрыты глазурью – новым видом отделки. На вид мраморный его потолок и впрямь был из драгоценного строительного камня. Все было сложено, как задумал обладатель опочивальни. Где Гассан отдыхал или проводил время с наложницами. Состояние других комнат, где он принимал гостей или пировал с ними же, не сравнивалось с великолепием его личных апартаментов в Ашшуре, даже с его отцом Хоттабом ибн Назара, разве что однообразием убранства помещений зала для проведения пиров в Хаб Амахтзи-

ре.

В спальню Гассана вливался дневной свет, первое, что ему представлялось, – это голубой цвет неба. На какой-то момент он упустил, что он не у себя в палатах и прислуги в его опочивальне не будет. Но, тут же осознав свою ситуацию, что ему неплохо, филистимлянин не очень и огорчился. Однако в его мыслях мелькнула идея искупаться.

Пролежав так, обдумывая про себя несколько идей, на соображение которых ушло немного времени, как молодой человек, не выдержав бездействия, поспешил к выполнению своего плана о затее своего здесь пребывания, не задумываясь о том, что все жители царственного дома еще отдыхали. Рассвет только начался. Гассан, отыскав у лежанки свою новую обувь, одевшись в свой халат, который аккуратно сложен был на табурете, подойдя к отрытому проему, задумал прогуляться по неизвестным коридорам или комнатам. На поиски дворцовых жителей решил путешественник, последователь ранних ханаанеев.

Как вдруг в этот момент за окошком он услышал крик петуха, отчасти разочаровавшись в том, что он разбудит обывателей и ему мало времени останется на то, чтобы самостоятельно обследовать обстановку. Все же дворовая птица не остановила его. Выученный детской привычкой рано вставать до подъема обывателей деревни в Филистии, Гассан Абдуррахман ослабил сноровку, проживая в городской черте Ашшура и царственных садах Фив, название древнего горо-

да в Египте, находясь там у своих друзей. Сейчас, филистимлянина будто в некоторой степени заставило выйти из своей комнатки.

Направившись вправо, Гассана выводил короткий коридор в большой зал. Прошел через овальную арку с разноцветными яркими картинами, вывешенными вдоль перехода. Мозаика разноцветных стекол напоминала ему изображение на холсте во дворце Нур Ащг-урши в Вавилоне родственника одного из священнослужителей столицы Междуречья, когда Гассан, уложив там своих несколько дел, закончив постройку храма на возвышении Борсиппа у озера Ашу, тем самым, вспомнив веселые дни, проведенные в поселении центрального города.

Следующей панорамой для Гассана куда он вышел, представлял зал весь освещаемый и обширен, в котором размещались свисавшие четыре круглых паникадило с потолка, разных диаметров вмещали на себе по четыре подсвечника. За просветом зала, который, казалось, охватывал все пространство, кроме округлого потолка, расцветали и разного вида зеленые насаждения, кустарники, деревья, ползущие растения, которые, если только приглядеться, обвивали стволы деревьев, пропадая где-то в кронах, и часть заметных колонн, о которых Гассан не подозревал, для чего они скрывались в этих зарослях. «Наверное, еще один потолок, затерянный где-то в верхушках деревьев», – подумал Гассан, приблизившись к арочному, больше его роста проему зала с

одним из просветов, которых насчитывалось штуки три по одному ряду с выходными воротами в конце зала, до которого, казалось, идти и идти. Сад различался тем, что начинаясь со стороны стен дворца было больше густоты насаждений уменьшаясь, где сквозь листья заметно выделялась одна из скрытых колонн в зарослях, куда лучше поступал солнечный свет, воодушевляя наблюдателя. «Никогда бы не подумал среди чащи делать царский дворец», – задумался Гассан. Но тут же если вспомнить Буссуала, царя Филистии, при котором Гассан покинул его земли.

Каменное сооружение царя Филистии состояло из обтесанных валунов посреди небольших деревянных построек, часть из которых являлись хижинами, а другие отходили для военных сборов, состоящих из охраны двора лидера, или царственного наместника, объединившего поселения в единое городское сообщество Ашдода. Далее своего поселения Гассан, будучи Хесеном Аквиинским из Ашдода, бывал лишь в одном из городов Филистии, в образованном пятиградии за несколько лет до его рождения и то, однажды, заинтересовавшись другой частью филистимского народа – увядавшим Экроном.

Прозрачное ограждение помещения дворца Соломона удивило Гассана, оно было настолько невидимо, что лишь блики восходящего солнца расплывались в нем как это бы не было снаружи. «Какая удивительно прозрачная слюда, и ровная…» – заметил Гассан, едва дотронувшись до прозрач-

ной тверди.

«…Застывший воздух?!» – гадал молодой человек, удивляясь творению.

– Неоспоримое творение человеческого мышления! – словно отвечая на его вопрос, произнес позади него голос. Гассан обернулся. Перед ним стоял царь Израиля.

– Не правда ли? – произнес Соломон Давид.

Он ничуть не изменился с последней их встречи. Все те же едва заметные морщины, естественные для человека его возраста. Ясный мудрый взгляд, короткие, уложенные назад волосы. на его халате с вышитыми частями слов на иврите по воротнику одежды, отличались лишь некоторыми иероглифамив, по сравнению какие он заметил на одеянии Осия. Лишь какая-то часть его образа, казалось, несла в себе некоторые изменения. В нем ощущалась сосредоточенность и в то же время какая-то легкость и уверенность, нежели в прошлый раз при их первой встрече, у Соломона был отведеный, но при этом дружественный образ.

– Ни разу не встречал такой диковины, Ваше Верховодство, – признался филистимлянин, ни на миг не забывая, на какой он земле родился. Земли Ханаана до вступления сюда евреев были общей территорией финикийцев, живших до разделения земли обетованной между иудеями и истинными ее жителями, и борьба между ними закончилась лишь при отце Соломона. Все же Гассан не являлся прямым израильтянином, но был его служителем при царе государства. Гас-

сан не заметил, как обратился к царю величием, принятого наивысшему статусу в Вавилоне, что также приравнивалось к статусу царя Израиля, лишь звучало по-иному. Соломон никак не отреагировал, наоборот, ему даже льстило одно название величия с Шам аш Мадэмиком, царем городов Междуречья.

– Идеальная гладкая поверхность сконструирована лучшими деятелями, сравнима разве что с водной гладью во время ее спокойствия, – сказал Соломон.

Гассан, слушая царя, не догадался проникнуть в его мысли, что не пропустил бы сделать так его отец Хоттаб ибн Назара. Но почувствовал в его словах некоторое шутливое замечание. Соломон перевел взгляд на витрину, затем вновь на Гассана, услышав его.

– Да, Ваше Верховодство, чем-то похожее, я помню, на бассейн брата царя Вавилона Мар битт Хиддина, хозяина мест у одного из склонов гор Бушующей реки за покинутым Эрконом. Там осталась только небольшая деревушка, – разговорился Гассан. – Народ его переселился из-за стычек между поселенцами. Я уверен в том, что даже малая часть хранителей истории Аккадии забыла о ее существовании.

Филистимлянин, увлекшись воспоминаниями, заметил, что отвлекся от сути беседы встреченного им одного из чудес, вновь продолжил:

– Разбросанные по дну бассейна драгоценные камни заводи… Бассейн самого богатого наместника, так умело скры-

вающий такое чудо! В нем словно и нет воды, лишь переливающиеся самоцветы от солнечных лучей, разбросанные по дну водоёма! Но стоит только дотронуться ниже края воды, понимаешь, – Гассан крайне был рад встрече с царем, – что здесь ты можешь охладиться, словно принять освежающий нектар после жаркого светила на небе!

Гассан не стал упоминать о том, как две дочери Мар битт Хиддина, его подпоенного, столкнули шутя в тот водоем, тем самым разгневав своего отца. Гассан ни разу не замечал за время гостеприимства наместника Шум Экрона, чтоб, кроме его дочерей, кто-то еще принимал искусственный пруд.

Царь внимательно слушал филистимлянина. Гассан не знал, что некоторые деяния из мест его пребывания были известны Соломону. Он притворился, что был удивлен. «Да, намного был бы удивителен сад из спускающихся книзу лиан и искусственных же водопадов», подметил владыка Израиля про себя.

– Все это невозможно представить, не человеческих рук творение… – закончив свою мысль, произнес Соломон, задумавшись.

– Но, Гассан, мне нужно с тобой поговорить как с доверенным человеком, – сказал Соломон.

Он предложил рукой отойти гостю от витрины и шествовать за ним. Филистимлянин, проанализировав мимоходом его мысли, не заметил никакого подвоха. Чему-то он научился у отца. Не найдя недоверия к нему у царя, двинулся за

ним. Он, еще раз оглядевшись, сравнивал обиход пространства с теми, которые ему удалось познать. Прозрачная твердь окон воодушевила его тем, что скрывала шум звука птиц и дребезжание листьев на легком ветру, и он решил по возвращении в Ашшур обязательно заказать у джинна такую же вещь. В его опочивальне. А еще что-нибудь в виде такого драгоценного прозрачного материала и для Вишух А. «Кстати, Вишух А… а что я здесь делаю без нее?!» – на мгновение задумался Гассан о наложнице. Но тут же, после того как оба мужчины оказались за пределами зала, они спустились по лестничному маршу, выход которого вел в один сад. Осматриваясь, услышав пенье птиц, Гассан заметил то, что было на колонне, во время поисках одной голосистой садовой певуньи. Это была часть свода, по всей вероятности, включавший в себя полный ансамбль царского двора. Ему тут же захотелось выполнить ритуал и попросить волшебного духа поднять его вверх над всем Иерусалимом, чтобы узнать, что там, за колоннами, находится, а не услышать из уст собеседника. Гассан отчего-то считал, что царь станет с ним откровенным, но Соломон остановил его с желанием.

– Все, что перед тобой, Гассан, сын Хоттаба, – обратился царь к следовавшему за ним воодушевленному гостю, – думаю, тебе известно. Это часть культуры общества и государства. Я полагаю, часть из них тебе на твоем жизненном пути приходилось встречать.

Слова царя заставили Гассана задуматься. Никогда он еще

не слышал разумных речей, ни от песчаного бедуина-мудреца, испытанного жизнью, который, накопив несметную роскошь и богатств за свою жизнь, однажды бросил все и поселился на границе между дюнами Песчаной Земли, прослыв своей известностью по слухам племен тем, что носил одну одежду лишь, для того чтобы укрыться ею. Или же, казалось бы, умных речей от сопроводителей самих великих владык того или иного государства Южной и Северной Месопотамии или князей Быстрой реки Междуречья. Или же жреца культа Атона Нем Хора, который изучил всю историю родового поколения Египта, его правителей, уходивших в историю от самого созидания Мицраима вплоть до создания Сфинкса в Мемфисе, что встречает горизонт, или же от жителей Хаб Амахтзира жилища, которых ничем не выделялись от более зажиточного населения.

За некоторое время пребывания у своего отца пытливый филистимлянин ознакомился с некоторым числом обывателей Хаб Амахтзир. И однажды, увлеченный игровыми развлечениями, это было ранним утром, в своей келье после очередного гуляния Хоттаба в одном из селений Хаб Амахтзира, Гассан случайно узнал историю про судью Фалиаба, вылетевшего из окна в день рождения Хоттаба ибн Назара при помощи охраны за неосторожное свое слово самохвальства оценив в сравнении лучшим положением в своем местопребывании в отличие от владений Хоттаба.

Как-то раз по своему желанию при помощи джинна Гас-

сан оказался на рыночной площади одного главобразующих поселений Хаб Амахтзира. После превращения магическим духом Гассана из воздуха обратно в человека филистимлянин оказался за углом одной из хижин, которая была сделана из песчаника и илистых отложений, жилая постройка более-менее зажиточного поселенца. Вывернув за дом, Гассан тут же попал в поток людей большого проулка, тянувшегося вдоль жилых построек, и, вероятно как понял Гассан, это был район по виду их строения из граждан менее малого по средствам. Место, не отличавшееся порядком жизнью других районов Магриба, здесь также шли женщины с не случайным взглядом державшие на голове амфоры с чем-то содержащимся их внутри или плетеных корзинок. Беззаботными юношами или мужчинами с детьми и женщин с ними. Все они если переговаривались, то их Гассан если не узнавал речь, но большая часть слов ему была понятна. Завернув за дом, у которого преобразовался в человека, он, слившись с толпой, шествуя по улице, то и дело замечал на себе взгляды, точнее, на своём богатом одеянии, как открытые, так и не скрывавшие удивление людей. Пару раз к нему подбегали мальчишки с просьбой о получении от него «денежки», что в конце концов вывело его из себя, и он собирался уже вызвать своего джинна, чтобы тот вернул его к отцу, как заслышал впереди в начале улицы чьи-то крики. Гассан заинтересовался, как вдруг навстречу ему появился в рваной одежде обывателя юноша лет тринадцати. Он вынырнул с конца

проулка, и тут же за ним вслед появился мужчина. Он что-то выкрикивал ему вдогонку. Чуть остановившись, продолжил его преследование, то ускоряя, то замедляя бег, словно раздумывая. Прохожих такая сцена не касалась, похоже, это было рядовым случаем, но лишь несколько человек оглянулось на останавливавшегося мальчишку. Гассан, заметил его напуганное и серъезное лицо, что даже могло оставить вопрос о причине возникновении такого взора, но Гассан тут же забыл о нем, обратившись к преследовавшему его мужчине, желая понять, что тот от него хочет. Но вдруг юноша, обежав Гассана, внезапно оказался перед ним. Его словно ветром вернуло. Гассан подивился, что его могло так стремительно переместить обратно. Он оглянулся. Позади на расстоянии двадцати шагов от него возвышался ифрит. Тем не менее, как заметил Гассан, он чем-то отличался от того повелителя джиннов, каким владел его отец. Юноша, пролетев над землей, взвив пыль и песок, попал прямо к тому, который спешил за ним.

– Ах ты… Мелкий воришка! Я проучу таскать тебя чужие вещи! Сейчас придет стража и отведет тебя к рыночному судье, мерзавец!

Мужчина взял бедолагу за воротник. Паренек до сих пор не понимал, что с ним случилось, выискивая по сторонам своего предателя.

Гассан огляделся, сквозь жителей он хотел узнать кто является хозяином могущественного джинна, но, кто прижал-

ся к земле от появившегося духа, кто примкнул к стене зажмурившись, потерявшись в пространстве, кто просто, убегая, стремился избежать явления, по поверьям предвещавшего несчастье.

По мифам джинны могли похищать людей, впрочем, в той же мифологии Гассан отлично разбирался. Джинн никогда не применит силу по своей воле. Стало быть, Гассан задумался: «…где-то тут твой владелец…»

Но ифрита уже не было. Народ понемногу приходил в себя. Кто-то из них поневоле завязывал разговор по этому поводу даже с незнакомыми людьми, делясь впечатлениями и уверовав в мифических существ еще больше, кто-то из новых случайных прохожих, подслушав разговор, считал это розыгрышем. А Гассан Абдуррахман, недолго думая, направился в сторону поселянина, тащившего мальчишку за ухо в обратном направлении.

– Эй! – окликнул он.

Тот не сразу остановился. Гассан второй раз окликнул бородача, мужчина с взъерошенной растительностью на голове, в потрепанном халате, который был явно велик ему, наконец огляделся. Филистимлянин супротив него был очень хорошо одет, чем он и выделялся среди других людей.

– Чем провинился этот паренек? – спросил Гассан, подойдя ближе к незнакомцу.

Мужчина, прислушавшись к одетому как высокопоставленный гражданин, старался понять его речь, подыскивая

слова, словно оправдываясь:

– Господин! Он стащил лепешку из моей лавки!

Такая ситуация была известна Гассану, но его интересовало другое.

– Ифрит, что задержал мальчугана, принадлежит тебе? – спросил Гассан.

Неожиданный вопрос привел в недоумение человека, он невольно расслабил руки, юноша, недолго думая, дал стрекоча. Торговец забыл о нем, пав на землю в мольбе перед Гассаном.

– Я не виноват. господин, это все он! Мизитираф!

Гассан никогда не слышал этого имени и решил отца при возможности расспросить о неизвестном владельце, повелителе джиннов.

– Постой, постой, не волнуйся ты так. Ты мог бы лучше рассказать поподробней, кто такой этот Мизи?.. – обратился Гассан к незнакомцу.

– Мизитираф, господин, – поправил филистимлянина мужчина, поднявшись, уже никуда не спеша.

Было заметно, что он не испытывал особого страха к тому повелителю джинна.

– Он добрый, но связываться с ним опасно, – сказал лавочник. – Он повелевает джиннами, это могущественный властелин, могущественнее самого руша шурта!

Едва ли Гассану язык, на котором говорил мужчина, мог составить понимание его речи, но он поймал название главы,

отвечающего за порядок в городе. Так называли одного из гостей, присутствовавших на дне рождения Хоттаба.

– Э-э… Хорешан Афу? – вспомнил Гассан имя брата несчастного, которого выкинули из оконного проема поместья на празднике его отца.

– Да, господин! Хорешан Афу, добродетельный и справедливый. – Лавочник принял Гассана за друга градоначальника.

– У него еще был брат Хоршеми Афу, – сказал Гассан.

– Правильно, господин! – удивлялся знаниям филистимлянина о верховных лидерах Хаб Амахтзира мужчина. – Он чем-то не угодил своему брату, и его нашли под стенами Хоттаба Наимудрейшего, – сказал лавочник.

Его лохматая шевелюра немного смешила Гассана, головной убор, собранный из полосатого куска материи, опрокинутый при попытке задержать мальчугана, слетевший с его головы, служивший ему защитой от солнца, песка и холода, был в его руках.

Филистимлянин не долго думал, что делать с владельцем торговой палатки, как утонченный, но спокойный ценитель моды бросил взгляд на обувь мужчины, сравнив ее со своей. На обывателе были заметно износившиеся кожаные туфли с толстым слоем подошвы из обделанного тростника, представляя собой их владельца среднего достатка.

– Покажи мне этого владельца ифрита, – сказал Гассан.

Лавочник вновь сделал неподдельный испуганный вид,

услышав о джинне, когда тот так просто попросил о встрече его с хозяином духа, как будто тот был лучший его друг. «Но если не сам был великим магом, – подумал про себя торговец лепешками, – то, вполне вероятно, что-то сам немало знавший о тайнах могущественных духов.

– Господин, в наших местах не принято называть могущественных джиннов, – подсказал он Гассану.

Но, заметив крайнее удивление хорошо одетого молодого мужчины, пожалел, что раскрыл свой рот, гадая кем приходиться Гассан не желая узнать его гнев.

– Не беспокойся, – сказал Гассан, – ты только покажи мне того, кто владеет магическим духом. Надеюсь, тебе это ничего не стоит сделать? – Улыбнувшись, сказал Гассан, ища расположение к себе человека.

– Дело в том, господин… – Мужчина, успокоившись, по отношению к нему засомневался в высочайшем положении Гассана.

Но богатый халат чужестранца все же заставил его быть откровенным:

– Я полагаю, что вам бы не следовало видеть Мизитирафа Аль Етакид Ерфу. Он мой друг, но очень нездоров. Если бы видели, в каком он ужасном состоянии… В последнее время отчего-то он часто впадает в трепет! Вот и сейчас. Я хотел бы сам остановить наглеца, но мой друг уже отправил волшебного мага! Я же не мог ему кричать, что ему грозит опасность. Да что и говорить, мальчишка сам виноват, – по-

яснил мужчина.

– Веди меня к нему! Не волнуйся, – сказал Гассан настойчиво.

Не зная, чем заплатит торговцу лепешек за столь драгоценную информацию, мужчина, повинуясь богато одетому Гассану, направился к месту, где настиг хулигана. Они проследовали за следующий дом, пройдя через большой проем двух жилищных строений оказались внутри двора, где находились палатки с домашней утварью, здесь также располагалась шатер с хлебными изделиями и какими-то пряностями. Следующая палатка, стоявшая напротив других, была с фруктами и различными приправами, от которых разносился приятный запах.

– Сюда, господин. – Мужчина показал на низкое здание, являющееся центром этого хозяйства. Они прошли, внутри постройка оказалась хлевом с лошадьми. Проводник Гассана пытливо оглядел его, уверившись в том, что человек в богатой одежде продолжает идти. Филистимлянина нисколько не смущал запах, стоявший в стойле. У него была цель, и он пять лет занимался лошадьми, готовя их к играм или на продажу в своем родном поселении.

Выйдя из конюшни, им открылось благоустроенное хозяйство. Такие не похожие на обычные хижины. Стены дома были гладкими и желтого цвета. На первом этаже были ворота, но жилые комнаты находились на втором. Из кустов мандаринового дерева им навстречу вдруг выскочила соба-

ка, залаяв.

– Тьфу, собака! Тьфу! Свои! – остановил ее мужчина.

Собака не сразу перестала лаять. В последний раз рявкнув, она исчезла где-то под зеленью кустов. Гости поднялись по примыкавшей сбоку лестнице, ведущей в дом. Тут же при входе внутрь в глаза бросился мраморный пол центрального небольшого зала, с бликами от солнечных лучей проникавших через большие два окна расположенные посереди проходов в другие помещения. Вдруг из одного из проемов им навстречу появилась женщина, по возрасту едва ли старше Гассана, за густой порослью лица проводника филистмимлянина, трудно было определить его возраст.

– Вы куда? Стойте! Стойте! Наш хозяин сейчас как никогда разгорячен! – женщина говорила негромко, но настойчиво выталкивая руками пришедших. – Уходите! – требовала она, о чем-то беспокоясь. – Если не хотите навлечь на себя неприятности.

Но скрываться гостям уже было поздно. В одном из проемов появился Мизитираф.

– Все!.. Все разнесу! Джинн, я приказываю! – неистовствовал мужчина.

Ему было на вид сорок лет. Его уши были красными и оттопыренными, словно сейчас оторвуться от него. Щеки его вот-вот, казалось, лопнут, вылетавшие изо рта слюни предполагали, что человек не здоров рассудком. И не успел он произнести следующие слова, как дом задрожал. Стены его

жилища затрещали, но создавалось мнение, что они не рушаться но спешно оторвутся и поднимутся, и когда в полу появилась первая трещина, Гассан поспешил вызвать своего джинна, проделав ритуал.

– Леху мешарет абот ликрателай! – произнес он.

И после появления перед ним слуги Соломонова кольца проводник Гассана, казалось, то ли от страха, то ли от поражающего удивления от невиданного чуда, уже не выдержит такого представления магического духа, о которых он только слышал и считал их несуществующими, просто выбросится из окна. Но какая-то доля самообладания человека прижала к стене и направила его к выходу. Но все же по лестнице лавочник, в спешке оступившись, полетел кувыркаясь к выходу.

– Джинн, прекрати разрушение дома и излови ифрита, – обратился Гассан к джинну, при этом гадая о возможностях магического духа.

Ифриты были повелителями джиннов, слуга кольца от противодействия ему может отказаться. Все же джинн Гассана вновь удивил обладателя амулета израильского царя. Он вылетел в проем окна из дома, и тут же крушение дома прекратилось. Едва поднявшись, стены оседали, издавая хруст. Но вдруг со стороны улицы послышались дикие и громкие звуки, будто корова неистовствовала в своем рыке. Но были они пугающе, так что трудно было догадаться, что это – животное или зверь. Гассан поспешил к окну. Оглядев огород,

не заметив ничего подозрительного, он ринулся на выход, оставив ошарашенных домочадцев. На выходе ему встретился лавочник, он поглаживал свою ударившуюся о лестницу голову и плечо. Не обратив на него внимания, Гассан выскочил во двор. И в первую очередь он увидел ужасающего вида ифрита. Его пасть была так широко раскрыта, что туда мог поместиться весь человек. Джинн Гассана пытался обхватить злого духа и утащить его в неизвестном направлении. Повелитель магических исполнителей как мог сопротивлялся Факрашу, но что-то ему мешало справиться с ним. Так продолжалась их борьба. Вжавшаяся в угол стены собака скулила словно щенок. Во время очередной схватки джинну Гассана удалось все же ухватить ифрита, едва справляясь в борьбе. Схватившись, волшебные духи столкнулись с постройкой, отчего хижина Мизитирафа Аль Етакида дала еще большую трещину и стены стали разрушаться под телами казавшихся бестелесными противников. Осевшая часть дома показала его хозяина находившегося в неподвижном состоянии. Он стоял без действий, пялясь в невидимую точку. Наконец борьба джиннов перешла на садовничьи места двора, помяв несколько кустарников и мандариновое дерево, духи внезапно исчезли. Но вновь появившийся ифрит вдруг так же быстро пропал, исчезнув в теле Мизитирафа Аль Етакида Ерфу, отбросив его в часть оставшегося от зала приемного коридора.

Гассан догадался о том, что амулетом управления джин-

на был сам хозяин дома. Забравшись по руинам лестницы, филистимлянин направился к безмолвному телу мужчины, захотев узнать о его жизнедеятельности. За ним еще с опаской, желая оказать помощь, подтягивались его родственники. Аль Етакида передергивало, его взгляд был таким, словно в пяти шагах перед ним оказалась разъяренная конница воинственных полков. Позади, выглядывая из-за оставшихся стен дома, за ними наблюдал его джинн. Гассан, заметив его, оставил хозяина дома его домочадцам, стараясь не отрывать взгляд от Мизитирафа. Подплывая к владельцу кольца Соломона, джинн также наблюдал за хозяином дома, чтобы из него вновь не вышел ифрит.

– Внук тетки Икриша, царь джиннов Джирджис ибн Реджмус из потомства Полиса, владыка ифрита, кому подчинены все джинны, знает, как освободить этого человека и за что был наказан этот человек, являясь сосудом для владычественного духа джаханнама.

Гассан оглянулся. Лицо джинна выражало собой полное спокойствие, и в нем даже угадывалась человеческая добродетель – сожаление. «Забавно», – подумал про себя филистимлянин.

– Но ты-то не подчиняешься их законам… – заметил Гассан. – Почему?

Джинн молчал.

– Хорошо, – сказал Гассан, – ты можешь перенести меня к их владыке?

– В ад?! – спросил слуга кольца.

Вопрос джинна поднял в Гассане сомнения в правильности своего вопроса. Он доверял магическому духу и дару Соломона.

– Нет, конечно, нет. Но… я бы сейчас с удовольствием поел сладкий урюк и принял свежее вино…

Гассан не договорил, как тут же оказался в своих покоях, в стране где владычествовал его отец. Перед ним уже был разложен стол с яствами, фруктами, вином и другими сладкими напитками. В проем его комнаты уже спешили девушки-танцовщицы, а за ними неуклюже шествовал музыкант, наигрывая на бубне легкий танцевальный ритм. Гассан вновь словно оказался во сне.

– О! – обрадовался он юным особам, и у него возникло новое желание так же быстро, как только что сменившееся место, решив вдруг поделиться весельем со своими друзьями. Он принялся перебирать в уме, к кому бы из них попросить джинна доставить его. Гассан, оценивая своим взглядом одну из танцовщиц, сделав глоток из серебряного кубка, поманил одну из них.

– Привет, родная, тебя как зовут? – спросил он девушку, которая напомнила ему Вишух А.

– Биргия, господин, – ответила она.

Филистимлянин, наслаждаясь отдыхом, обнял ее за талию, предложив ей гроздь зеленого винограда.

– Держи, моя красавица, – сказал Гассан, хлопнув слегка

ее пониже спины.

Та ласково приняла подарок, однако ей совсем не хотелось есть ягоды. Но ей удавалось притворно улыбаться филистимлянину. Гассан, сделав очередной глоток из бокала с вином, уже не глядел на других танцующих. Махнув рукой в сторону, тем самым прогоняя присутствующих, другой он уже крепко придерживал девушку.

– Бирге? – обратился он к новой подруге, пока их оставляли одних.

– Биргия, господин, – девушка поправила Гассана.

– О! Да ты строптивая… – улыбнулся от удовольствия сын Хоттаба.

Биргия от его слов вдруг растерялась. Она вспомнила, что случилось с ее подругой Петаль, состоявшей одной из наложниц командира пехоты во владении Хоттаба, за неосторожные слова была выдворена из поместий командира и вывезена в опустошенные места Хаб Амахтзира за окраину земли, давно покинутые поселенцами из-за засушливости тех мест, но Гассан погладил танцовщицу и оставил ее у себя.

Снова во дворах Соломона

Филистимлянин и Соломон, царь израильский, прошли в дальний сад. Гассан лишь немногому удивлялся. Убранства владений Соломона сына Давида являлись ярче и великолепнее, но все же сады аккадского царя Шамаш Мадэмика воодушевляли филистимлянина более и скорее тем, что представляли собой густонаселенный городской район расположенный среди простора гуляющих ветров. В последнее время сильные ветра приносили большую часть песка, покрывая близко расположенные водоемы, тем самым ухудшая рельеф и жизнедеятельность района.

Они продолжали путь по тропе, царь словно ожидал вопроса, и он последовал:

– А что это за колонны такие высокие, и уходят куда-то за верхушки деревьев? – спросил Гассан.

Но Соломон не собирался отвечать на вопрос. Его самого интересовало другое. Он внимательно посмотрел на филистимлянина. взор Соломона бен Дауда Бет-Лехема был серьёзен как никогда. Причем тот взгляд, когда он общался с ним на холме Исайя в Иерусалиме, не излучал тогда такого к нему интереса.

– Гассан, – говорил Соломон, – мой амулет – тебе подарок. Я знал, что правильно используешь его.

Гассан, несмотря на похвалу, все же ожидал от царя не

такого разговора, он считал, что тот что-то не договаривает, и тут же получил этому доказательство.

– Однако твои игры с джинном, Гассан, не выдерживают никакой регламентации, – произнес царь, и новое слово ввело филистимлянина в раздумье.

В первую очередь ему на ум пришел подвал его отца.

– Твое всевластие… – загадочно произнес правитель еврейского царства Ханаана.

Гассан ожидал.

– Создание храма Борсиппа магическим духам, которые теперь могут самостоятельно править и могут сами владеть душами людей!..

С каждым словом царя, казалось, нарастал гнев.

– Конечно, я предвидел подобное, но открытие переходов джаханнама – грациозный ход твоего творчества, Гассан! Я недоволен.

Но Гассан Абдуррахман пропускал слова царя. Он считал правильным свое возведение храма на холме Борсиппа у берегов реки Пуратта. Его второе, но собственное произведение после первого строительства храма царю Соломону в Иерусалиме, обозначавшее как объединение ранних земель, принадлежавших коренным жителям земли обетованной филистимлянам отнеся собственную симпатию в края царей Месопотамии землям двух рек

Соломон, внимательно, глядел на филистимлянина, понимая, что религиозное построение, которое представляло

идолище, в самом деле не владевшее ни одной из магических сил и просто относившееся к одному из видов водоемных животных, считавшимся по легендам бороздящих, появившиеся из дальних перепутьев космоса дороги вечности.

– Твой джинн, мой слуга, и даже Джирджис, повелитель всех джиннов и морских тварей, не в состоянии владеть Факрашем.

И тут Гассана осенило.

– Царь. – На Гассана грозный взгляд Соломона не действовал, он ощущал полностью власть кольца – его подарка. – Что ты можешь мне рассказать об этом удивительном джинне, что он может даже то, что не в силах ифрит?

Государь не имел злобы к филистимлянину, но лишь к делам его, и самодовольный вопрос хананеянина смягчил его, словно отвлек от гнева.

– Это неважно. Об этом тебе не стоит знать. Впрочем…

Владыка ханаанских иудеев еврейского народа, над чем-то поразмыслив, загадочно изрек:

– Есть возможность самому все узнать.

Слова царя Гассана удивили или даже взбудоражили, ведь ему сейчас могут открыться тайны магических дел, более той части, которая ему знакома.

– Но сначала, Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб, должен сказать, что собираешься делать ты дальше? – спросил его царь.

Гассан пожал плечами.

– Вероятно, вернусь обратно, сделаю женой свою наложницу. – Последний план филистимлянину после недолгих раздумий явно нравился. – Навещу друзей. – Гассана удивляло терпение Соломона ожидавшего его ответ.

Впрочем, он и ощущал, что у царя из-за него все больше портилось настроение. Он даже не догадывался о его планах по отношению к нему.

Первой причиной и главной могло служить то, гадал Гассан, что царь терял с филистимлянином дорогое время. И в самом деле, его дела уже ждали по ту сторону другого мира, а также ему было необходимо поскорей наладить отношения с наследником трона Израиля, призванным из мест, где Ровоам, его сын, жил весьма упрощенной жизнью, чем его дед Давид, которому пришлось в свое время уравновешивать настроения между израильтянами и племенами, некогда входившими в часть Израиля, или как названое это государство ханаанскими филистимлянами «врата в земли обетованной», . Ныне живущим здесь своим бытом под общинным управлением и назвавшие, которые себя иудеями, что означало «все прощенные», в знак того явления, что песчаные и гористые места стали для них все больше привлекать к себе плодородием мест.

– Нет, Гассан Абдуррахман, тебе в первую очередь необходимо уничтожить храм, что ты построил в Аккадии, – сказал Соломон.

Для Гассана выполнение любого указа правителя израиль-

ского было в радость и в точности было бы исполнено. Но повеление, звучавшее скорее как просьба, уничтожить то, что предшествовало многим его делам и творениям, не входило в его планы.

– Нет, балибт малькх[32], – произнес Гассан, научившись за все время говорить на языке иудеев, – что я сам создал, я не могу разрушить.

В сознании Гассана ощущалось неистовство царя, но по виду этого было не понять.

Общение между двумя людьми затянулось. Гассан не знал, что придумать, как отвлечь разочарование государя словами от тщательно скрываемого нерасположения к нему. И, казалось, нашел. Он решил узнать, куда ведут эти колонны, но его мысли оборвали.

– Ты хотел узнать, как Факраш ибн… стал слугою моего кольца?.. – спросил Соломон Гассана. – Я могу поведать тебе эту историю, но взамен, Гассан Абдуррахман, я предлагаю подумать еще раз над моим предложением.

С чувством, что ничем хорошим этот разговор не закончится, Гассан ибн Хоттаб вновь отказался от предложения царя. В его планах было поскорей встретиться с Омаром Юсуфом, его братом, и, изменив повседневную жизнь в землях Хаб Амахтзира, направиться с ним в края, где покровительством народов являют собой два брата Сварог и Перун. Как только Гассан подумал об этом, Соломон возвел руки кверху,

---

[32] Любимый царь.

что, казалось Гассану, ничего хорошего уже не сулило, как вдруг небо все побагровело и царь стал произносить странные слова, которые Гассан никогда не слышал и трудно было догадаться, к каким народам они могли подойти:

– Ак кфунум фери ом кхана!

Как вдруг небо почернело, листья деревьев зашелестели, словно при сильном ветре. Соломон обратил взор на Гассана, отведя его от неба, и одну руку направил на филистимлянина.

– Повелеваю тебе, Гассан Абдуррахман ибн Хоттаб, владыка кольца Иеремея, стать слугой для Субботы, – Соломон направил вторую руку на Гассана. – Доди кала!

И вмиг тело Гассана испарилось, оставив на земле часть его перстней и два кольца, одно из которых поблескивало на появившихся из побелевших вновь облаков солнечных лучах. Соломон поднял одно из них, надев на запястье, как кольцо тут же сомкнулось, проявив по окружности обода слова на идише.

– Никогда не понимал этого филистимлянина, – произнес вслух Соломон.

Довольный своими делами, правитель Израиля, сын царя Давида, продолжил шествие по вытоптанной дорожке вдоль наполненного густой зеленью, травой, кустарниками и деревьями собственного сада, как услышал голос:

– Достопочтенный владыка. – Соломон узнал его.

– Что, Гассан? Не проси, обратно не верну я тебе твой

облик. Ты хотел узнать, как твой слуга Факраш аль Аамаш и мой бывший друг стал джинном? Надеюсь, ты это осознал, – произнес царь.

Он продолжил путь, заложив за спину руки.

– О! Достопочтенный владыка всего, что имеет тайну нисхождения на земле, и правитель народа, прошу тебя, верни мне мой облик! Я клянусь, буду верен тебе и буду выполнять все твои указания, – говорил голос невидимого обладателя.

Соломон остановился, задумался, но его мысли были далеко от Гассана Абдуррахмана ибн Хоттаба.

– Нет, Гассан Абдуррахман, ты теперь и так в моем подчинении, но одно лишь могу тебе пожелать к твоему облегчению: иди, мой друг, к Субботе…

– О горе, о горе мне! Великий судья и правитель живых и духов не милостив ко мне! О! Как не милостив, – жаловался Гассан. – Да будут же дела твои пусты, как пески великой пустыни! Как безмолвие Великого сфинкса! – слышались проклятия филистимлянина, что заставили царя остановиться, но лишь ненадолго задуматься.

– Слушай! Слушай! Мой брат Омар Юсуф будет искать тебя, найдет и отомстит за меня, Сулейман ибн Дауд! – без какого-либо тона укора, но с убеждением о справедливости произнес голос Гассана.

Соломон, оглядевшись, направился в сторону, сойдя с тропы. Было заметно, что он делает это без особого желания. Гассан продолжал речь, не желая сам того, донимая царя:

– Вот убедишься, царь! У него есть бело-лунный камень, он заклинает любого из джиннов. Я помог ему его достать в землях двух рек.

Соломон, ускорив шаг, вышел к отдельно стоявшему строению, оно было небольшое и состояло из жердей и палок. Войдя внутрь, он обнаружил там собрание разной посуды, от мелкой домашней до сосудов, в которых хранили или перевозили бы когда-нибудь разные жидкости: масло, молоко или напитки. Выбрав, не мешкая, на складе небольшой глиняный кувшин для кальяна, принесенный кем-то про запас, вероятно, привезенный в дар одному из царских подданных еврейского сообщества, которые не пользовались курительными приспособлениями, и положили сюда за ненадобностью. Взяв сосуд, Соломон, осмотрев его, одобрил, произнес также непонятные слова:

– Фарусу фир кхан!

Как вдруг буквально из воздуха появился дым, в котором едва узнавались очертания филистимлянина, сына Хоттаба, но он тут же стал удаляться внутрь сосуда, прихватив из воздуха развязавшийся головной убор из длинной материи. Соломон приложил губы к горлышку кувшина.

– Я встречал твоего брата Омара Юсуфа. Я удалил его с пути пространства для его же блага, пока зачарованный камень не поглотил его самого, – сказал царь.

И, взяв рядом лежавший вместе с грязью кусочек глины со словами:

– Я хмоль аллаих хмила! – запечатал горлышко сосуда, и пока глина еще была чуть свежа, наложил на нее печать своего перстня, затем произнес снова все те же непонятные слова:

– Муваке вэ ньяньджья, – сказал так и добавил: – На семи ветрах!

И тут же глиняная амфора взвилась вверх со скоростью ветра, унося ее в неизвестном направлении.

– Ну, вот, одним нарушителем моего покоя будет меньше, – произнес вслух Соломон, провожая взглядом кувшин.

Тут он поднял руку, на которой находилось кольцо Гассана.

– Абот ликрателай! – произнес он заклинание, как тут же появился слуга кольца Факраш аль Аамаш.

– Слушаю, истинный повелитель кольца! – произнес появившийся джинн.

– Доставь-ка ко мне этого… Омара Юсуфа, – произнес Соломон.

– Прямо с дороги вечности? – спросил его Факраш.

– Да… мой друг из пространства вечности. Мне нужно с ним кое о чем поговорить, – сказал царь.

Соломон недолго вел разговор со вторым сыном Хоттаба. И при его появлении он уже выбрал следующий сосуд – это была старая медная лампа без фитиля, завалявшаяся где-то в этой же халабуде. Затащив туда сына Хоттаба, царь отправил сосуд в море аль Каркар и отправился по своим делам во

дворец. Там ему было чем заняться.

Тем самым история Гассана Абдуррахмана, сына Хоттаба ибн Назара, закончилась на дне моря Забвения, только после череды притоков и глубоководных вод попал сосуд в другие края.

***

Спустя только три тысячи лет в одном из густонаселенных районов большого города со своей развитой структурой быта в одной из рек, купаясь в ней, нашел сосуд один из местных мальчишек, позже, став взрослым, называл себя Владимир Алексеевич Костыльков. В детстве открыв кувшин, он дал возможность Гассану вновь насладиться прелестями жизни, но по заклятию Соломона оставив место своего заключения продолжить существовать лишь в виде магического духа а именно джинном и слугой владыки, освободившего его из «…трижды проклятого им сосуда», прозванного им так, пока он там находился. И с этого момента у него начались новые приключения, так ярко описанные специальным деятелем в литературе Лагиным под руководством его друга и писателя А. Крона.

В Фивах в ожидании Гассана

Всю ночь Несер не мог уснуть. Его мысли были о том, что же происходит в выси на горизонте между небом и землей. Прогуливаясь уже в темноте по дворцовым проходам, он рассматривал, но не присматриваясь, расписные стены с иероглифами и созданными на них и колоннах барельефы людей , где в каждом рассказывалась история, значимость рисунка которой ему была малознакома. Он только сейчас начал ее изучать, но часть из нескольких иероглифов он знал наверняка, в частности, которые представляли отдельные группы имен.

Не встретив ни одного из слуг, но лишь двух воинов, стоявших у большой чаши с огнем, освещающей стелу Осириса, являвшую собой встречу с рядом фигурой немного меньшего роста раннего правителя Фив Рамсесом, принимавшим от божества Небовед одну из священных реликвий – камень кремово-небесного цвета с радужными включениями. Ночная прохлада, освещенные факелами древние стены ансамбля навевали на Несера размышления. Выйдя на дорогу низкой стены, вдоль которой стража вела наблюдение сквозь проемы во все стороны, выполняя свои обязанности, перед появлением царя делала знаки почтения. Несер, уйдя в свои мысли, словно не замечал их присутствия. Но в который раз обратил внимание на полоску горизонта, днем багряные ли-

нии увеличивались, и к ночи она казалась делением между миром Анубиса и владением Атона. Что это? Ответы на все вопросы, как и его жена, ожидал услышать от их друга Гассана, прописанными в письме, которое было отправлено ему в Ашшур, но оно оставалось без ответа уже третий день.

Несер остановился у одного из стражников. Дежурившему на вид было около сорока лет. Сосредоточив взгляд на небесной дали, у него возник вопрос к солдату. Жреческая коалиция уже давала свое предположение по поводу явления на горизонте, поясняя это разногласием между божествами Геба, находившегося в ссоре со своими сестрами, и единоправящим Атоном, и что сын Осириса Гор желает разделить свое правление, поссорить Нут с Гебом, и что произойдет дальше, только одному Ра известно.

– Что происходит с небом? – спросил Несер, не обращая на стража внимания.

Тот, с большим желанием желал высказать свое мнение царю. Но у него не получалось, и вывел только предположение, которое он слышал от своих приятелей:

– Аменти, мой царь, разделяется, быть новому суду Богов, где Сет разделять будет не только души, но сам назначать судьбы людей, – поделился страж.

Мнение военного стражника Несер определил как неполный ответ, и различия во мнениях жрецов и простого люда все же не подвели его к одному заключению. Он еще немного постоял на террасе одной из сторожевых стен города. И, по-

чувствовав сон, решил вернуться в спальню к жене Нефертатонптах и Шешонку, оставив свои размышления на скамьях храмовых дворов, где недавно пытался скрыться от детских криков сына. В связи с оставшимся недоверием и появлением нового люда во вновь создававшемся осваиванием людей городского комплекса, дворцовой прислуги ранее наследники, но ныне как новые правители Египта решили постоянно находиться с детьми вплоть до самого их совершеннолетия. Для царя Верхнего Египта это было более важным, чем странность над горизонтом.

Боинг

Боинг с логотипом на борту «Air Lines», выполнявший маршрут, исчез с панели радаров. Это была недолгая его пропажа. Спустя пятнадцать минут на карте воздушного полета появился разыскиваемый аэробус со всеми ста двадцатью пятью людьми на борту.

Собственно, после его возвращения происшествие в итоге свели к погрешности приборов в диспетчерском центре. В Малайзии такие случаи допускались, но крайне редко. Поэтому с появлением самолета на экране пути следовании машины скрыли из общей информации рейса.

24 марта 2015 года самолет парил над поверхностью земли на расстоянии девять тысяч километров, оторвавшись от взлетной полосы в 9:12 утра по местному времени и задержавшись на пятнадцать минут к месту прибытия.

В самом деле, никто в салоне не заметил, кроме ведущего пассажирское судно, что они три минуты пролетали над ожившими, как считалось древними постройками Египта. Интан Сидек, наблюдавший за ансамблем архитектурного строения Луксора, едва не надавил на штурвал на снижение, в первую минуту посчитав, что его полет – это сон. Чтоб окунуться ощутив в себе шикарные, просто маняшие к себе красками стены, колонны и арки, позолоченными на них разными орнаментами, яркими красками изображений,

являвшие собой культуру древнего Египта. Интан вовремя опомнился, почувствовав на себе пот. Взмывая в небо, давя всем телом на штурвал, он направлял машину, стараясь выровнять ее, продолжая вести самолет навстречу восходящему солнцу. Второй пилот в это время отсутствовал, он вышел из кабины при перелете над Днепропетровском.

Интан Сидек стал ощущать головокружение от напряжения от того, что надо было направить аэробус по правильному курсу. Сопротивляясь, он все же прикрыл глаза от тяжести. Преодолев себя, пилот, словно приходя в сознание, наконец посмотрел вперед. Перед летчиком находилась густота облачного неба. Он решил выпить кружку кофе и хотел попросить стюардессу принести его. Но его желание перебили позывные в наушниках, настойчиво вызывая командира экипажа самолета.

– Борт MH 250, почему долго не отвечали? Что с вами случилось? – спрашивал диспетчер.

Интан собирался с мыслями, но тут в кабине появился второй пилот. Заметив обескураженный взгляд командира, его напарник стал отвечать сам:

– Центр. У нас все в порядке.

– Сэр, вы отсутствовали на радаре пятнадцать минут. Как вы можете это объяснить? – требовали с земли.

Теперь вопросительный взгляд был у напарника Интана.

– Центр, все в порядке. По расчету до посадки полчаса.

Сидек надеялся на положительный ответ.

– Сэр, вы опаздываете на пять минут. С вами все в порядке? – выспрашивал диспетчер.

– Центр. Да, прибудем на пять минут с опозданием. – Второй пилот сверил координаты.

Сидек, казалось, пришел в себя. Он молча помотал головой в ответ на вопросительный взгляд второго пилота, показывая непонимание в том, что произошло с самолетом. У командира экипажа не было желания делиться этим с кем-либо, хотя бы потому что его не так бы поняли. Он лишь помотал головой, вскинул руки, в знак того, что не может объяснить произошедшее.

Вскоре судно приземлилось.